МКУК ЦБС Октябрьского района

ЦРБ им. Л. Н. Толстого

Методико – инновационный отдел

КРЯКК вдохновляет,
или
Путешествие за локальными историями

Сборник материалов о XIII Красноярской Ярмарке Книжной Культуры

Составила: Фомичева И. Б.

Новосибирск

2019

Оглавление

Введение ... 2
Профессиональная программа ... 3
Томислав Шола. Локальные истории в глобальном контексте ... 3
Презентация выставки «Точки входа в историю» ... 6
Борис Кузнецов. Локальные истории нашего детства ... 10
Николай Прянишников. Семейные истории ... 15
Михаил Гнедовский, Любовь Васильева. Локальные истории в Музее-заповеднике «Шушенское» ... 18
Александр Артамонов. Аналог-цифра-аналог. От фотолаборатории в ванной комнате – к лаборатории сторителлинга ... 22
Елена Лерман. Новое краеведение ... 24
Людмила Пронина. Сохранение исторической памяти об исчезнувших поселениях Тамбовской области ... 29
Оксана Турская. Аудиогид своими руками ... 33
Евгения Совлук. Краевед Ефим Ильич Владимиров и его книги ... 39
Александра Шиндина. Второе юдинское собрание книг ... 46
Основная программа ... 55
Открывающая дискуссия ... 55
«Что мы имеем в виду, когда говорим «локальная история» ... 55
«Где происходит локальная история? Как живут регионы?» ... 59
Марафон «НЕМОСКВА» ... 63
- **Часть 1. Локальность: уникальное или универсальное** ... 63
- **Часть 2. Локальность и искусство** ... 70
- **Часть 3. Локальность и человек** ... 74
- **Часть 4. Локальность: как развивать сообщества** ... 82

Александра Архипова. Говорящие и горюющие города: что такое городская антропология? ... 87
Ирина Щербакова. Нужна ли наша история молодым? ... 91
Александр Гаврилов. Что говорят бабушки о локальной истории? ... 97
Открытые дебаты премии «НОС» (Новая словесность) ... 101
Презентация книги Дмитрия Захарова «Средняя Эдда» ... 106
Презентация книг Алекса Капю «13 правдивых историй», «Жизнь прекрасна» ... 107
Детская программа ... 111
Андрей Черкасов. Занятие по книге О. Сотникова «Дрейф на льдине ... 111
Алла Белова. Занятие по книге «Все делают ЭТО!» ... 113
Театральная программа ... 115
Спектакль «Пушкин и деньги» ... 115
Искусство на КРЯККЕ ... 117
- **Катя Гущина. Трэвел-буки – искусство реального** ... 117
- **и воображаемого путешествия** ... 117
- **Анна Десницкая, Александра Литвинова. Транссибирский экспресс** ... 122
- **Дмитрий Цветков. Локальные истории Красноярского края** ... 122
- **Арт-проект «На районе. Локальные истории»** ... 122
- **Выставка «Размышления о городе»** ... 123

Игры ... 125
- **Игра «74. Настольная игра по советской истории»** ... 125
- **«История в предметах: тайны канцелярии»** ... 127
- **Квилтинговая мастерская** ... 128

Заключение ... 129
Приложение. Фото XIII КРЯКК ... 130
- **DVD-диск** ... 133

Введение

С 31 октября по 4 ноября 2019 года Фонд Михаила Прохорова в партнерстве с правительством Красноярского края и администрацией города в тринадцатый раз провел Красноярскую ярмарку книжной культуры, уникальное культурное событие, основной темой которого стали «Локальные истории». Интерес к локальной истории – важное и актуальное общественное явление. В последние годы предпринимается все больше попыток посмотреть на общую официальную историю страны через частную жизнь и судьбу отдельного человека. У человека, знающего историю своей семьи и малой родины, формируются чувства гражданина и патриота, ощущение сопричастности к истории и культуре того места, где он живет. На протяжении предыдущих ярмарок неоднократно раз шел разговор о важности локальной истории. Но на XIII КРЯКК вокруг этой темы были построены мероприятия всех программ, и в этом чувствуется серьезный подход и ответственность команды экспертов и кураторов.

Как сказала на открытии ярмарки И. Д. Прохорова, «ментальная карта нашей страны – это почти белое пятно, где есть Москва и Петербург, где якобы все происходит. Пора эти белые пятна заполнять важнейшей локальной историей и культурой, и тогда мы обнаружим, что у нас невероятно богатая людьми и событиями история, о которой мы даже не подозревали. Высшее проявление зрелой гражданственности – насытить историю реальными людьми, которые очень много сделали и достойны пополнить ряды тех великих исторических деятелей, которые уже есть у нас».

Ирина Дмитриевна официально объявила, что в дальнейшем тема локальной истории расширит свой формат. В апреле 2020 года в Фонд Михаила Прохорова будет проводить большой исторический фестиваль «Локальные истории», включающий академический блок (научные конференции, семинары), а также лекции, спектакли и другие культурные акции.

По результатам командировки на КРЯКК был подготовлен сборник информационных материалов, освещающий мероприятия основной, профессиональной и детской програм. По некоторым направлениям были найдены дополнительные сведения, что потребовало тщательного разыскания. Мы надеемся, что сборник будет полезен и интересен самому широкому кругу пользователей для познавательного чтения, а профессиональное сообщество использует интересные идеи и осуществит новые проекты.

Профессиональная программа

В **профессиональной программе** прозвучали интересные и разнообразные доклады: Н. Прянишникова, Е. Лерман, А. Артамонова, Л. А. Прониной и др.

Томислав Шола. Локальные истории в глобальном контексте

Самым ярким и значительным событием профессиональной программы стало участие **Томислава Сладоевича-Шолы** – всемирно признанного специалиста в области музееведения, международного эксперта, профессора кафедры музеологии и управления наследием Загребского университета. Т. С. Шола является одним из учредителей НКО «Европейская ассоциация наследия» и движения «Best in Heritage» («Лучшие в наследии») – организации, которая проводит ежегодный международный фестиваль в Дубровнике (Хорватия).

Выдающийся хорватский ученый является автором 250 статей, опубликованных на разных языках в профессиональных музейных журналах, и ряда книг. На русском языке вышли две книги, получившие широкий общественный резонанс. Первая – «Мнемософия. Эссе о науке публичной памяти» – посвящена размышлениям о роли наследия и публичной памяти в современном мире, их значимости для общественного блага и развития. Интересно, что сам термин «мнемософия» был предложен ученым еще в 1989 году как общий теоретический знаменатель для таких дисциплин как музеология, архивное дело, документоведение, библиотековедение. Во второй книге «Вечность здесь больше не живет. Толковый словарь музейных грехов» Т. Шола не только с глубоким знанием дела, но с иронией и юмором описывает 25 «грехов» современного музея: зависимость от финансирования, недостаточный профессионализм сотрудников и др. Более подробно познакомиться с мировоззрением и творчеством Т.С. Шолы можно на сайте www.mnemosophy.com

Свой доклад «Локальные истории в глобальном контексте», прозвучавший на английском языке, он начал приветствием и искренними словами: «Я приехал поддержать вас». Вниманию аудитории Шола представил компиляцию своих лекций, прочитанных в Дубровнике.

В эпоху глобальных изменений и вызовов культура не является доходной частью, а нуждается в средствах. Изменение мира к лучшему должно быть в повестке всех институтов памяти и культуры. Они должны сбалансировать

развитие и обеспечить миру устойчивость против ужасных событий. Работникам институтов нужно быть хорошими экспертами, понимать окружающий мир, чтобы помочь обществу улучшить человеческое состояние.

В фильме «Человек дождя» герой Дастина Хофмана смотрел на телефонный справочник и все запоминал, благодаря феноменальной памяти (гипермнезия - повышенная способность к запоминанию и воспроизведению информации). Как цивилизация, мы страдаем от гипермнезии, потому что запомнили много мусора. Мы тонем в знаниях, но нам не хватает мудрости.

Культура касается правил и норм для того, чтобы поддерживать общество. В большинстве случае мы не знаем, где находимся. Мир глобальных корпораций и мегафинансов целенаправленно создает хаос путем сеяния раздора и создания путаницы. Хаос – то, чего хотят правители. Институты памяти помогают найти путь в хаосе, наследие можно рассматривать как отправную точку, к которой нужно обращаться снова и снова, чтобы сохранить видимость твердой почвы.

Можно ли доверять музеям и библиотекам? Когда мы начинаем фиксировать память, реальность и правда уходят. Прошлое – наиболее динамично развивающаяся субстанция. Мы изобретаем прошлое, которое нам удобно.

Томислав Шола привел несколько тезисов:

Музеи – экономические двигатели;
Люди любят музеи;
Музеи служат обществу;
Музеи – это якоря сообщества;
Музеи – партнер школ;
Музеи – для всех;
Музеям доверяют;
Музеи спасают виды и экспонаты
(http://www.aam-us.org/about-museum/museum-facts)

Обращаясь к многочисленной аудитории, он сказал: «Вы должны быть смелыми профессионалами, подготовленными для выполнения определенной миссии в обществе. Вы должны быть экспертами в академической области, но также должны знать мир и ваше общество, ведь если вы этого не знаете, то к кому вы будете обращаться?

Вам нужны профессионализм и хорошая команда. Необходим опыт в бенчмаркинге – это то, что вы можете узнать о других, воспользоваться опытом самых лучших практик для улучшения собственной работы. Есть хорошее предвидение, как нужно следовать определенным трендам. Что вы предлагаете людям, чем отличаетесь от других? Нужно встречаться с другими и понять – кто вы. Чтобы быть успешным, нужен хороший настрой и позиция».

По мнению Шолы, «архивы, библиотеки, живое наследие, базы данных, частное наследство – все это в своей сути не просто, но и не сложно. Разница в том, как вы с этим управляетесь. Концепт публичной памяти стал деноминатором. Тысячи предметов выставляются, но непонятно, как они будут служить обществу.

Общество испытывает священный страх от неизвестности. Существует социальный хаос. Мы изобрели политиков, которые должны защищать нас от хаоса. Чтобы защититься от хаоса и ужаса, мы изобрели юристов. Мы подвержены болезням – поэтому изобрели врачей. От угрозы невежества изобрели ученых. Чтобы противостоять забвению, создали кураторов и институты наследия. Проблема в том, что нет профессии публичной памяти. Хотя есть архивы, музеи, библиотеки, различные учреждения для борьбы с хаосом».

Существует ли наука о культуре? Т. Шола изобрел термин «наследиелогия» или публичная память. Мнемософия – наука о публичной памяти (Mneme = Memory, Sophia = Wisdom). Знания – это не все, за многое отвечает мудрость. Наука о публичной памяти отбирает, понимает и использует как общественную мудрость. Та память, которая производит отбор, поддерживается софией, мудростью. Он привел такую формулу:

Мудрость = Знания, умноженные на любовь ($W = k \cdot l^2$)

W-wisdom, K-knowledge, l-love

В музеях проводят хорошую исследовательскую работу, но необходим новый взгляд, новое мышление. Информация трансформируется в запросы общества. Если вам есть что сказать, вы должны это сделать.

Иногда говорят, что культура – дорогостоящая, но только плохая культура – дорогостоящая. Культура сможет делать прибыль, но на самом деле она совершенно не для генерирования прибыли. Музеи, архивы и библиотеки – определенно большое НЕТ!

Как гость издалека, имеющий большой международный опыт, Томислав высказал самые высокие комплименты российским музеям, перешедшим на новую ступень развития. Он отметил, что сотрудники музеев прекрасно понимают двойную составляющую профессии – «когда представляете себя как ученый и как художник, и двойственность нашей профессии делает нас важными игроками на общественном поле. Доверяйте себе больше и будьте честными сами с собой!»

Презентация выставки «Точки входа в историю»

Особенностью XIII ярмарки было то, что впервые профессиональная программа проходила на разных площадках. И после лекции Томислава Шолы все участники отправились на презентацию выставки «Точки входа в историю».

Выставка объединяет экспозиции, посвященные частной истории и памяти о ней. Авторы проекта - Мария Шубина и Надежда Максимова - стремились показать, что становится для кураторов музеев побудительным мотивом. Разные проекты, собранные по всей стране, объединяет общий интерес к локальной истории. Это желание разобраться в ней самим и стремление увлечь посетителя историей страны через личную историю.

На примере десяти проектов было показано, как выглядит современная экспозиция, посвященная локальной истории. Это проекты: «Открытые морские залы. Тихоокеанское время» (Приморский музей имени В. К. Арсеньева, Владивосток), «Чердак. Истории» (Амурский областной краеведческий музей имени Г. С. Новикова-Даурского, Благовещенск), «Старухи о любви» (Музей Кассиановой пустыни и Судьбы русской деревни, Учма), «Сибиряки вольные и невольные» (Томский областной краеведческий музей имени М. Б. Шатилова, Томск), «Возвращение в Селиксу» (Музейно-выставочный центр города Заречного, Заречный), «Последний адрес. 5 лет» (Государственный научно-исследовательский музей архитектуры имени А. В. Щусева, Москва), «Ржев. Археология возможностей» (Тверской областной краеведческий музей, Ржев), «Город по имени Находка» (Музейно-выставочный центр, г. Находка), «Засушенному верить» (Государственный биологический музей имени К. А. Тимирязева, Москва), «Коммунальная Одиссея» (Музей-резиденция «Арткоммуналка. Ерофеев и другие», г.

Коломна). Подробнее о проектах можно узнать здесь www.kryakk.com/vystavochnayaprogramma

В презентации выставки приняли участие авторы некоторых экспозиций: Виктор Кладов, Елена Наумова, Анна Наринская, Надежда Пантюлина, Михаил Гнедовский.

Анна Наринская рассказала о выставке «**Последний адрес/5лет**», посвященной пятилетию проекта «Последний адрес», направленного на переосмысление прошлого с помощью табличек, придуманных Евгением Ассом и Александром Бродским. Выставка устроена как лабиринт из видео, аудио и анимации, собирающий и разбирающий таблички о репрессированных, вокруг которых было много конфликтов в Москве. Это видео с людьми, у которых получилось установить на фасадах домов таблички и с теми, кто пытался, но так и не смог этого сделать из-за сопротивления жильцов домов, не желающих помнить о страшном времени. Благодаря технической инновации, выставка помещается на флэшке, поэтому «кладется в карман и возится куда угодно или посылается по Интернету». Это оказалось очень удачным решением, выставка уже побывала в Берлине, Перми, в феврале она должна открыться в Колумбийском университете Нью-Йорка. Подробнее об этом можно прочитать по ссылке www.poslednyadres.ru

Автор проекта «**Возвращение в Селиксу**» Виктор Кладов открыл малоизвестную страницу истории Великой Отечественной войны, рассказав о тыловых лагерях для подготовки новобранцев на месте современного города Заречный под Пензой. Массовая гибель бойцов от голода, холода и болезней, дезертирство и бандитизм – эта неудобная тема долго замалчивалась.

Кладов сказал, что «хотел показать ту войну, которая была на самом деле, которую помнили наши отцы, деды и прадеды. Это та война, которую мы за истекшие два-три поколения старательно, во многом целенаправленно забыли». Пока это единственный в России музей и коллекция источников по тыловым лагерям. Но такой проект «мог бы появиться в любом регионе, если бы какому-нибудь военному историку пришла в голову идея посмотреть на войну не с позиции научного работника, а с позиции музейщика».

Он объяснил, что «все начиналось с работы с текстами, сначала было документальное расследование, в результате которого за пять лет мы перелопатили кучу документов, собрали воспоминания очевидцев. И в процессе этой работы пришло понимание того, что я из научного работника

превратился в музейщика. Чем отличается научный работник от музейщика? У музейщика нет проблем с актуальностью. Когда пишут диссертацию, все ломаются на этом вопросе, не понимая, в чем заключается научная значимость. Всегда возникает проблема формулировки актуальности работы. В диссертации по военной истории в любой диссертации будут слова: «В настоящее время вооруженные силы РФ находятся в процессе реформирования, поэтому очень важно.. и т.д. », как будто человек пишет по заказу Генштаба вооруженных сил. Поэтому никогда не будут сформулированы какие-то этические, мировоззренческие вопросы.

Селикса – одна из забытых страничек войны, на которую локальному городскому сообществу позволили посмотреть под другим углом и сформулировать ряд вопросов, некоторые из которых представлены в экспозиции, и мы надеемся найти ответы на них».

Попасть в этот музей обычному человеку сложно: Заречный – закрытый город. Но виртуально побывать в Селиксе можно по ссылке www.semnasem.ru/keypeople/seliksa/: здесь для просмотра доступна интерактивная 3D-модель экспозиции (можно использовать аудиогид на платформе izi.TRAVEL) и выложена книга В. Кладова «Возвращение в Селиксу».

Автор путешествующей выставки «**Засушенному – верить**» Надежда Пантюлина рассказала, что «природа говорит с нами на таком языке, по которому мы ходим и не замечаем. Но есть люди, которые умеют читать природу как текст и объясняют, на что надо обращать внимание и какие детали в этой природе могут рассказать о случившихся событиях».

На выставке представлен гербарий – сухие травы и кривые обломанные веточки, казалось бы, далекие от человеческих переживаний. Но на самом деле идет разговор об очень важных и серьезных вещах: о хрупкости жизни, насилии, агрессии и государственном терроре. И глядя на эти изломанные веточки растений, можно почувствовать человеческую боль. По мнению Надежды, это «разговор о локальных человеческих историях, но в результате просмотра мы приходим не просто к человеку, а к себе самому, мы можем почувствовать, какое огромное количество следов осталось в нас, в наших сегодняшних взаимоотношениях и языке.

Выставка «Засушенному – верить» даже не о Соловецком лагере особого назначения, не о растениях, случайным образом занесенных в далекое место

заключенными. Она об агрессии, которая есть в каждом из нас и о шаткости границ между тем, кого мы считаем своим и чужим. И еще о том, каким легким и обычным способом мы можем не заметить или согласиться с применением агрессии в отношении к людям. И очень важно, что как листы гербария становятся документами (там точно указано место, время и человек, их собравший), так и работы современных художников оказываются документами, вплетенными в разговор о локальной истории». Подробно познакомиться с проектом и посмотреть пронзительный фильм о выставке можно на сайте проекта www.zasushennye.ru

Елена Наумова, создатель музея Кассиановой пустыни и судьбы русской деревни в селе Учма Ярославской области, рассказала об одном из проектов музея – выставке «**Старухи о любви**». Бывшая москвичка, работавшая топ-менеджером в крупном банке, она после замужества переехала в село Учма, познакомилась с местными жителями и создала несколько музейных экспозиций. По словам Елены, ее заинтересовали их эмоции, переживания, воспоминания и чувства. «Когда я начала разговаривать с людьми, оказалось, что все они хотят быть услышанными. Люди не только несли в музей предметы быта, но и рассказывали свои истории. Появилась задача – как это показать. Люди хотели быть услышанными, поэтому их голоса были записаны и воспроизведены на выставке. В этих монологах о любви – юношеские мечтания, основанные на просмотрах советских фильмов («Свинарка и пастух»), в дальнейшем разбившиеся о действительность. Пожилые женщины вспоминают о том, как и почему они многое терпели, какие у них были радости. Это повествование об эпохе в какой-то другой, интимной оболочке. В результате в музей стали приезжать люди, чтобы послушать и подумать о себе, что они смогут сказать о любви, когда им будет 85 лет. Посетители сожалеют, что не успели расспросили своих бабушек, дедушек, ведь эта тему было не принято обсуждать. Экспозиция называется «Старухи» не просто так, все женщины согласились с этим названием. Это одинокие женщины, у которых дети живут в городах, их некому выслушать». Об учемском музее можно почитать на сайте www.uchma.info/main.asp?dir=00_uchma, а также посмотреть фильм «Село Учма. Ярославская область» в цикле передач «Письма о провинции» на телеканале «Культура».

В завершение презентации высказал свое мнение Михаил Гнедовский: «Эта выставка - лучшее, что произошло в музейном выставочном мире за последние несколько лет. Видно, что здесь много удивительного, про каждый

из этих проектов можно написать отдельный большой роман. Собравшая «в одной обойме» десять проектов выставка – отдельное самостоятельное произведение, которая навеяла что-то такое сильное, что еще предстоит понять нам всем».

Первый день профессиональной программы продолжил марафон дискуссий НеМосква, который прошел в четырех частях. Но о нем будет отдельно рассказано чуть позже.

В рамках программы состоялось много интересных выступлений. Расскажем о них в том порядке, в каком они были представлены аудитории.

Борис Кузнецов. Локальные истории нашего детства

Борис Кузнецов, генеральный директор издательства «Росмэн», в выступлении «**Локальные истории нашего детства: чем мы интересны своим детям**?» поделился удивительным опытом создания книг, посвященных истории детства. Основная тема КРЯККа – локальные истории, но локализация может быть не только топографическая, но и хронологическая. Издательство «Росмэн» давно задумало большой проект – выпустить серию книг «История всех вещей», с помощью которых через историю вещей можно поговорить об истории семьи, о детстве 60-80-х годов прошлого века с нынешними детьми.

Большинство родителей испытывают трудности и комплексы при общении с детьми – «будем ли мы интересны со своим детством детям?» У многих из них нет подходов и наработок, чтобы поговорить об этом с детьми.

Входя в проект «История всех вещей», сотрудники издательства открыли дискуссию на нескольких площадках в Интернете, где включили в опрос и обработку около 20 тысяч анкет. В работе принимали участие московские библиотеки и такие известные люди, как Владимир Грамматиков, Андрей Усачев, Марина Бородицкая, Марина Москвина, Рита Митрофанова и др.

Логос детства был условно разбит на составляющие коммуникативные точки, вокруг которых происходит интересное и значимое для взрослых и детей общение: игрушки, игры, фотографии, сладости, праздники и школа. При этом обнаружилась проблема: примерно 70 % родителей, рассказывая о своем детстве, хотели указать детям – как делать правильно, какое детство должно быть правильнее. Но такой подход изначально настраивал на отторжение и

разговор не складывался. Гораздо эффективнее в бóльшей части случаев получалась коммуникация на уровне сравнения («как у вас, как было у нас»), разговор превращался в игру на уровне семьи и на мероприятиях в библиотеках.

Определенные проблемы возникали с терминологией, многие вещи современные дети сложно воспринимают – кто такие пионеры, октябрята, что такое звёздочка, Совет дружины, комсомол и т.д. Все эти вещи им нужно уметь объяснять.

Постепенно стал формироваться большой дополнительный материал для разъяснения современным детям. Например, было недостаточно только называть им игры, показывать игрушки, надо было еще и рассказывать, как в это играли, как работала та или иная игрушка.

Как сказал Б. Кузнецов, на уровне ощущений мы выяснили, что у поколения 40-50-летних родителей границы логоса детства – от 60-х годов до 90-х, в 90-е годы выросло уже другое поколение, со своими ценностями и вкладышами.

Далее он подробнее остановился на некоторых темах. Неудачей закончилась попытка «объять» тему «Свободное время детей» (как они проводили время за пределами школы, после организованного отдыха). Из-за безграничности темы было решено перейти в сферу игр, из чего получилась «Книга нашего детства» Ирины Лукьяновой.

Для сбора информации о дворовых играх проводились многочисленные опросы в Интернете. Удивительно, но игры 70-80-90-х годов на всей территории Советского Союза были очень похожи. Отличались только рифмовки (например, поговорку про жадину-говядину в Москве заканчивали «турецкий барабан», в Петербурге – «шоколадина», а за Уралом – «соленый огурец»). Здесь большое поле работы для филологов, которые еще изучат и разберут все эти рифмовки. Нынешние дети совершенно их не используют. Дворовые игры им нужно объяснять, рассказывать все правила. Оказалось, что не нужно объяснять только игры «Съедобный-несъедобный» и «Я знаю 5 имен», а «Море волнуется раз» знают все дети, которые побывали в каких-нибудь лагерях, в организованных группах.

Есть такие игры, которые современным детям неизвестны, но увлекаются они ими очень быстро, например, «Резиночка». Турнир по игре в резиночку

проходил на Красной площади во время книжного фестиваля, и мамы дали детям большую фору. Сейчас игра не популярна, но в нее играют на улицах Китая, в Индии, Лаосе, на Шри-Ланке. Современные дети не готовы играть на асфальте в «Классики». Корни игры восходят к временам Древнего Рима, она воспроизводит и пародирует «Лестницу Якова». Огромный интерес у них вызывали «Секретики» с созданием тайников, сейчас эта игра утрачена, но когда дети узнают, они очень впечатляются, для них это целое открытие.

Из жизни современных детей ушло собирательство и коллекционирование. Наверное, изобилие подрывает суть коллекционирования, все стало слишком доступно. Самое большое удивление у детей вызывают марки: «какие-то квадратики с зубчатыми краями – зачем их было собирать, что в них такого, какая в них ценность?» Они не понимают, зачем было собирать солдатиков и машинки? Их же везде можно купить. Ничего они не знают о коллекционировании значков. Коллекция календариков – вообще непонятная вещь, «если его нельзя на холодильник приклеить, зачем он нужен?»

Наибольший отклик в коллекционировании вызвали камни и минералы, это самый распространенный вид коллекционирования. Но и он сильно девальвировался по сравнению с прошлым временем. Раньше с трудом собирали камни, их невозможно было купить, а еще нужно было с помощью взрослого их определить. Сейчас можно сразу купить целую коллекцию.

Особая тема – нумизматика. Советские дети собирали монеты иностранных государств, только мечтая о странах как о чем-то недостижимом. Сейчас дети собирают монеты как артефакты своих уже состоявшихся путешествий.

Летние лагерные игры вызывают очень слабый и, скорее, этнографический интерес (пионерские костры, печеная картошка). Дети высказывают предположение, что «там был слабый Wi-Fi, и не верят, что тогда такого не было вообще.

Школьные и домашние игры практически не надо объяснять, они остались без изменений: «Испорченный телефон», «Крокодил», «Морской бой». Эти игры на ходу как в гаджетах, так и вживую. Дети еще и сами расскажут, каким образом это трансформируется, как надо правильно играть. Оказалось, таких игр много, и легко можно устраивать турниры между детьми и взрослыми.

Следующая коммуникационная точка – игрушки. «Когда мы начали говорить с детьми про игрушки, их первая эмоция – сочувствие: «У вас же почти ничего не было». И это сочувствие продолжается до тех пор, пока не заходит рассказ о манипуляциях с игрушками. Сейчас наблюдается любопытная вещь – есть изобилие игрушек, а количество манипуляций с ними существенно уменьшилось. Оказалось, что сейчас надо все объяснять, учить их играть в солдатиков, как их выстраивать и т.д. У современных детей есть игрушки, которые летают, прыгают, поют и т.д., но они подменяют собой собственно игру. Детям сейчас достаточно обладать игрушкой, не подключая своё воображение, и это было поразительное открытие».

Частный случай – настольные игры. Сейчас наблюдается эффект возрождения «настолок». Играют взрослые семейные кампании, во многих антикафе играет молодежь. Дети легко подхватывают все настольные игры, и чем они сложнее, тем легче они осваивают сценарий. Востребованы головоломки, дети стали технологичнее и сообразительнее, они быстрее манипулируют и справляются с ними. Но легендарный кубик Рубика их не увлекает (существует схема, результат достижимый, но это долгая процедура – собрать все стороны).

Сладости также оказались в коммуникативной точке. Книга «История сладостей» написана Алёной Васнецовой. Понятно, что еда – огромная часть нашей жизни. Но вообще про еду детям не интересно, интересны только сладости и здесь интересно было сравнить – что было и что осталось. По ходу исследования выяснили, что современным детям для того, чтобы ощутить сладость, нужно больше сахара, изделие должно быть гораздо слаще.

Для чего нужны книги серии «История всех вещей»? Книга выступает как коммуникативный фактор, она помогает взрослому в общении с ребенком. Выясняется множество интересных вещей, между ними возникает увлекательный разговор.

Тема семейных фотографий интересна потому, что любой семейный разговор о детстве проходит с фотоальбомом на коленях. У подрастающих детей основная коммуникативная среда – Instagram, Stories, Lenta.ru, они не воспринимают текст без фотографий. Одна из самых эффективных точек взаимодействия – параллельно смотреть фото летнего отдыха в альбоме и в смартфоне. Только не надо говорить: «Посмотри, это твой дядя Митя, он нам

троюродный брат, он к нам приезжал, когда ты был маленький». Книга «История семейных фотографий» написана Надеждой Беленькой.

Детям трудно объяснить, что пленка была дорогая и лимитированная (36 кадров), «когда делал один кадр – нужно было присмотреться и сделать щелчок». Что пленку нужно было заряжать в темном месте (комната-фотолаборатория с красным фонарем воспринимается чем-то сродни алхимии). В недоумении дети спрашивают: «Почему не фотографировали цифровыми камерами?» – «Их не было» – «Да ладно, может у вас и электричества не было?» и т.д. Им сложно понять и догадаться про слайды и диапроекторы. Можно одновременно смотреть журнал в Stories и слайды на диапроекторе.

Хороший контакт вызывает разговор о профессии фотографа. Многие дети хотят стать фотографом. В советском детстве это было гораздо сложнее, когда фотограф фиксировал мгновений, и всем было интересно побывать в фотоателье, или ходить на занятия в фотостудию. Сейчас детей интересует шоу в артстудии. Детская семейная фотография развивается как арт-проект.

Интересна книга «История ёлочных игрушек» Анны Красниковой. К сожалению, мы не ценим многие вещи и сейчас поколение «за 40», сожалеет о выброшенных игрушках. Их цена не в рублях, а в истории семьи. Часто разговор отталкивается от новогодних игрушек, и возникает огромное количество красочных семейных традиций, о которых родители раньше не рассказывали детям (например, в некоторых семьях записки с пожеланием Деду Морозу прятали в морозильник). Разговор о новогоднем украшении елки создает особое настроение семейного тепла и уюта. Много благодарностей высказали потом издательству участники игр и опросов, многие из них восстановили свои традиции совместно делать елочные украшения. Все это укрепляет семью и передается как традиция будущим поколениям.

Последняя книга, над которой с большими сложностями идет работа, условно называется «12 лет на задней парте». Сейчас детям сложно понять – зачем школьники сами мыли класс («это наказание такое было?») Сложно объяснить – зачем ездили в колхозы на весь сентябрь («на экскурсию?»). С этим предстоит еще долго работать. Такие совместные воспоминания о детстве хорошо работают как семье, так и в публичном пространстве библиотеки. Когда библиотеки проводят родительско-детские турниры по «Играм нашего детства», посещаемость серьезно увеличивается. Эту работу еще предстоит продолжать и обобщать.

Николай Прянишников. Семейные истории

Тему семейной истории, передачи традиций и преемственности продолжил Николай Евгеньевич Прянишников – московский архитектор и старший преподаватель МВШСН, один из потомков некогда большого и славного купеческого рода.

Великий практик исследования истории семьи для себя и для других – Николай Евгеньевич в выступлении «**Семейные истории: в чем смысл персонификации повседневности?»** говорил о том, что «семейные истории очень важны, потому что они обеспечивают мир, радость и счастье в семейной жизни. Семейные истории близки и понятны любому человеку. Поэтому можно сожалеть, что традиция рассказывания историй, в которой активно участвовали няни, бабушки, дедушки и другие родственники, сейчас ушла. Это то, из чего выстраивается фундамент личности ребенка, формируется его индивидуальная траектория развития.

Как представитель прославившегося литьем колоколов и производством предметов церковной утвари ярославского купеческого рода, Прянишников занимается историей купечества, в которой все предельно персонифицировано: в названии фирмы обязательно вынесено имя купца, «и если у покупателя было недовольство покупкой – купец рисковал своим личным семейным капиталом.

В 1917 году произошел переход от множественности активно действующих на экономическом рынке субъектов – к народному хозяйству, а в области политической сферы – к действию одной партии. В то время семья подвергалась сильным испытаниям, у нее отбирали одну функцию за другой, а в воспитании были удивительные новации». Николай Евгеньевич вспомнил, что когда обучался в архитектурном институте, то с любопытством рассматривал концепции домов нового быта, Дома коммун, комбинаты питания, дома семейного быта – где семейная жизнь не предполагалась, а были мужские и женские общежития с комнатой для свиданий. Многие новшества расшатывали семейные устои, частная жизнь была дискриминирована.

Многие тогда с облегчением воспринимали появление яслей и детских садов, а это имело важное следствие – изъятие у семьи функции семейного воспитания. С ликвидацией естественной формы контроля старшим в роде, потребовалось усилить общественный контроль, который не особенно помогал.

По мнению Прянишникова, семейная история – это рассказ, описание реального события, изложенного одним членом семьи другому. Она может стать родовой легендой, кодом семьи. Например, бабушка Александра Ивановна рассказывала ему историю сватовства. К ней сватался очень богатый человек, но 18-летняя девушка сомневалась – не авантюрист ли он, она не ясно понимала происхождение его капитала. Много ли сейчас современных девушек, мечтая о богатом женихе, думают о неясном происхождении капитала? Претендент получил отказ. Тогда было такое воспитание, какие-то важные вещи транслировались в семье органично.

Очень важно передавать семейные истории детям. Они закрепляются только тогда, когда услышавший их передает все следующему поколению. То, какие истории распространены в семье, говорит о самом семействе. «Скажи мне, какие истории ты рассказываешь, какие рассказывают о тебе, и я скажу, кто – ты!»

Многие истории и рассказы дети не хотят слушать. Когда он привез свое семейство в Ярославль, чтобы повести в музей истории города и показать портреты предков Оловянишниковых, корни которых уходят в XVII век, маленькая внучка сказала: «Не хочу кукурсий, не пойду в музей».

В семейной истории все важно: сказки, анекдоты, воспоминания, рассказы о путешествиях, дневники. Например, когда Николай Евгеньевич в 1990-х годах ездил с семинарами по Средней Азии, своим сыновьям-близнецам в форме восточных сказок рассказывал о своем преподавании.

Он принимал участие во многих проектах, посвященных семейной истории: это выставка в Музее Города Ярославля в 2005 году («Концептуализация истории купеческой семьи»; «Семейные истории на тему миров повседневности»), архивные конференции по оживлению генеалогии (Москва, 2017; Ярославль, май 2019 г.) и др. Николай Евгеньевич способствовал проекту «Армянский переулок. Соседи», где рассказал семейную историю про знакомство дедушки и бабушки («когда дедушка проезжал в пролетке по переулку, а бабушка подавала ему знаки внимания из эркера»). Он выступал на Династической площадки на форуме Алтай (как семейные становятся зоной развития) и читал лекции про Поставщиков Императорского двора и др.

В настоящее время происходит активное осмысление семейной истории – от героических тем (битв и побед) перешли к повседневности. Новые герои

памяти – простые люди (родственники, знакомые, коллеги) в обычных и необычных обстоятельствах (в ссылках, на поселении).

Николай Евгеньевич поведал о важной семейной истории, услышанной от бабушки. Инженер-технолог Николай Иванович Оловянишников изобрел «сетевой способ» сбора информации с помощью писем из приходов. Он издал книгу-каталог «История колоколов» и стал рассылать ее во все регионы. Каждого получавшего книгу он просил собирать сведения об известных ему колоколах, оплачивая эту информацию. Так появилось второе издание фундаментальной энциклопедии «История русских колоколов».

С интересом была выслушана семейная история о воспитании у детей самостоятельности. Например, Ирина Оловянишникова с самого раннего детства не позволяла ничего делать за себя, говоря: «Я сама». В семье культивировался элемент независимого поведения. И хотя такое поведение не нравится воспитателям, учителям в школе, но оно не должно подавляться. Благодаря ему, мы имеем независимо и активно развивающихся людей, которые что-то меняют вокруг себя. Иначе вырастают послушные и исполнительные люди, не имеющие своего мнения, которые в дальнейшем с трудом выходят из трудных жизненных ситуаций.

В семье Оловянишниковых занимался репетиторством Борис Пастернак, и он высказался о прабабушке Евпраксии Оловянишниковой, что она – независимый человек, обладающий чувством собственного достоинства, Другой пример – двоюродная бабушка – Елизавета Дьяконова, одна из первых отечественных феминисток, которая пыталась вырваться из купеческой среды и стать юристом в Сорбонне. Опираясь на её «Дневник русской женщины», Павел Басинский написал книгу «Посмотрите на меня. Тайная история Лизы Дьяконовой».

Семейные истории рождают фантазию и формируют внутрисемейный корпоративный дух, позитивное отношение к жизни. Для успеха семьи и ее отдельных представителей важно быть нацеленными на опережение. Секрет успеха в том, чтобы опережать свое время, создавать и осваивать новое, но при этом не отрываться от почвы и семейных традиций и историй.

Подробнее о купеческом роде Оловянишниковых можно прочитать в статье «Купеческий сын Николай Прянишников» по ссылке https://yarreg.ru/articles/sk_news_3_9364_/

Михаил Гнедовский, Любовь Васильева. Локальные истории в Музее-заповеднике «Шушенское»

М. Гнедовский и Л. Васильева выступили с докладом «**Локальные истории в Музее-заповеднике «Шушенское»**, где рассказали о работе и результатах конференции, прошедшей в музее-заповеднике Шушенское 7-9 июня 2019 года.

Устроителями конференции «Инновационные направления деятельности музеев под открытым небом» были три организации: Музей-заповедник в Шушенском, ИКОМ России и Фонд Михаила Прохорова – главный спонсор мероприятия. Первый музей подобного типа – Скансен – был основан Артуром Хазелиусом в 1891 году, и эта модель стала очень популярной в странах Северной Европы и в России. Шушенское – один из крупнейших «скансенов», для которого характерны как все положительные стороны работы, так и те проблемы, которые накопились в музеях этого типа за прошедшее время.

На конференцию собрались специалисты из 11 регионов России: из Москвы, Томской, Вологодской, Ярославской, Архангельской, Иркутской областей, из Пермского края, республик Бурятия, Хакасия и Тыва. Здесь были представители красноярского «Музейного центра «Площадь мира», музейно-выставочного комплекса «Музей Норильска» и минусинского регионального краеведческого музея.

У Шушенского интересная локальная история. В конце XIX века здесь провел три года в ссылке В. И. Ленин – революционер, создатель социалистического государства. В 1930 году открылся его Дом-музей, а к 100-летию со дня рождения вождя мирового пролетариата после грандиозного строительства в 1970-м году открылся мемориальный музей-заповедник «Сибирская ссылка В. И. Ленина»

И хотя в конце 1960-х годов в Шушенском была восстановлена часть сибирского села периода XIX века, богатая этнографическая составляющая служила только фоном для рассказа о жизни и деятельности создателя партии большевиков. После изменения политической ситуации в конце 80-х годов XX в., музей сменил акцент с революционной деятельности Ленина на жизнь и деятельность сибирских крестьян на рубеже XIX и XX вв. В 2011 году на территории музея был открыт архитектурно-этнографический комплекс «Новая деревня».

Сотрудники музея обратились к личным историям жителей Шушенского. Они вернули всем домам имена их хозяев, узнали историю семей до седьмого колена. Но возникла проблема: как накопленный материал предъявить посетителям, как найти оптимальную модель и технологию? Возникла идея – провести конференцию как масштабное повышение квалификации сотрудников музея. Они получили возможность слушать яркие и содержательные выступления спикеров и напрямую общаться с создателями резонансных проектов. 16 докладов прозвучали в 3-х тематических секциях: «Скансен-XXI: современные трансформации традиционной модели музея под открытым небом»; «Музейный сторителлинг: инновационные формы работы с материальным и нематериальным наследием»; «Роль музеев под открытым небом в развитии территории».

С помощью профессионалов были выявлены интересные идеи, продуманы их способы применения на практике. В конце работы конференции присутствующие разбились на четыре творческие группы, и вынесли на обсуждение важные стратегические задачи: введение свободного посещения без экскурсовода (изначально музей был ориентирован только на приезжих посетителей) и актуализацию работы с местными сообществами.

Обсуждались такие важные темы, как «Крестьянство в XX веке» и «XX век в Шушенском». В результате работы конференции музею были даны следующие рекомендации: смелее выходить на свободное посещение, активизировать работу с местным сообществом, сделать действующим лицом дома заповедника, которые «помнят» много всяких историй.

Идею «говорящих домов» предложил Сергей Ковалевский – арт-директор музейного центра «Площадь Мира». Так возник проект «У стен есть уши» – стены домов музея «слышали много разных историй и нужно постараться их воспроизвести для посетителей, чтобы сделать далекую историю более близкой».

Также активно обсуждалась популярная в музейном сообществе идея создания в Шушенском третьей, «южной арт-резиденции» (две предыдущие действуют в Норильске и Красноярске). Сотрудникам музея порекомендовали активнее работать с историей XX века, хотя и не забывать про В. И. Ленина, потому что в основе музея – его мемориальность.

По итогам работы был издан электронный сборник с материалами конференции и резолюциями, с которым можно познакомиться на сайте ИКОМ

России www.icom-russia.com/data/materialy-konferentsiy/innovatsionnyee-napravleniya-deyatelnosti-muzeev-pod-otkrytym-nebom/ и на сайте музея-заповедника «Шушенское» в разделе «Публикации».

Михаил Гнедовский отметил, что это не была классическая академическая конференция. Во-первых, собрались для обсуждения серьезных методологических проблем музеев-скансенов, в которых возникают новые тенденции, требующие реформы изнутри. Во-вторых, для этого разговора «штучно подбирались люди и сюжеты, которые нам казались интересными и инновационными в этой области. Среди 16 сообщений не было ни одного «для галочки». Они все содержали интересные идеи, инновационные направления работы.

Трансформация музеев под открытым небом необходима: «традиционно все скансены были про культуру не позднее XIX века, и это такие музеи, где поэтизируется традиционная крестьянская культура. Она представлена в виде романтизированной картины, где девушки в кокошниках водят хороводы. Все так безоблачно, мило, празднично и приятно. И возникает впечатление, что наши предки только и делали, что женились, выходили замуж, а вся их жизнь состояла из праздника. С этой популярной и достаточно востребованной картиной музеи прожили более 100 лет. Это был ответ на бурную индустриализацию, попытка сохранить картинку сельской жизни. Прошло много лет, и была драматическая история деревни XX века (колхоз, раскулачивание), которая не отражалась в этнографических музеях под открытым небом, «анонимные девушки продолжали водить свои хороводы».

Но постепенно началось освоение сельской истории XX века. Конечно, было непросто перейти от романтической картинки с хороводами к реальным драмам. Как успешный пример преодоления такого подхода Гнедовский назвал работу вологодского музея «Семенково». Его сотрудники изучили архивы и увидели, как была тогда устроена жизнь, кто были герои драмы. Чтобы предъявить посетителям полученный материал, они пошли по пути документального театра и поставили антропологический спектакль «Родная мать». Пока хронологические рамки этого музея не расширяются, он остается в XIX веке, но показана драматичная и персонализированная история. Как считает Михаил Гнедовский, «можно идти вперед по хронологии и захватывать уже события XX века, тем более, что в России и в советское время нет ничего драматичнее, чем история советской деревни».

Ольга Синицына добавила, что «в замечательном проекте музея «Семенково» есть очень важная вещь, связанная с системой сельского местного самоуправления. А в Шушенском тоже был острог, система наказания и система самоуправления в отсутствие местного начальства. Интересные и поучительные истории, посвященные системе внутреннего права, вытаскиваются в «Семенково». И когда речь заходит о том, почему современному человеку это может быть важно и интересно, в «Семенково» это дошло до того, что Демухина с его рассказом про сельское самоуправление пригласили выступить на Законодательном собрании. Потому что их собрание чесало голову и думало, как же сделать так, чтобы деревни Вологодской области перешли к какому-то самоуправлению».

Для Фонда Михаила Прохорова поддержка конференцию была важна, потому что она укладывалась в важное тематическое направление – работу с локальной историей. Все доклады и проекты были про локальные личные истории. Так, представленный на КРЯККе проект «Старухи о любви» – это истории XX века, истории ныне живущих людей со всеми драмами и сложными эмоциями, с которыми может работать только сфера культуры. Важным открытием для участников конференции оказалось то, что музей обладает ресурсами и средствами для разговора на такие сложные темы.

Кроме изучения сборника материалов конференции, Ольга Синицына рекомендовала посмотреть выступления спикеров на канале YouTube, потому что интересные презентации авторов этого заслуживают. Она пояснила, что это важно и для библиотек, потому что «это разговор о смысле деятельности, не чтобы где кнопочку нажимать и какую книгу куда ставить, а осмыслить – зачем, почему и для кого мы все это делаем».

Михаил Гнедовский отметил, что «практически одновременно возникло две экспозиции в красноярском музейном центре «Площадь мира»: про советский быт («Советская изнанка») и экспозиция Учемского музей про деревню («Говорящие образы»). Фактически это начало проработки отечественной истории XX века, но в Красноярском музейном центре – это городской вариант, а в Учемском музее – сельский. Это параллельные попытки приблизиться к пониманию того, что происходило в советское время, что такое история XX века в городе и деревне. В ходе формирования экспозиций сотрудники опирались на местные сообщества, получали сведения и различные вещи. «И это некая альтернатива, потому что советские музеи комплектовались в основном пропагандистскими материалами, они

рассматривались как пропагандистские центры. А здесь – это первые попытки увидеть советскую повседневность не сквозь пропагандистский плакат, а в своем первозданном человеческом виде. Эта интересная линия, несомненно, будет развиваться в ближайшие годы», – заключил М. Гнедовский.

Александр Артамонов. Аналог-цифра-аналог. От фотолаборатории в ванной комнате – к лаборатории сторителлинга

А. Артамонов, эксперт творческой группы «Музейные решения», преподаватель Президентской программы переподготовки управленческих кадров культуры РАНХиГС в выступлении «**Аналог-цифра-аналог. От фотолаборатории в ванной комнате – к лаборатории сторителлинга»** познакомил всех собравшихся с идеей проведения сторителлинга с помощью фотопечати.

Являясь экспертом музея-резиденции «Арткоммуналка. Ерофеев и Другие», он проводил съемку веселой программы «Коммунальный квест», когда небольшая группа из 5-6 человек разыгрывала процесс заселения и распределения жилья в коммунальной квартире.

Артамонов продемонстрировал несколько фотографий своей лекции «От Смены к Зениту: краткая история фотографии, рассказанная вчерашним школьником», на которой были показаны его школьные фотографии. Наверное, у каждого в архиве есть такие фотографии студенческих субботников, поездок «на картошку» и др. И здесь открывается огромная зона для экспериментов. Он провел эксперименты с просроченными пленками, в результате которых выяснилось, что на просроченную пленку можно снимать. При этом получается довольно интересная цветопередача. Момент съемки вызвал любопытство у многих людей, они подходили, интересовались техникой, тут же вспоминали, что у них тоже есть фотоаппарат и фотоувеличитель где-то на антресолях или в сарае, и захотели попробовать все вспомнить. Тем более, что в Москве и Санкт-Петербурге есть магазины, где продают и проявляют такие пленки.

Интересно было узнать о проекте «Коммунальная Одиссея», который наращивает мощность в «Арткоммуналке». Это пополняемый фото-, видео- и текстовой архив воспоминаний жителей Коломны периода коммунальных квартир, который существует в виде открытого сайта https://artkommarchive.ru/

В архиве есть длительные воспоминания, когда респондента не ограничивают во времени, а есть зарисовки – «пятиминутки». Александр планирует сделать своеобразный mix, когда коломенцы вспоминали бы свои истории в процессе печати фотографий с их пленок.

Во время новогоднего марафона Артамонов в ряду других событий делал снимки камерой ФЭД-3, а затем печатал их с помощью фотоувеличителя «Юность» в ванной комнате с красной лампой. А в «Ночь музеев в красном цвете» печать фотографий стала уже основным событием и все гости «Арткоммуналки» занимали место в очереди, чтобы увидеть процесс печати: «Каждые 10 минут в дверь ванной комнаты люди стучали и требовали, чтобы их пустили посмотреть». Александр решил совместить демонстрацию печати фотографий с рассказом о выдающемся деятеле фотографии – профессоре Чибисове (1897-1988), который был автором самого распространенного в Советском Союзе рецепта проявителя для фотобумаги. Но попытка не привела к успеху, потому что, «во-первых, этот рассказ убивал само таинство. Представляете, вот мы берем чистый лист бумаги, кладем под лампочку, там какие-то контуры, потом достаем лист и бросаем в воду, там появляется картинки. И те, кто постарше, говорили детям: «Вот смотри, мы тоже так печатали». Кто-то начал вспоминать, что включил свет в ванной в неподходящее время, когда родители печатали что-то важное и они потом специально заклеивали выключатель». Во-вторых, вместо рассказа о великом фотохимике в этой ситуации лучше работать с личными историями самих горожан. Последним триггером стала ситуация, когда внимательно следивший за проявлением снимка сын Екатерины Ойнас с восторгом закричал: «Ой, моя мама появляется!»

У Артамонова есть задумка бросить клич среди коломенцев, чтобы они приходили в Арткоммуналку со своими пленками и печатали их на бумаге, в результате сделать из фотографий выставку. Александр надеется, что все получится, потому что «Арткоммуналка» – очень вдохновляющее место.

В ответ на вопрос Ольги Синицыной – откуда он узнал про Чибисова – Артамонов рассказал историю о том, что в детстве он очень хотел научиться фотографировать. В этом ему помогла книга Д. Бунимовича «Книга юного фотолюбителя» 1938 года издания из школьной библиотеки: «именно школьной библиотеке и книге из ее фонда я обязан тому, что научился фотографировать самоучкой». И еще две книги произвели на него впечатление и заложили основы: А. В. Шиклеина «Фотографический калейдоскоп»,

посвященная сложностям химических процессов, и В. П. Микулина «25 уроков фотографии».

По словам Ольги Валентиновны, сейчас наблюдается мода на аналоговый звук от виниловых пластинок, на аналоговые фотографии. Это тенденция пересмотра отношения к реальному и виртуальному, тому настоящему, которое делается руками, а не чем-то еще. Тенденция хорошо укладывается и в более широкий социальный сдвиг, когда органическая пища или продукты предпочитаются тем, которые изготовляются иным способом. Домашняя кулинария, изготовление домашнего печенья снова стали модными. Музеи и библиотеки должны научиться это использовать.

Артамонов добавил, что разные люди используют эту технологию по-разному: «Кто-то просто восстанавливает или реализует давнюю мечту иметь собственную лабораторию в частном доме, кто-то превращает это в творческий бизнес. Есть команда, которая работает в нескольких городах и снимает на большой павильонный фотоаппарат 13 на 18 на обращаемую фотобумагу. Они приезжают и, поскольку в обращаемом процессе в темноте идет только короткая проявка, а все остальное – на свету, то получается и зрелище, и памятный сувенир. Библиотеки могут это использовать как средство для работы с личными фотоархивами, как средство привлечения внимания к архивам, чтобы люди не выкидывали фотографии, а узнавали и разбирались с тем, что и когда было снято. Это действительно очень увлекательное и завораживающее действие для тех, кто впервые видит, как появляется в проявителе изображение».

Елена Лерман. Новое краеведение

В выступлении журналиста, заведующей библиотекой им. Я. Смелякова (г. Дзержинский) и руководителя проекта «Библиотечные мастерские» Елены Лерман «**Новое краеведение**» прозвучала информация о том, как библиотеки и музеи работают с местным сообществом, как локальные истории помогают выжить и развиться территориям. За последние двадцать лет наблюдается процесс демократизации, когда в изучении истории участвуют не только историки с академическим образованием или журналисты, работающие в архиве и нашедшие интересные факты («изюм»). Но любой человек может написать историю, раскопать или воссоздать миф, опубликовать это в интернете или на страницах журнала. Второй важный аспект, вызывающий

интерес к локальной истории – это запустение малых городов, депопуляция деревень и малых народов, которые растворяются в общей массе крупных национальных образований.

Е. Лерман познакомила присутствовавших с историей районного поселка Корткероса, расположенного в Республике Коми. Корткерос – в переводе с языка коми «Железная гора» – процветающий поселок с населением почти 6 тыс., все его жители говорят на коми-языке и на русском. Там вполне стабильное экономическое положение: есть лесхоз, производство строительных материалов. Все хорошо и в культурном плане: две библиотеки, Дом культуры, в котором занимаются два театральных коллектива, краеведческий музей и т.д. История этого поселка была нелегкой – здесь было спецпоселение, в котором жили бывшие заключенные. Здесь есть памятный камень, отмечается День репрессированных, сюда приезжают родственники и потомки живших здесь на спецпоселении людей.

Два года назад появился спорный арт-объект «Корт Айке» («Железный человек»). Инициатором его создания была начальник Управления культуры при администрации, которая нашла бюджетные средства и разыскала прекрасных кузнецов-исполнителей: Александра Сушникова из Санкт-Петербурга и Георгия Горбачева из Москвы.

Когда была сделана скульптура Корт Айке и уже нашли место для его установки, в местном сообществе вспыхнули жесткие споры, мнения разделились на «за» и «против». С одной стороны, это были люди, ностальгирующие по советской власти и коммунисты, с другой стороны – православные, не желавшие, чтобы этот «железный человек» появился в их селе. Корт Айке – это дух коми-народа, мифологический железный человек, который по легенде стоял на границе и охранял территорию коми, перегораживал цепями реку и собирал дань с проплывающих в лодках людей.

Поскольку там добывали железную руду, он считался еще и прародителем кузнечного дела. Согласно легенде, его победил Стефан Пермский – реальный человек, просветитель, который в XIV веке проповедовал христианство на территории пермского края, создал для коми-народа алфавит на основе кириллицы и греческого алфавита. После этого началась колонизация Пермского края и он был присоединен к Московскому княжеству.

Православной церковью не приветствовались разговоры о мифологических и языческих существах, о Корт Айке надолго забыли, но прошло 700 лет, и

вокруг этой фигуры возник конфликт. Многие люди одобряли присутствие арт-объекта, считая, что дух коми-народа должен быть возрожден.

Библиотека стала модератором долгих и жарких дебатов, она пригласила участвовать в обсуждении историков и специалистов. В результате участники споров пришли к согласию. Мудрое решение принесло ощутимый экономический эффект, потому что они придумали проводить межрегиональный фестиваль кузнечного мастерства. Фестиваль принес городу не только известность и популярность, но и доход от платных мастер-классов. Есть надежда, что ситуация в дальнейшем будет развиваться хорошо, потому что в принципе местное сообщество очень дружное, а спорный вопрос принес пользу.

Есть и другие примеры, когда местное сообщество помогает выживать своей территории. Всем известно про колонии французских художников, и таких было в мире немало. В России это тоже существовало, но особенно получило развитие при советской власти (поселок писателей в «Переделкино», поселок художников «Сокол» и др.). В 1949 году на бывшей финской территории возник поселок Комарово. Так получилось, что в Комарово поселили всех подряд: академиков, писателей, ученых, полярников, театральных деятелей. Произошло какое-то нарушение цехового принципа, принятого советской властью, чтобы было легче «приглядывать». Началась прекрасная, идиллическая дачная жизнь, которая продолжалась до 1991 года. После этого начались большие изменения: сначала исчезли общественные территории в виде детских садиков, пионерских лагерей. Они оказались заняты различными ведомствами и сразу были отгорожены заборами. Исчез Дом писателей, превратился в гостиницу Союз театральных деятелей и т.д. Один за другим уходили выдающиеся люди, местное кладбище превратилось в пантеон.

В 2007 году дружившим с местной библиотекой Даниил Гранин предложил собирать свидетельства «уходящей натуры», на этот призыв откликнулась заведующая комаровской библиотекой Елена Аркадьевна Цветкова и Ирина Александровна Снеговая. Они собрали много уникальных вещей из кабинета Н. Черкасова, вещи А. Ахматовой, мебель В. Соловьева-Седова и т.д. За два года в библиотеке накопилось огромное количество документов, книг с автографами знаменитостей, их личные вещи (очки, пепельницы). Переполненная собранными вещами библиотека с большим трудом добилась выделения помещения 60 м² в здании администрации, где был организован муниципальный районный краеведческий музей «Келломяки-

Комарово». Можно сказать, что это музей устных историй, потому что его директор, филолог Ирина Александровна Снеговая знает тысячи увлекательных рассказов про Г.Уланову, Д. Шостаковича, А. Ахматову, И. Бродского и С. Курехина и др.

Библиотека в Комарово является центром общественной и культурной жизни, на мероприятия она собирает сотни людей. О невероятной активности маленькой библиотеки можно узнать из группы ВКонтакте (https://m/vk.com/bibliotekakomarovo). Удастся ли им спасти дух Комарово с этими невероятными историями, с домом академика Павлова, с дачей, где Стругацкие писали «Пикник на обочине» – неизвестно, но на какое-то время они продлят свою уникальную локальную историю. Если удастся зафиксировать то, что рассказывает И. А. Снеговая, возможно, будет какой-то эффект и останется память новым поколениям художников, академиков, писателей, которые будут там жить. Или сожгут все эти старые дачи и люди построят дома за заборами. Конечно, физически Комарово не исчезнет, но если не сохранятся локальные истории знаменитых людей, будет утрачен важный исторический пласт и это будет совершенно другая жизнь.

Е. Лерман привела также пример зарубежного опыта сохранения исторической памяти. Она рассказала о необычном оформлении станции Берлинского метрополитена Байеришер Платц (Bayerischer Platz), расположенной в районе Шёнеберг. Раньше это было предместье Берлина, центр деловой жизни, настолько богатый, что они построили собственное метро из четырех станций.

Станция была открыта в декабре 1910 года, она сильно пострадала в феврале 1945 года от прямого попадания авиабомб союзников и позднее была отстроена. В наземном вестибюле станции со стеклянным фасадом размещена необычная выставка – настоящее путешествие во времени. Она состоит из четырех разделов, первый из которых называется «Кто были наши соседи?». В Баварском квартале Шёнеберга жили многие известные люди. Например, довольно долго там жил известный физик Альберт Эйнштейн, отсюда он в 1938 году уехал в эмиграцию. Здесь жили актриса и певица Марлен Дитрих, Э. Фромм и многие другие популярные и известные в Германии люди.

Все здесь представлено очень привлекательно и впечатляюще, история каждого человека подробно рассказана и расписана – когда он там жил, когда он уехал, что он изобрел. Можно пойти и посмотреть дома, где жили эти люди.

Второй раздел посвящен истории евреев в этом баварском квартале. Из-за большой доли еврейского населения район даже получил народное название «Еврейская Швейцария». После прихода к власти нацистов, евреев ограничили в правах. В 1993 году местное сообщество квартала собрало средства для того, чтобы напомнить трагическую историю. Вокруг квартала Бавария на столбах освещения установили 80 табличек на немецком языке с изображениями законов нацистского периода. Эти взятые из документов тексты говорят о том, что было тогда запрещено евреям («евреям запрещается выходить после 8 часов вечера и до 8 часов утра», «евреям запрещается выгуливать собак», «евреям запрещается держать домашних животных», «евреи должны сдать свое имущество для процветания великой Германии» и т.д.). «И после прогулки по улице с таким напоминанием о том, что произошло в самом еврейском районе Берлина, получаешь сильное впечатление, потому что понимаешь, что с этими людьми должно было происходить».

Третий и четвертый разделы рассказывают об истории строительства квартала, всех его архитектурных памятников и новых строений. На платформе станции размещены довоенные фотографии, на которых отражена жизнь района с 1910 года по сегодняшний день. Тут же приведена четкая информация, указаны авторы фотографий и даты съемок. Интересно, что добротно оформленная выставка не является какой-то рекламной акцией, ее нет в интернете. Она сделана для жителей района и их детей, для всех тех, кто живет рядом в этом квартале.

Действительно, эта очень хорошая схема рассказа о жизни района и его жителях. Если провести параллель с московским метро, оно на этом фоне выглядит анонимным. Например, станция «Площадь революции» – это просто название, там не было никакой революции. «Площадь Маяковского» никак не связана с В. Маяковским, кто такой был Войков, в честь кого названа станция Войковская, уже никто не вспомнит. А выставка в берлинском метро, все эти большие панорамы – они про жизнь на этом месте и про тех, кто жил в этом квартале.

В историческом здании Шёнебергской ратуши есть мемориальный зал, где лежат папки с тысячами историй погибших в концлагерях людей, и можно взять любую папку, прочитать историю жизни человека от рождения до смерти. В Берлине, как и во многих других городах можно видеть «Камни преткновения» – маленькие латунные таблички, вмонтированные в тротуар возле жилых домов и офисов. На них написаны имена людей, год рождения и

дата, место гибели. Эти люди когда-то жили или работали в зданиях, возле которых установлены «камни». Уже более 20 лет действует этот проект памяти жертв нацистов, который придумал берлинский художник Гунтер Демниг. В Европе установлено более 56 тысяч «камней преткновения». Проект Демнига стал основой для российского мемориального проекта «Последний адрес». Все это свидетельствует об очень серьезном отношении к памяти о больших человеческих жертвах.

В завершение выступления, Е. Лерман предложила вспомнить и использовать в работе замечательные художественные произведениях, в которых «тоже есть проекция локальных историй, основанная на каких-то реальных фактах»: «Прощание с Матёрой» В. Распутина, «Пряслины» Ф. Абрамова, «Картина» Д. Гранина, а также порекомендовала романы зарубежных авторов: «Краеведческий музей» Зигфрида Ленца и «Сто лет одиночества» Габриэля Гарсиа Маркеса. По словам Елены Владимировны, «библиотекарь, который читает и любит художественную литературу, посвященную локальным историям, получит импульс для того, чтобы подумать о времени и месте, которые он мог бы использовать в проекте для создания какой-то собственной локальной истории».

Людмила Пронина. Сохранение исторической памяти об исчезнувших поселениях Тамбовской области

Важной частью профессиональной программы стало знакомство с практическим опытом сотрудников Тамбовской областной научной библиотеки им. А. С. Пушкина. Людмила Алексеевна Пронина, профессор Тамбовского университета им. Г. Р. Державина, директор Тамбовской ОНБ, выступила с докладом «**Сохранение исторической памяти об исчезнувших поселениях Тамбовской области**» о методологии и реализации проекта, который был высоко оценен профессиональным сообществом

Она отметила, что в последнее время значительно вырос интерес к краеведческой информации, когда люди запрашивают самые разнообразные данные по истории. На территории Тамбовской области когда-то находилось огромное количество сел, деревень, поселков и многие из них сейчас утрачены, и, например, когда «говорят о прославивших область людях, непонятно – откуда он, «уроженец такого-то села».

Оценив ситуацию, сотрудники Тамбовской научной библиотеки им. А. С. Пушкина вместе с коллегами из Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина задумали совместный проект по сохранению исторической памяти. Они много рассуждали о том, как сохранить память, что можно сделать для того, чтобы она передавалась из поколения в поколение.

Людмила Алексеевна напомнила слова Томислава Шолы из его книги «Мнемософия»: «Публичная память – это та рамка, которая позволяет эффективно использовать наследие, когда это необходимо в специфических интересах данного сообщества или общества. Это наследие, работающее на общество. Публичная память – часть движущей силы развития общества, а наследие – одна из ипостасей публичной памяти».

Сачала библиотекари-библиографы выявили всю необходимую информацию: сколько поселений утрачено, что там было, кто там жил, какие события происходили и т.д. Этот огромный пласт информации собирался из материалов фонда научной библиотеки, из государственного архива и архива социально-политической истории Тамбовской области. Были использованы доступные памятные книги и статистические сборники, которые велись в любой губернии.

Переработавшие огромное количество документов, сотрудники отдела краеведческой библиографии и историки университета узнали, что всего было утрачено 1566 населенных пунктов, и «полученная цифра повергла всех в шок». Настроения не добавила и та новость, что вышло постановление Тамбовской областной думы об изъятии из списка населенных пунктов еще 30 с лишним деревень. Пронина с сожалением констатировала, что «идет процесс, типичный для всех территорий нашей страны. Мы теряем поселения и весь потенциал, который связан с этими местами».

Для структурирования собранной информации была создана база данных, включающая восемнадцати пунктов (последнее название, последний район, последний сельсовет, время и обстоятельства образования, численность населения, время и форма ликвидации, известные уроженцы, хозяйственные объекты и т.д.). Участники проекта постарались предугадать абсолютно все позиции, которые они могли получить в базу при обработке источников. Информации о некоторых поселениях было много, о других – почти ничего.

Первая проблема, с которой столкнулись – это локализация. Необходимо было найти место расположения поселения и привязать его к современной

карте. Для этого была проведена большая работа с картами. Сотрудники библиотеки столкнулись с большими трудностями: одно и то же место называлось несколько по-разному, встречались изменения названий и др.

Второй важный момент работы – это волонтеры, без которых невозможно было бы осуществить проект. Студенты университета выезжали на место, искали в поле, расспрашивали старожилов и записывали их рассказы. Оказалось, что разыскание поселений было сопряжено с опасностями, когда ребята встречали погреб или ветхое здание, которое могло рухнуть в любую минуту.

При работе с опубликованными источниками, особенно дореволюционными, библиографы были поражены тем объемом информации, который тогда давался: расстояние до уездного города, расстояние до школы, призывного пункта, медицинского участка и т.д. Все эти моменты использовались для уточнения двух показателей: долготы и широты. Поиск вели по различным источникам, чтобы на пересечении данных получить реальный факт.

Вместе с разысканием информации о месте положения, сотрудники искали информацию о тех людях, которые там жили, о происходивших событиях, о том, что было в этом поселении. Благодаря проекту, в научный оборот было введено множество интересных фактов, связанных с выдающими людьми, проживавшими в Тамбовской губернии до и после революции.

В результате большой кропотливой работы был сформирован ресурс «Исчезнувшие сельские поселения Тамбовской области», который можно посмотреть по ссылке https://tambov.ru.net/village. Здесь представлена вся информация: поселения, выставки, публикации и др.

Поддержанный Фондом президентских грантов, проект вызвал вокруг себя много активностей, различных мастер-классов, формирование местного сообщества, а также получил благодарные отзывы и пожелания людей.

Собранную информацию сделали доступной для широкой общественности, создав группы «Уходящая деревня» ВКонтакте, в Одноклассниках и Фейсбуке. Интересно, что туда стали присылать информацию, фильмы и фотографии про исчезнувшие поселения из других регионов. Социальные сети сделали возможным очень активное общение на тему проекта.

Из полученной первичной информации при помощи современных технологий сделали несколько интересных виртуальных экспозиций: «От первого трактора до машинного двора», «Деревенское детство», «Сегодня в клубе», «Сельпо и Сельмаг», «Сельская школа», «Гармонист» и др. Все они сделаны по-разному. Если «Детство» это только огромное количество фотографий, то в «Гармонисте» кроме фотографий сельских гуляний с гармонистом и открыток экспонатами стали частушки и песни.

Л. А. Пронина особенно гордится реконструкцией типовой избы-читальни, сделанной по приложение к журналу «Красная Нива» – «Искусство в быту: 36 таблиц» 1925 года издания. В соответствии с расположением здесь были подобраны и размещены в пространстве эскиза книги, брошюры и фотографии.

Одним из направлений поиска было уточнение и привязка участников Великой Отечественной войны к тому месту, где они действительно проживали. Согласно принятому постановлению, в каждом населенном пункте ставятся монументы для увековечивания памяти. Если сел уже нет, участников войны вспоминают в ближайшем населенном пункте. Технология проекта позволила установить виртуальные памятники воинам именно в том месте, где эти люди жили и откуда они уходили на фронт, куда некоторые потом вернулись, а многие так и не пришли.

Но кроме этого, был важный момент, которым занимались историки, – они установили участников Первой мировой войны. И когда начали сводить списки по населенным пунктам, особенно сильное впечатление на всех произвела выяснившаяся закономерность – если в Первую мировую войну погибал отец, то в Великую Отечественную – погибали его сыновья. Это было понятно по совпадениям имен, отчеств и месту проживания. На некоторых виртуальных памятниках были указаны фамилии погибших и в Первую мировую, и в Великую Отечественную войны.

Сейчас региональный интернет-ресурс функционирует и развивается. Как отметила Людмила Алексеевна, «процесс продолжается, у нас еще будут исчезать наши поселения, поэтому в базу будут добавляться дальше и дальше наши территории».

Вокруг проекта организовалось активное сообщество, восстановились связи между людьми, которые волею обстоятельств когда-то потерялись, а также были «перекинуты мостики» между поколениями.

В 2018 году проект закончился. По оценке экспертов Фонда президентских грантов, он вошел в перечень «100 лучших проектов». Была издана книга «Сохранение исторической памяти об исчезнувших сельских поселениях: методология и методика создания и продвижения информационного ресурса». Издание отмечено дипломом президента РБА, электронная версия доступна на сайте проекта в разделе «Публикации» http://tambov.ru.net/village/etc/tbo-monographia2018.pdf

Поскольку проект легко масштабируется, каждый заинтересованный в подобной работе может сделать нечто подобное, воспользовавшись идеей, методикой, наработанными приемами и эффективными подходами к изучению исторического наследия своего региона.

Оксана Турская. Аудиогид своими руками

Тему познаний и путешествий продолжила Оксана Турская, заместитель директора по развитию платформы izi.TRAVEL. В её сообщении «**Аудиогид своими руками**» шел разговор о том, что при работе с локальными историями необходимо активно использовать такой эффективный инструмент как аудиогид. Его может создать любая организация, которая зарегистрируется на открытой бесплатной платформе izi.TRAVEL. Турская подробно рассказала о самой платформе, привела примеры разнообразных аудиогидов, дала несколько полезных практических советов.

Глобальность и масштаб платформы можно ощутить по следующим цифрам: на izi.TRAVEL опубликовано 11 тыс. аудиогидов по 100 странам мира в 2000 городов мира. На постоянно растущей платформе уже зарегистрировано более 30 тыс. авторов. Это музеи, библиотеки, информационные центры, университеты, краеведы, исторические общества, операторы связи, компании по производству шин и т.д., то есть «все те, кто хотят рассказывать свои истории к месту». Основная фишка и особенность этой платформы – она для геопривязанных аудиоисторий, то есть «чтобы ваша история прозвучала именно тогда, когда вы проходите мимо того места, в котором она произошла». На платформе можно создавать два типа аудиогидов: музейные или выставочные, а также уличные аудиогиды.

Мобильные аудиогиды – приложения, которые устанавливаются на смартфоны посетителей и поэтому не требуют от библиотеки закупки, аренды,

обслуживания оборудования. Аудиогиды используют технологию GPS, которая автоматически определяет положение слушателя или объект, которым он интересуется, и воспроизводит необходимый фрагмент.

Обычно аудиогид состоит из нескольких аудиофрагментов. Фрагменты нумеруются и привязываются к схеме (карте) осматриваемой местности, библиотеки или к номерам экспонатов (уникальным книгам, картинам, скульптурам и т.п.). Если аудиогид предполагает связный и законченный рассказ из фрагментов, его называют аудиоэкскурсией.

В основном библиотеки применяют сервис для создания аудиогидов по библиотеке, аудиотуров городских экскурсий, квестов. Например, иркутская областная государственная универсальная научная библиотека им. И. И. Молчанова («Молчановка») сделала аудиогид-путеводитель по библиотеке «Пять тысяч шагов по «Молчановке», в котором рассказывается об устройстве 9-этажной современной библиотеки, всех ее подразделениях и активностях.

Второй пример был приведен из Центральной городской библиотеки им. Н. А. Некрасова («Некрасовки»), которая одной из первых стала делать на платформе izi.TRAVEL аудиогиды. Например, выставочный проект «Сладкая история» (историю кондитерской промышленности Москвы рассказывают на примере коллекции фантиков). Здесь также можно послушать аудиогид с маршрутом по Басманному району – эту почти детективную историю «Где родился А. С. Пушкин?». Пользователь, загрузивший аудиогид, видит на экране телефона точки маршрута и как только он подходит к определенной локации, у него автоматически воспроизводится история.

Интересны тематические маршруты, сделанные на платформе «Библиотеками Воронежа»: «Воронеж Платонова», «Воронеж архитектора Баранова» и «Воронеж Кольцова».

Можно разработать маршрут, приводящий в музей или в библиотеку. По дороге к библиотеке человек слушает интересную информацию об истории, узнает об интересных событиях, происходящих здесь. Можно дать краеведческую тематическую информацию, но самое главное – «вы занимаете уши человека, пока он идет, и аккуратненько его подталкиваете к тому, чтобы он дошел до вашего порога и постучался. Чтобы это сделать, нужно просто составить маршрут, поставить точки, в каждую точку добавить текст, фото, аудио и опубликовать».

Тульский историко-архивный архитектурный музей сделал аудиогид с интересными рассказами о городе для автобуса № 3. В автобусах они развесили плакаты, продвигающие аудиогид.

Поскольку тема КРЯККа – локальные истории, Оксана Турская продемонстрировала замечательные примеры, когда в качестве дополнения для экскурсий используются истории бывших и настоящих жителей этого места. Она сказала: «Представьте, вы идете по Маросейке в Москве, поворачиваете в Армянский переулок. И вдруг слышите голос Олега Басилашвили, который начинает рассказывать вам об этом месте. Это проект московского дома-музея «Огни Москвы» под названием «Армянский переулок. Соседи». Авторы аудиогида собрали истории жителей Армянского переулка, «они просто походили по квартирам и записали на диктофоны их истории. Потом они эти истории привязали каждую к своему месту, и получился такой очень трогательный маршрут, где вашими экскурсоводами являются жители подъезда».

Следующий пример был из Смоленска. Туристско-информационный центр объявил, что собирает истории жителей о Смоленске. Люди приходили на радиостанцию, записывали свои истории, которые потом привязывались к городским местам, в результате получился трогательный маршрут. Как будто во время прогулки у каждого дома вас встречает местный житель и рассказывает свою историю.

Можно сделать то же самое, только с людьми, которые жили здесь 100-120 лет назад. Сначала нужно собрать материал (воспоминания, письма и др.), а потом составить из него истории. Такой подход демонстрирует проект из Мурома – «Сентиментальное путешествие по старому Мурому», сделанный при поддержке Благотворительного фонда В. Потанина. Сотрудники Муромского историко-художественного музея собрали воспоминания соотечественников (в том числе, изобретателя телевидения В. К. Зворыкина). Они были озвучены школьниками-подростками, и в результате получился интересный рассказ. Например, вы подходите к дому Зворыкина и слышите: «Дом для нашей семьи был великоват» и т.д.

О. Турская привела пример из Алтайского края. Алтайская краевая детская библиотека им. Н. К. Крупской сделала открытый конкурс «Алтай на карте мира в один «клик», в котором могли участвовать все библиотеки региона. Благодаря тому, что у библиотек из маленьких деревушек есть свои

интересные истории, они создали свои аудиогиды. Библиотеки можно увидеть на карте в приложении, они стали «видимыми, привлекательными, их можно легко найти и размер уже не имеет значения, будь вы Третьяковской галереей или библиотекой в селе Савушково, шансы быть увиденными у всех равные».

«Библиотеки Комсомольска» на грант от Фонда Михаила Прохорова сделали три экскурсии по городу: «Здесь начинался Комсомольск: прогулка по Набережной города», «Первые улицы города. Улица Кирова», «Литературный Комсомольск». Грант был выигран несколько лет назад, а маршруты до сих пор приносят пользу людям.

Казанский кремль сделал аудиогид «Верьте себе!», посвященный жизни Л. Н. Толстого в Казани. Там рассказывается про его первые годы жизни в этом городе, поступлении в университет, о родственниках и т.д. Все эти невероятно интересные истории можно просто открывать и слушать.

Любопытным показался пример аудиогида «Энергетика Иркутска». Он был сделан ни музеем, ни библиотекой, а институцией «En + Group» – ведущим вертикально интегрированным производителем алюминия и электроэнергии. Маршрут знакомит с историей появления первой электростанции, первых уличных фонарей. Дальше О. Турская привела несколько примеров подходов к созданию аудиогидов. Например, директор музея-заповедника «Царицыно» Елизавета Фокина записала два аудиогида – по Оперному дому и Царицынскому парку (« Я генеральный директор музея-заповедника «Царицыно» и я приглашаю вас прогуляться …»)

Другой пример – из государственного музея Невады (Лас-Вегас), где каждый сотрудник музея рассказывает о своем любимом экспонате. Это живые и непосредственные истории про летучих мышей, снежного барана, костюм танцовщицы из Фоли-Бержер, про длинную винтовку Кентукки и др.

Еще один подход – кураторский рассказ. Например, если проходит выставка работ какого-то художника, можно просто записать его рассказ. Прогулка по экспозиции с сопровождением голоса человека, который это создал, оставляет совершенно другое впечатление. Например, для аудиогида в уникальном музее Екатеринбурга «Невьяновская икона», был использован рассказ создателя музея Евгения Ройзмана («мы прошлись по залу с диктофоном, записали его историю, разбили запись на 27 фрагментов и получили «экспонаты с озвученной историей»).

Выступающая особенно отметила детские аудиогиды, созданные в Государственной Третьяковской галерее по выставкам художников А. Куинджи, И. Репина, В. Поленова. Преподаватель детской изостудии при галерее Людмила Левицкая написала живые и неформальные тексты-диалоги (один ребенок спрашивает, другой отвечает). Почти 30 мальчиков и девочек записали тексты на диктофон, наложили музыку российских и зарубежных композиторов, а также дополнительные эффекты (пение птичек и др.). В результате получился фантастически интересный инверсивный спектакль. Здесь есть и некоторый элемент интерактива – прослушав истории про картины, можно ответить на вопросы викторины.

Интересный подход связан с использованием «известных голосов». В каждом городе есть известные, знаменитые люди, которых можно привлечь к записи. Многие соглашаются озвучить истории из желания сделать что-то хорошее для своего города, а для библиотеки это своеобразный пиар.

Платформу izi.TRAVEL можно использовать и в инклюзивных проектах. Если вместо аудио включить видеоролик на жестовом языке, его можно использовать как видеогид для глухих и слабослышащих людей. Они могут включить его на своем телефоне, погулять по экспозиции и все посмотреть. Мобильность информации дает таким людям больше свободы. Для многих из них очень важно почувствовать себя самостоятельными. Видеогид на жестовом языке можно увидеть на сайте Музея истории религии в Санкт-Петербурге.

Другой пример – когда в аудиогиде дается очень подробное описание чего-то для невидящих и слабовидящих людей. Благодаря таким подсказкам, человек может почувствовать и представить. Есть «Гид Для Мигрантов» (аудиоброшюра), созданный для приезжающих в Москву трудовых мигрантов.

Еще одна интересная возможность касается художественных музеев. «Яндекс. Алиса» научилась рассказывать истории из izi.TRAVEL. Если сфотографировать скульптуру или картину из экспозиции ГМИИ им. А. С. Пушкина и спросить ее «Что на фото?» Алиса сообщит, как называется работа и кто ее автор, а затем включит аудиозапись с рассказом о ней. Комментарии к картинам дают специалисты музея, аудиозаписи Яндекс получает от платформы izi.TRAVEL, на которой ГМИИ им. Пушкина и еще 2000 музеев мира размещают свои аудиогиды.

Оксана напомнила аудитории про замечательное приложение с дополненной реальностью и аудиогидом «Артефакт». Этот проект

Министерства культуры, как и izi.TRAVEL – бесплатная открытая платформа, на которой можно зарегистрироваться и создавать свой контент. По ее выражению, «фишка в том, что вы можете наводить приложение, которое будет распознавать те детали, которые вы туда заложили. Загрузив аудиогид на платформе, кнопкой его можно экспортировать в «Артефакт»: «Вы одним выстрелом убиваете двух зайцев: получаете две аудитории – и артефакта, и izi.TRAVEL. Кто каким приложением привык пользоваться, кому как удобно».

Интересно было узнать про путеводитель, сделанный Центром Развития Туризма Ярославской области «Ярославия. Большое автомобильное путешествие с Cordiant». Аудиогид Большого Автопутешествия рассказывает о храмах и музеях, о сыроварне и фабрике ростовской финифти, о тех местах, где подаются самые вкусные блюда. С помощью аудиогида происходит популяризация региона, и даже маленькие музеи становятся известными. Как пошутила Оксана: «Задача – сбить человека с маршрута, чтобы он не доехал до Ярославля, а остановился у деревушки, где много лет делаются самые вкусные малосольные огурчики и там оставался».

В завершение своего сообщения Турская дала несколько полезных практических советов. Для создания ролика нужно сделать три вещи: подобрать историю, озвучить ее, сделать фотографии и выложить на платформу. При написании истории нужно помнить основное правило – она не должна быть длинной, 100-200 слов вполне достаточно. Не надо делать скучного изложения фактов. Лучше использовать эмоциональные вещи, от которых разыграется воображение. Лучше всего записать человека «вживую», если он хороший рассказчик.

При подготовке текста нужно помнить, что «читать и слушать – это разные вещи. Сложные длинные предложения, какие-то «щиеся» – это просто ад для ушей, это слушать невозможно. Дробите текст на короткие фразы, говорите легким разговорным языком. Это не значит, что надо опускаться до какого-то примитива. Но не читайте высокопарным тяжелым, наукообразным языком, который не поймут и не оценят». Самый простой способ – озвучить историю с помощью диктофона в телефоне. Надиктовать текст в тихом помещении, с использованием программы Audacity нарезать кусочки, убрать шум, наложить звуковые эффекты. В izi.TRAVEL HELP есть ссылка на программу.

Итак, чтобы попасть на izi.TRAVEL, нужно зарегистрироваться, создать аудиогид и самим его опубликовать. В izi.TRAVEL HELP есть очень подробная инструкция с видеоуроками и пошаговыми инструкциями (http://academy.izi.travel/ru/help/production/cms-for-museums/). Курс Сергея Томаша «Как создать аудиогид» (http://academy.izi.travel/ru/help/production/avtorskij-kurs-sergeya-tomasha-kak-sozdat-audiogid/) состоит из 7 уроков, за 40 минут рассказа можно получить правильный вектор – как мыслить, как писать истории интересными, как формировать маршрут. После публикации платформа показывает статистику, «вы будете видеть – кто, откуда, сколько раз вас слушали, из каких городов».

Конечно, нужно позаботиться о продвижении аудиогида, сделать рекламные плакаты. В системе стандартный плакат формируется автоматически, его можно распечатать и разместить.

Полезной информацией, полученной из сообщения Оксаны Турской, многие слушатели абсолютно точно решили воспользоваться. Кстати, она проводит вебинары по созданию уличного аудиогида в YouTube, а в группе «Мобильный сторителлинг» на Facebook регулярно анонсирует воркшоп, к которому можно легко присоединиться по скайпу.

Подводя итоги, можно сказать, что в рамках мастерских семинара для специалистов библиотек и музеев все получили чрезвычайно актуальную и полезную информацию. Многое участники планируют использовать её в своей деятельности после переработки под свои индивидуальные условия.

Евгения Совлук. Краевед Ефим Ильич Владимиров и его книги

Хочется отметить две увлекательные лекции, которые провели сотрудники библиотек на стенде Министерства культуры Красноярского края «Культура Красноярья».

О жизни и наследии красноярского краеведа-подвижника рассказала сотрудник Красноярской краевой научной библиотеки **Евгения Совлук** в лекции «**Краевед Ефим Ильич Владимиров и его репрессированные книги**».

23 декабря 2020 года исполнится 115 лет со дня рождения Е. И. Владимирова – подвижника от исторической науки, автора 5 книг и тысячи

публикаций в научных изданиях. Его интересные книги долгое время хранились в спецхране и были недоступны. История жизни и научного наследия этого выдающегося человека заслуживает особого внимания.

Ефим Ильич Владимиров родился в крестьянской семье, в селе Большая Тесь Минусинского уезда в 1905 году. С детства хорошо знал грамоту, занимался извозом по сибирским дорогам, позднее на рабфаке получил среднее образование, но учиться в вузе ему не довелось, нужно было кормить семью. Еще в юношеские годы у него пробудился интерес к краеведению, а с 18 лет он приобщился к журналистике, вел дневник строительства мартеновских печей в новокузнецкой газете «Большевистская сталь». В начале 1930-х годов Владимиров с семьей переехал в Красноярск, поступил на службу в госархив. Тогда им были проведены серьезные расследования, связанные с жизнью А. Грибоедова и камергера Н. Резанова. В эти же годы написал книгу «Ленин в сибирской ссылке», но издания он не дождался, потому что по ложному навету был арестован сотрудниками НКВД и отправлен в лагеря.

Но самая первая книга красноярского краеведа «Тимофей Михайлович Бондарев и Лев Николаевич Толстой», напечатанная в 1938 году, была посвящена умнице-крестьянину Бондареву, который переписывался с великим писателем. Книгу Владимирова с предисловием и под редакцией бывшего секретаря великого писателя Н. Н. Гусева литературоведы оценили как новое слово о Толстом, а в 1939 году она экспонировалась в павильоне СССР на Всемирной выставке в Нью-Йорке. Она получила признание у организаторов и посетителей советской экспозиции, где миру демонстрировались высокие достижения социализма.

Но кто такой Тимофей Михайлович Бондарев? Крестьянин, сын крепостного области Войска Донского. Родился в 1820 году, обучился грамоте у местного дьяка. Всю жизнь работал на полях, тянул барщину, женился, завел троих детей. Жена ждала четвертого ребенка, когда помещик Чернозубов отправил его в солдаты «на тридцать восьмом году жизни, по николаевским законам на двадцать пять лет». Бондарев прослужил в солдатах десять лет, прославился большими познаниями в области литературы, комментировал главы «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева, и стал еще более смелым. Всю жизнь он дерзил своим начальникам, помещикам, командирам своего полка. Считая, что другая религия защитит человека от произвола государства, Бондарев отказался от православия и перешел в иудейство, такое его направление как субботничество.

После очередной дерзости его на два года отправили в камеру Усть-Лабинской тюрьмы (1865-1867), а после этого военносудная комиссия приговарила на вечное поселение в Сибирь, куда он ушел с женой и двумя детьми. Енисейский губернатор определил ссыльного в деревню Иудино (ныне Бондарево) Минусинского уезда, куда поселялись отступники от православия: субботники и молокане.

В деревне за три урожайных года семья встала на ноги. Как единственный грамотный на всю деревню, Бондарев открыл школу для крестьянских детей и учительствовал в ней на протяжении 30 лет. Зимой он обучал детей письму, грамоте, счету и прививал им любовь к чтению. Однажды вечером, когда он шел утомленный с работы, то поклонился ехавшему в пролетке человеку из так называемого господского сословия, а тот на него даже не посмотрел от презрения. Тимофей Михайлович обиделся: «Я в преклонных годах, я кланяюсь вечером, после крестьянских тяжких дневных трудов, а он не хочет меня никак поприветствовать». Из этой обиды «вырастает» труд в 200 страниц.

Начиная с 1870-х годов, он стал в письменном виде излагать свои мысли насчет обогащения российской казны и предложения по выходу народа из нищенского состояния. Рукопись его трактата «Трудолюбие и тунеядство, или Торжество земледельца» была готова к 1880 году.

Тимофею Михайловичу исполнилось 60 лет, по тому времени это был уже мужчина в преклонных летах. И он начинает, как сказали бы сейчас, «пиарить» свою рукопись. Один экземпляр рукописи он отправляет для знакомства Н. М. Мартьянову, уже тогда организовавшему краеведческий городской музей в г. Минусинске, человеку известному в регионе и за его пределами.

Не дождавшись даже нескольких дней, не дав времени ознакомиться с этим трудом Мартьянову, он едет к нему, чтобы узнать его мнение о рукописи. Николай Михайлович оценивает труд как интересный и важный. Но Тимофею Михайловичу этого мало, он недоволен, поэтому через некоторое время идет на почту и отправляет еще несколько экземпляров рукописи (всего было 6 экз.) по следующим адресам: второй экземпляр – в Санкт-Петербург царю, третий – министру внутренних дел, четвертый – через третьи руки отправляет Л. Н. Толстому. До царя-императора рукопись не дошла, она остановилась у министра и его секретаря, которые сказали: «Безграмотный мужик, ничего толкового там нет».

Но Лев Николаевич читает рукопись, восхищается и завязывает переписку с простым крестьянином. Граф и крестьянин – тогда это была большая сословная разница. Через какое-то время Лев Николаевич начинает в письмах называть себя духовным братом простого крестьянина. Толстой написал Бондареву 11 писем, в которых подчеркивал силу, ясность, красоту и искренность убеждений, важность основного труда крестьянского философа. В трактате «Так что же нам делать?» Толстой писал: «За всю мою жизнь два русских мыслящих человека имели на меня большое нравственное влияние и обогатили мою мысль и уяснили мне моё миросозерцание…два живущие теперь замечательные человека, оба всю свою жизнь работавшие мужицкую работу, – крестьяне Сютаев и Бондарёв».

Лев Николаевич много заботился о «Торжестве земледельца», ему удалось напечатать труд в России. В сокращенном виде он был опубликован в 1888 году в еженедельнике «Русское дело» с послесловием Толстого, в 1890 году труд был издан в переводах на французский и английский языки с его же предисловием, отдельное издание было выпущено в 1906 году издательством «Посредник».

Основная мысль Бондарева состоит в том, что слова Книги Бытия о том, что человек будет в поте лица добывать свой хлеб, подразумевают непосредственное занятие крестьянским трудом как основное условие праведности.

Публикация на французском языке лежит у Тимофея Михайловича три года, поскольку никаких языков, кроме русского он не знал и не мог ее сам прочитать. Когда же ему переводят текст, ему кажется, что его обманули: весь слог, вся мысль ушли вникуда. Лев Николаевич объяснял ему в письме, что он сам выбирал отрывки, отслеживал перевод, что все там правильно, а изменения внесены для лучшего понимания французами мыслей простого русского крестьянина.

Таким образом (слайд) выглядит почерк самого Тимофея Михайловича. Эта подпись как бы завершающая, обращение к читателям, в принципе достаточно понятный почерк и сегодня его можно прочитать.

А вот таким образом выглядит еще один автограф Т. М. Бондарева. Что же это такое? Он закончил свой труд в 60 лет, несколько лет рассылал его и через какое-то время понял, что заочно общается в письмах с Львом Николаевичем на равных. Желая с ним познакомиться, он мечтает добраться до Ясной

Поляны. Поскольку он был поднадзорным крестьянином и ссыльным на вечное поселение в Сибирь, он пытается бежать из Енисейской губернии. Первую попытку путешествия в Ясную Поляну прервали жандармы, вернув его на место. Вторую попытку прервала его старость и немощь, когда он сильно заболел и не смог больше никуда выехать.

Вместо этого он продолжал философское творчество, написал еще несколько очерков. Бондарев принимал достаточно интересных посетителей, которые стали к нему приезжать, когда его труд стал известен в среде интеллигенции. Со временем Тимофей Михайлович стал писать свое завещание, причем не только на бумаге, но и на камне. На двух каменных плитах он выбил цитаты из своего текста «Трудолюбие и тунеядство, или торжество земледельца». На могиле Тимофея Михайловича окажутся эти плиты, столик, за которым он работал вместе с шестым экземпляром его самого главного в жизни труда. Шесть тополей обрамляли его могилу, которую он выкопал себе сам, как и многое другое в своем селе. Первым на месте поселения он стал заниматься орошением полей, начал сплавлять избыток продуктов по рекам Абакану, Енисею на Север. Он занимался сплавом леса по новейшим технологиям, о которых узнавал из книг.

В таком виде (слайд) могила пробыла всего несколько месяцев. Кто-то разломал столик, но до этого рукопись попадает в Минусинский краеведческий музей, а потом в архивохранилище красноярского библиофила Геннадия Васильевича Юдина. Сегодня могила Тимофея Михайловича выглядит как на этом слайде, с двумя мраморными плитами, одной обработанной, отполированной, с эпитафией и другой – необработанной, мощной, крепкой, грубой, каким был и он сам.

Тимофей Михайлович – знаковая фигура для региона, в связи с этим интерес к нему не пропал и по сей день. В 2010 году была проведена межрегиональная научно-практическая конференция в г. Абакан «Сибирский крестьянин Тимофей Бондарев и граф Лев Толстой». С книгой «Тимофей Михайлович Бондарев и Лев Николаевич Толстой» Е. И. Владимирова можно ознакомиться в стенах Краевой универсальной научной библиотеки.

Следующая книга Ефима Ильича Владимирова называлась «Героический рейс шхуны «Утренняя заря» (1940). В 2014 году она была переиздана с ошибкой в названии как «Героический рейс шхуны «Утренняя звезда». Здесь рассказывается о мужестве и отваге русских моряков, которые должны были

«пронести русский флаг из Енисейска до Петербурга через моря Ледовитого океана». В издании краеведа Владимирова собраны такие детали, которые показывают не только бытовые мелочи, но и детали эмоциональных переживаний моряков, строителей, меценатов, купцов, чиновников, которые сопровождали историю этого рейса. Подвиг моряков в покорении Арктики стал особенно понятен, когда в Советском Союзе началось развитие Северного Ледовитого мореходства. (Рецензию на книгу Владимирова, написанную С. К-овым в 1940 году и опубликованную в журнале «Сибирские огни», можно прочитать по ссылке https://poisk.ngonb.ru/flip/periodika/sibogni/1940/6/#170)

Второе издание книги снабжено предисловием известного политика, предпринимателя, который связывает XIX век с нашим временем и больше внимания обращает на благотворительность. Он высказывает благодарность инженерам, которые работали над строительством судов, над их перестройкой и реставрацией. Благодарит и хвалит меценатов, которые снабжали это путешествие финансами и ресурсами.

Таким образом (слайд) когда-то выглядели путешественники, плававшие северными путями. Вместе с людьми там также плыли и местные собаки, которых как сувенир привезли в Петербург. Кроме собак везли гербарий и сушеную рыбу, как на еду, так и в виде экспонатов.

Третья опубликованная книга «В. И. Ленин в сибирской ссылке. 1897-1900 гг.», которую готовил к изданию краевед, вышла в 1941 г., но на титульном листе и его обороте нет даже упоминания о Владимирове. Потому что к этому времени краевед уже был арестован. Каким образом это произошло? Он возвращался поездом из Москвы, из архива. Повстречался с демобилизованными солдатами, участниками войны с белофиннами. У них на руках были антисоветские листовки, которые разбрасывали наши противники среди солдат. Краевед выпросил несколько листовок и похвалился ими по приезде в Красноярск как интересным экспонатом. Никакой антисоветской деятельности он не проводил. После доноса его арестовали, и около 9 лет он провел в Норильлаге на строительстве железнодорожных путей, после чего получил 3 года поражения в правах.

В 1941 году после ареста краеведа вышло распоряжение убрать его книги подальше от массового читателя. Под жернова политики попали тогда не только книги красноярского краеведа, но и многих других авторов, ставших неугодными. Вернувшись из заключения, Ефим Ильич продолжает собирать

материал по своей главной теме «В. И. Ленин в Сибири» и в дальнейшем выходят три книги: «Поездки и встречи. В. И. Ленин в Сибири» (1966), «Ленинские места на Енисее» (1974) и её переиздание в 1980 году. Кроме этого, он продолжает свою корреспондентскую и как бы архивную деятельность, потому что работать в архиве ему было нельзя. Из-за поражения в правах он не мог жить в крупных городах, поэтому семья перебралась в поселок Бородино.

Несколько лет он работал на Бородинском разрезе, сначала простым рабочим, потом экономистом-нормировщиком и корреспондентом местной газеты. В это время он очень активно публиковался в различных печатных изданиях. Вот, например, одна из папок, которые хранятся в архиве, в которой собраны материалы летописи Бородинского разреза за 1974-1975 годы, созданной Ефимом Ильичом Владимировым (слайд).

Говорят, что признание важности сделанного человеком определяется отношением к его трудам не сразу, а через 25 лет. В 2012 году краевед Владимир Чагин издал книгу «Главная тема краеведа Владимирова». Она есть в библиотеке, и всю информацию о Ефиме Ильиче можно узнать из этой книги.

В 1981 году Ефим Ильич умер от острой почечной недостаточности. Он возвращался с заседания Общества по охране памятников истории и культуры в переполненном автобусе в прекрасном настроении. Но на выходе его вытолкнули из автобуса, он сильно ударился о бордюр, не смог сам встать. Случайно проезжавшая мимо Скорая помощь ему помогла, отвезла в больницу, но продолжать лечение он отказался, пытался лечиться дома. Но ничего не помогло, человек скончался, а семья после этого уничтожила все хранившиеся материалы.

Нужно ли было убирать книги Владимирова в спецхран или нет? По сути, в книгах ничего плохого нет. Они безумно интересные, особенно в связи с тем, что в Красноярском крае очень сильна школа аграрной истории России. Но труд Тимофея Михайловича Бондарева упоминается в книгах многих крестьяноведов и специалистов по истории крестьянства в Сибири. Если бы эту книгу читали много и часто, она сохранилась бы хуже. Хотя бы ради этого ее стоило убрать подальше на какое-то время. Сегодня ее можно перевести в электронный вид и таким образом сохранить, но при этом выдавать массовому читателю.

Александра Шиндина. Второе юдинское собрание книг

Александра Борисовна Шиндина, библиотекарь Отдела редких книг государственной универсальной научной библиотеки, рассказала о **втором юдинском собрании**, хранящемся в Отделе редких книг.

Геннадий Васильевич Юдин (1840-1912) – красноярский купец, известный русский библиофил, владелец крупнейшей в Сибири частной библиотеки. Уже в возрасте 22 лет он обзавелся экслибрисом для своей библиотеки. У него было два экслибриса: один сюжетный – работы художника В. А. Боброва, которым он снабдил все книги своей первой библиотеки и второй – простой шрифтовой экслибрис «Юдинъ», который стоит на книгах второй юдинской домашней библиотеки.

У Г. В. Юдина была огромная библиотека, к концу XIX века она насчитывала свыше 80 тысяч томов. Главным образом это были книги по истории, археологии и этнографии Сибири и Русской Америки, а также несколько сот тысяч рукописей XIII-XIX вв. Где бы Юдин ни жил и не путешествовал, он всегда поддерживал связи с букинистами. Больше всего покупал у издателя и книготорговца Василия Ивановича Клочкова (1861-1915). В. И. Клочков писал Юдину: «Ваша-то библиотека не чета нашим петербургским собирателям, у которых библиотека состоит из 2–3-х шкафов, а у вас целый дом из 8 комнат». Дом этот стоит до сих пор, но, к сожалению, он уже давно без книг, потому что Юдин продал свою библиотеку в США, где она вошла в состав библиотеки Конгресса. И первый, кому он сообщил об этом, был как раз В. И. Клочков. Юдин 6 ноября отправил ему телеграмму: «Библиотеку мою продал в Вашингтон. Сегодня состоялась укладка первого ящика». Укладывали и заколачивали книги в ящики 3 месяца, всего было уложено более 500 ящиков. Через 3 месяца (слайд с обозом) библиотеку Юдина вывезли на железнодорожный вокзал. На каждой подводе помещалось около 10 ящиков, трудно представить, сколько нужно было сделать рейсов этому огромному обозу.

Г. В. Юдин всегда оставался страстным библиофилом, и до конца своей жизни он собрал вторую библиотеку – 15 тысяч томов и несколько десятков тысяч рукописей, которые после Октябрьской революции были национализированы. Вторая библиотека Юдина – тоже ценное, прекрасное, замечательное собрание, и сейчас оно находится в Красноярской краевой библиотеке. Со второй библиотекой Юдина произошла сложная история.

Когда в Красноярске установилась советская власть, начались закрытия книжных учреждений, конфискации книг и национализация книжных фондов. Поэтому нужно было срочно создать специальное учреждение. После освобождения города от колчаковцев в 1920-м году, когда в Красноярске вторично была установлена советская власть, было создано Енисейское центральное книгохранилище. В него в спешном порядке стали свозить книги из закрывшихся учреждений, книги бежавших владельцев и национализированные. С января по ноябрь 1920 года было национализировано и реквизировано 23 библиотеки с общим количеством около 150 тысяч томов. Это были свезенные целиком библиотеки Духовной семинарии, Общественного собрания, Вольно-пожарного общества, Казенной палаты и части библиотек Епархиального и Духовного училищ, И. А. Ицина, Г. В. Юдина, 1-го городского высшего начального училища и др. Потому что согласно принятому постановлению, если библиотека насчитывала более 500 томов, ее национализировали.

В здании центрального книгохранилища находились такие учреждения, как Музей приенисейского края, Библиографическое бюро, учебное заведение и др. Книжное собрание составляло более 240 тысяч томов. Эти книги нужно было разбирать и инвентаризировать. По первоначальному штатному расписанию в хранилище должны были работать 12 человек, но из-за непривлекательных условий труда (пыль, грязь, перетаскивание книг, отсутствие пайка и рабочих фартуков, неопределенность работы) вакансии были постоянно. Так, в июле 1920 года здесь работали только 4 человека. Когда начался НЭП, учреждения культуры были поставлены в сложное положение, людей стали сокращать, и, в конце концов, здесь остался один человек – заведующий книгохранилищем Михаил Иванович Пальмин. К концу 1921 года книгохранилище было закрыто, а юдинские книги вместе с десятками тысяч других изданий были переданы музею Приенисейского края.

Книги из второй домашней библиотеки Юдина (предположительно их было 12-15 тыс.) по решению Наукома заносились в отдельный инвентарь. После того, как книги были переданы музею, они остались неразобраны. В музее после сокращения оставалось всего 6 человек (из 36 дореволюционных сотрудников). Им некогда было заниматься книгами, поэтому книги были уложены в штабеля и в законсервированном виде лежали в подвалах музея, Покровской церкви и архивного бюро. И даже газеты писали (примерно через 10 лет), что юдинские книги попали вместе с десятками тысяч других книг в

темные подвалы архивного бюро и церкви, и «лежат там в пыли, съедаемые мышами».

Но 7 декабря 1934 года был официально учрежден Красноярский край, и началось создавать соответствующих организаций. В 1935 году была создана Красноярская краевая библиотека. Подробнее об этом можно узнать по ссылке https://res.krasu.ru/exlibris/hist/hist7.html

Первый читальный зал открылся в здании музея Приенисейского края, который был переименован в Краевой краеведческий музей, а все остальные отделы библиотеки находились в подвалах музея, там же хранились книги, которые нужно было разбирать и обрабатывать. Разбор собрания продолжался 4 года.

Современное здание краевой универсальной научной библиотеки, в котором юдинская библиотека находится в настоящее время, было построено по проекту архитекторов М. И. Мержанова и Е. А. Зубковского в 1957-59 годах. В начале 60-х годов все книги из музея (в том числе и книги юдинского собрания) были перевезены в здание Краевой библиотеки по адресу: проспект Мира, 93. 22 июня 1964 года состоялось торжественное открытие библиотеки,

В 1977 году как самостоятельное структурное подразделение библиотеки был создан Отдел редких книг. Ядром фонда является вторая домашняя библиотека Г. В. Юдина, насчитывающая свыше 10 тыс. единиц хранения. Здесь стали комплектовать коллекции: рукописных книг, старопечатных книг, миниатюрных книг, старопечатных книг кирилловской и гражданской печати XVIII века, отечественных книг 1801–1830 и 1831–1900-х годов и др.

Каталоги юдинского собрания издаются отдельными выпусками. Всего вышло 18 томов, некоторые выпуски выходили в 2-х томах. Это 15-й том, отражающий 17 рукописей юдинского собрания.

Одна из самых ценных рукописей – «Приключения четырех дервишей». Но поскольку в библиотеке не было знающих арабский язык, первоначально она была записана в инвентаре как «Сказка о трех дервишах». А подлинное название было установлено только в 1990-м году. Сотрудники библиотеки тогда приступили к подготовке юдинского каталога отдельными выпусками. Среди всех книг было три книги на иностранных языках, в том числе «Приключения четырех дервишей». Тогда была договоренность с Российской национальной библиотекой (в советское время она носила название

Государственной публичной библиотекой им. Салтыкова-Щедрина, а до установления советской власти это была Императорская публичная библиотека). Отдел рукописей оставил у себя на описание одну книгу – рукопись на немецком языке, написанную очень мелким шрифтом. А другие две рукописи отправились в Институт востоковедения АН СССР. «Приключения четырех дервишей» с восхищением описывал замечательный востоковед Олег Федорович Акимушкин, очень заинтересовавшийся личностью Г. В. Юдина. Рукопись создана во второй половине XVIII века в Кашмире или Дарвазе, она интересна тем, что здесь более 500 страниц, из них 27 страниц содержат красочные прекрасные миниатюры кашмирско-дарвазской школы книжной живописи. О. Ф. Акимушкин советовал отреставрировать рукопись. Дело в том, что когда её создавали, на полосках страниц использовали едкие краски и в этих местах текст оказался поврежден. В то время реставрация обошлась бы в 3 тыс. рублей, таких денег у библиотеки не было. Но все-таки позднее рукопись отреставрировали в московской библиотеке иностранной литературы.

Коллекция книг гражданской печати Отдела редких книг составляет более 500 книг, из них четвертая часть – юдинские книги. Здесь имеется полное собрание сочинений Александра Петровича Сумарокова в стихах и прозе (1787). Оно знаменито тем, что впервые было напечатано такое объемное 12-ти томное собрание сочинений.

Книга Михаила Ивановича Прокудина-Горского «Уединенное размышление деревенского жителя» (1770), здесь вклеен лист с рукописным стихотворением «Вельможа» Г. Р. Державина. Также в юдинском собрании много книг первой половины XIX века. Это прижизненное издание басен И. А. Крылова (1854), прекрасно проиллюстрированное художником-гравером А. П. Сапожниковым.

Портрет А. Ф. Смирдина, чьим внучатым племянником является В. И. Клочков, активно снабжавший книгами Юдина. Александр Филиппович Смирдин (1795-1857) – известный издатель и книгопродавец, которого называли «королем книжников» и «торговцем добрым словом».

Баснописец и романист Александр Ефимович Измайлов написал о нем стихотворение:

Любезный, честный наш Смирдин,
Питомец книжников почтенных, благородных,
Оракулов негодных и песенников ты ни с кем не составлял,
Одни хорошие лишь книги издавал,
И литераторам не делал притесненья;
На обхождень ты и на платеж хорош:
Попросишь у тебя, ты и вперед даешь... и т.д.

Он много сделал для развития русской литературы: первым стал платить писателям постоянный авторский гонорар, снизил цены на книги и журналы за счет увеличения их тиража, организовал «Контору издания русских классиков и высылки их иногородним» – далекий прообраз «Книги – почтой» и многое другое.

Из Юдинского собрания еще одна замечательная книга – второе издание альманаха «Новоселье» (1845). Об этом свидетельствует штемпель «ЮДИНЪ» красного цвета (встречается на книгах также штемпель фиолетового цвета).

Интересна история иллюстрации на заглавном листе, изображающая писателей на торжественном обеде. В 1831 году Смирдин переехал в дом на Невском проспекте, напротив Казанского собора. В нижнем этаже размещалась книжная торговля, на верхнем была устроена библиотека для чтения. Смирдин решил отпраздновать новоселье и пригласил на обед гостей: И. А. Крылова, В. Жуковского, А. С. Пушкина, Н. И. Гнедича, П. А. Вяземского, В. Ф. Одоевского, Н. В. Гоголя и других писателей. В память этого праздника был издан сборник «Новоселье» (первый выпуск в 1833 г., второй – в 1834 г.), составленный из произведений гостей. В. Белинский назвал его «лучшим русским альманахом».

Внешне эти сборники были изданы замечательно. На обложках даны изображения помещения библиотеки Смирдина и его книжной лавки. На заглавных листах напечатаны гравюры С. Ф. Галактионова по рисунку художника А.П. Брюллова «Обед у Смирдина». На председательском месте во главе стола можно видеть библиотекаря и баснописца Крылова, за ним стоит смиренно склонивший голову Смирдин. Справа от Крылова Хвостов, Пушкин и князь Вяземский (в очках); налево от Крылова, с поднятым бокалом в руке, стоит Греч, далее сидят цензор Семёнов и Булгарин. Позднее Греч вспоминал об остроте Пушкина, обратившего внимание, что на обеде соседями цензора Семёнова (старого лицеиста, почти однокашника Пушника) были Булгарин и

Греч и сказавшего: «Ты, брат Семенов, сегодня словно Христос на горе Голгофе», имея в виду, что Спаситель был распят между двумя разбойниками.

В 1838 году Александр Филиппович предпринял издание произведений современных ему писателей в 10 томах «Сто русских литераторов», «чтобы публика видела черты каждого и судила о его слоге и особенностях». Но, к сожалению, вышло только три тома. Крах дорогостоящего сборника явился первым в череде неудач, которые привели к разорению и закрытию издательства – одного из лучших в России первой половины XIX века.

Более подробно о Смирдине можно прочитать статьи Ю. И. Майорова Действовал «бескорыстно и благородно» по ссылке https://ciberleninka.ru/article/n/17257662 и Ю. Закревского «По следам книгоиздателя Смирдина https://m.nkj.ru/archive/articles/348/

Еще одна жемчужина Отдела редких книг – запрещенное издание XIX века. Чудом уцелели экземпляры второго тома издания «Армянские беллетристы, драматурги и поэты», отпечатанного в 1894 году. Первый том вышел без проблем, а во втором цензоры услышали «скорбные нотки печальной участи армян в царской России». Тираж был сожжен, на территории бывшего СССР сохранилось только шесть книг, две из которых обнаружились в юдинской библиотеке.

Во второй библиотеке Юдина оказались и книги замечательного библиофила и библиографа, банковского работника, литературоведа и издателя Петра Александровича Ефремова (1830-1908). Страсть к книгам и любовь к литературе он унаследовал от своего отца Александра Степановича, профессора географии Московского университета. С юношеских Петр Александрович коллекционировал уникальные издания по истории и литературе и в результате собрал прекрасную и неповторимую библиотеку объемом в 24 тысячи томов. Считалось, что у Ефремова – лучшая библиотека второй половины XIX века. Помимо книг она содержала гравюры, портреты, эстампы и многое другое. После смерти наследники распродали библиотеку. Часть книг купила для Пушкинского Дома Академия наук, другая разошлась по частным собраниям. Часть книг, в том числе конволюты, перекупил В. И. Клочков и отправил их Юдину. Так в домашней библиотеке Юдина оказался конволют о Спинозе – трактат Бенедикта Спинозы «Усовершенствование разума» (Одесса, 1893) с дополнительными материалами.

Ефремовские конволюты были примечательной особенностью библиотеки. Книги содержали под одной обложкой не только комментируемое произведение, но и отзывы на него в печати, письма автора, дополнения и комментарии Петра Александровича. Ефремов обычно выписывал журналы в двух экземплярах, так как второй экземпляр использовал для вырезок. На переплетах книг из его библиотеки есть буквы П. Е. (Петр Ефремов), а на внутренней стороне – экслибрис.

В богатом собрании второй домашней библиотеки Юдина представлены и книги, которые Юдин издавал сам. За свою жизнь он издал более 30 книг. На его средства были изданы сборник А. Титова «Сибирь в XVII веке» (за это ему была объявлена благодарность императором Александром III), «Наказы сибирским воеводам в XVII веке», «Летопись якутского края» и др. Более 25 тысяч рублей Юдин потратил на издание справочника «Русских книг» С. А. Венгерова. В нем они хотели дать описание всех русских книг, вышедших в России с 1708 по 1893 годы.

Наталья Васильевна Елагина из Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге атрибутировала интересную рукопись из собрания Юдина – сборник алхимических трактатов. Манускрипт XVIII века на немецком языке был создан в Южной Германии в одной из мастерских по изготовлению поддельных копий с тем, чтобы выдать его за еще более древний и еще не известный алхимический трактат. Сборник содержит четыре алхимических трактата, каждому из них предпослан текст, приписываемый Тритемию из Спонгейма (1462-1516), немецкому богослову и историку, занимавшемуся вопросами магии и кабалистики.

Интересный документ в собрании Юдина – «Устав о мостах» – рукопись на пергамене, который тоже является подделкой под старинный акт. Известен знаменитый фальсификатор А. И. Бардин, искусно изготавливавший подделки. Рукопись написана Уставом, имитирующим древнее письмо. Первоначально документ имел форму свитка, в ходе реставрации 2011-2013 гг. в РНБ были проведены очистка и восстановление поврежденных фрагментов пергамена, а также заключение документа в выпрямленном виде в прозрачную капсулу (инкапсулирование). Интересно, что в верхней части оборотной стороны есть запись чернилами «Подделана подъ старинный актъ Московским купцомъ Антоном Ивановичемъ Бардинымъ въ 1818 году. Симъ свидетельствуетъ родной его сынъ Дмитрий Антоновъ Бардинъ. 1842 года. Генваря 4-го».

«Сборник исторических описаний городов» – замечательная рукописная книга первой трети XIX века. Этот конволют включает 18 нумерованных рукописных документов и 1 ненумерованный. Конволют дефектный, так как начинается с листа 119, то есть утрачена примерно третья часть листов. Разные авторы рассказывают здесь о городах: Костроме, Калуге, Кронштадте, Казани и др. Но долгое время было неизвестно, кто был составителем этого рукописного конволюта. Между листами с описанием города Рыбинска было вплетено два письма, адресованные Павлу Петровичу. Выяснилось, что составил сборник П. П. Свиньин – знаменитая фигура в русской литературе, русский писатель и издатель, неутомимый собиратель русских древностей, первый издатель «Отечественных записок».

В середине 1980-х годов в Красноярскую краевую научную библиотеку стали приходить посылки из Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, главной библиотеки страны. В них оказались книги из первой библиотеки Г. В. Юдина с его экслибрисом работы художника Боброва. Книжный знак наклеивался на книги, отправлявшиеся в библиотеку Конгресса. А еще ниже располагался экслибрис на английском языке. Всего мы получили 400 книг из первой библиотеки Юдина, отправленной им в США. Более подробно об этой невероятной истории можно узнать из статьи А. Б. Шиндиной «Возвращение домой» по ссылке https://kraslib.ru/about/photoreports/?page=3&event=349

В краевой библиотеке, где занимаются изучением жизни и деятельности Г. В. Юдина и исследованием его книжного собрания, регулярно проводятся научные конференции, посвященные памяти коллекционера-библиофила и названные в его честь Юдинскими чтениями. Трижды на конференции приезжал заведующий европейским отделом библиотеки Конгресса, и у него пытались узнать – как сохранилась библиотека Юдина, ведь из отправленных 80 тысяч вернулись обратно 400 книг? Выяснилось, что собрание было расформировано по тематическому принципу и сейчас книги с юдинским экслибрисом можно встретить в библиотечном фонде разных американских университетов. Однажды на Юдинские чтения приезжала преподаватель из Гавайского университета, с докладом о том, что у них в библиотеке имеется 20 книг из библиотеки Юдина.

Известно, что Г. В. Юдин при продаже библиотеки в Америку в договоре поставил условие, чтобы библиотека сохранялась единой, мемориальной, на все книги были наклеены экслибрисы работы В. А. Боброва. Когда он отправлял книги в Америку, вместе с ними он отправил напечатанные

экслибрисы, а также свои рукописные каталоги. Но на некоторых из вернувшихся книгах был экслибрис на английском языке со словами «Отпечатано в правительственной типографии США». Почему не хватило юдинских экслибрисов? Потому что в его собрание стали поступать посторонние книги. В одной из тех книг, которые пришли в нашу библиотеку из США, оказалось, что одна из книг была 1922 года, а на ней тоже был наклеен экслибрис библиотеки Конгресса и юдинский экслибрис. Поэтому можно сделать вывод, что этим экслибрисом снабжали и другие книги. Значит, условие договора Г. В. Юдина не было выполнено, и не оправдались его надежды на сохранение его библиотеки в полном виде в качестве мемориальной.

В марте 2019 года в библиотеку пришло по электронной почте письмо из Воронежа. Жительница этого города Елена просила объяснить, как в библиотеке оказалась книга с упоминанием ее предка. Она проводила родословные разыскания и нашла в электронном каталоге книгу Григория Александровича Воскресенского «Древний славянский перевод Апостола и его судьбы до XV века» (1879). На обложке книги есть автограф: «Августу Матвеевичу Гезену от автора». И там же запись карандашом Г. В. Юдина «28 сентября 4 октября 1895. Клочковъ». Елена оказалась прямым потомком Гезена, мы ей написали про удивительную историю книги.

Кто-то из потомков Гезена, видимо, после его смерти отнес книгу в букинистический магазин В. И. Клочкова, который купил ее и отправил в Красноярск Юдину. Одиннадцать лет она находилась в его библиотеке, а потом отправилась в Америку, а через восемьдесят лет отправилась в Государственную библиотеку им. Ленина, а потом вернулась в Красноярск. Книга дважды пересекла океан и вновь оказалась на берегах Енисея. И таких вернувшихся из Америки изданий в Отделе редких книг 400 экземпляров.

Вторая библиотека Юдина была меньше первой, но имела в своем составе много редких изданий, и с этой замечательной коллекцией можно познакомиться в Отделе редких книг краевой научной библиотеки.

Основная программа

Кроме профессиональной, на книжной ярмарке были представлены еще несколько программ: основная, театральная, выставочная, детская, а также программа «Мода».

В ходе мероприятий **основной программы** прошли самые разнообразные мероприятия: круглые столы, лекции, дискуссии, презентации проектов и новых изданий. В обсуждении основной темы ярмарки приняли участие историки, экономисты, социологи, писатели, музейщики. Расскажем о наиболее запомнившихся событиях и выступлениях.

Открывающая дискуссия «Что мы имеем в виду, когда говорим «локальная история»

В первый день ярмарки большую аудиторию собрала открывающая дискуссия **«Что мы имеем в виду, когда говорим «локальная история»**

Для современного подхода к локальной истории характерно стремление изучать историю определенного места в общем контексте российской истории. Точки напряжения локальной истории – человек, общество и государство. Участниками открывающей дискуссии были Юрий Слезкин, профессор Калифорнийского университета в Беркли, приглашенный профессор Оксфорда, автор книг «Эры Меркурия» и «Дома правительства»; Сергей Каменский, директор музея истории Екатеринбурга; Екатерина Болтунова, профессор Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ), руководитель Международной лаборатории региональной истории России НИУ ВШЭ; Мария Шубина, журналист, продюсер, руководитель Музейной программы «Гений места. Новое краеведение» Российского фонда культуры. Модератором выступил Борис Куприянов, соучредитель книжного магазина «Фаланстер», директор сайта о книгах и чтении Gorky.media.

Ю. Слезкин отметил, что большинство историков смотрит на прошлое через призму государства. Отчасти потому, что история опирается на письменные и устные источники, существующие на определенных языках. Историков готовят таким образом, что изучение языка (если это не твоя история) – огромное вложение, очень важная часть подготовки специализации.

Книга «Дом на набережной» – локальная история в том смысле, что она о некотором месте, и о том, как это место (дом), связано со страной. В этом смысле практически вся история локальна.

Е. Болтунова высказала мнение, что едва ли получится сформулировать точное определение локальной истории, скорее, можно зафиксировать вопросы. Один из них – игра масштабами: где граница одного, а где другого? Действительно, есть вопрос относительно того – что такое локальная история, что такое региональная история, краеведение? Она напомнила о статье М. Ф. Румянцевой и С. И. Маловичко, в которой они разграничивают понятия краеведения и локальной истории. Авторы считают, что краеведение – это поиск знаний, когда люди с определенной социальной позицией думают, ищут и собирают факты про регион. Им важно показать, что они имеют право на существование, что эта территория проживания уникальна. Но они не интерпретируют факты, а только собирают материалы, которые служат базой для локальной истории.

По поводу того, насколько локальная история не микроистория и насколько региональная история – не локальная история, Е. Болтунова сказала, что это игра масштабами, когда можно принять разные варианты. Главное заключается в том, что на этом альтернативном уровне и масштабе видно что-то иное по отношению к существующей основной парадигме и трактовке истории. На этом уровне, будь он локальный или региональный, или микроуровень проверяются некоторые вещи, которые подтверждаются или не подтверждаются. Это иной способ прочтения, это способ поставить вопросы, которых еще нет, исходя из основного государственного нарратива, представленного в школьном учебнике.

М. Шубина считает, что игра масштабами – это оппозиция к большой государственной истории. Частная история, которая развивается в региональных музеях, когда дегуманизация показана через конкретную биографию, вызывает эмоцию. История познается через эмоцию, переживания от конкретных биографий людей. Посмотреть через личное на большую историю – это сразу делает масштаб другим. Особенно в России важно определять локальное как оппозицию к государственническому масштабу.

С. Каменский отметил, что «объектом его изучения является история Екатеринбурга. В скором времени кроме Музея истории Екатеринбурга будет открыт Музей историй Екатеринбурга. Галочка над и (и-кратное) сильно

меняет масштаб. Музей истории Екатеринбурга – это экспозиция, рассказывающая о городе глобально, как о шести разных городах, которые мы прожили, и в настоящий момент живем в Екатеринбурге-6. В этом плане мы сравниваем себя и с другими территориями России. Предмет важен с точки зрения определения зрителя. Мы работаем для горожанина, для него разный масштаб – разные дивиденты. Масштаб делает его образованным человеком, понимающим контекст.

Музей историй Екатеринбурга дает другие дивиденты. Мы активно занимаемся историей промышленных районов города, где, казалось бы, нет истории: нет экскурсий и достопримечательностей – в массовом сознании. Но этот масштаб можно сильно зауживать. Есть история подъезда, история семьи. Например, мы занимались историей района, в котором я лично живу».

Приняв участие в исследовательском процессе, С. Каменский взял интервью у 86-летнего соседа и с удивлением узнал, что его сосед – генерал-майор, после выхода на пенсию написавший более 10 книг по садоводству. И теперь в локальной истории его подъезда есть генерал-садовник. Это другие дивиденты локальной истории.

Если глобальная история делает человека образованным, то локальная история делает его неравнодушным, активным. Как выразился Каменский, «все, что видим вокруг себя – живая история, которая делает человека активным. Потому что когда мы разбираем все через частную историю, все, что мы видим вокруг себя в городе, является предметом конкретных усилий: кто-то посадил эти деревья, спроектировал бульвар. Это были конкретные люди, которым не хватало времени, у которых что-то получалось, а что-то нет. И это как-то примиряет тебя с городом и с собой, дает тебе право на историю в двух смыслах слова: глобальную историю ты видишь в другом измерении (это как с президентом пообщаться). Опыт нетипичный, не дающий чего-то в обычной жизни. А когда речь идет о близкой истории – то это про тебя, это право на историю твоего двора, твоей семьи.

Право на историю очень важно и в другом смысле. Если кто-то все это переделал вокруг нас, и ты видишь все это конкретно, то понимаешь: «Я тоже так могу». То есть мы сами – исторические персонажи в этом масштабе. Дивиденты разные, масштабы разные, и надо «играть» в оба эти измерения.

Б. Куприянов заметил, что то, что отличает личные истории, микроистории, связано не только с масштабами, но и с попыткой человека

забрать историю себе. «Мы стали жить в истории героев, где история пишется как летопись героических событий. И осознание того, что можно самому стать частью истории, и иметь право на эту историю – это послужило толчком для возникновения некоторой моды на локальную историю в России, на персональный гуманистический подход к изучению истории».

М. Шубина согласилась с тем, что трудно найти границу между краеведением и локальной историей и то, что человек вырастает в масштабе по сравнению с большой историей – это особенно важно сейчас в России. Она привела пример историй из проекта «Старухи о любви», который можно увидеть в маленьком музее в деревне Учма Ярославской области. Деревенские старухи впервые в жизни говорят о любви, и это вызывает невероятный интерес, потому что открывается то, о чем важно говорить – переселение из Рыбинска, строительство каналов, огромные исторические пласты – открываются нам через эмоцию, через разговор о любви. Елена Наумова сделала несколько экспозиций, связанных с судьбой русской деревни и все они вызывают невероятный интерес.

Ю.Слезкин отметил, что дегуманизация и снижение национального пафоса – не обязательно одно и то же. Он видит свою задачу в некоей деидеологизации и в отсутствии морализма. Ему было важно понять что-то об этих людях из своей книги «Дом правительства», и по мере возможности показать читателю – как они жили и умирали. В локальной истории очень важно и интересно то, кто какую историю пишет. Многим людям важно – «это мой подъезд, моя семья, мой город, моя страна. Большая часть краеведения производится на свет жителями данного региона, города, подъезда – это в первую очередь о себе и для себя. В этом сила, но и некоторая ограниченность. Локальная история – это о том, что изучается и кто изучает. Сочетание одного с другим – тоже интересный вопрос в данном контексте».

С. Каменский заявил, что история нуждается в переосмыслении на уровне обывателя через микроисторию. «Это очень реальная история в плане механики. Мы разбирали большие районы, соцгорода, предприятия. А потом начинаешь копаться уже как историк с архивными данными, все вообще оказывается не так. Потому что на уровне принятия решения, когда строили завод, район, было много разных вариантов, планов, где-то не хватало денег, кто-то уставал, не мог с кем-то договориться».

Б. Куприянов говорил о локальной история как об истории ответственности. Это не только история места, региона, но и еще история людей, которые берут на себя ответственность.

М. Шубина считает, что «каждая история должна нести свою ответственность. Чем больше будет взглядов на историю с разных сторон, тем она будет человечнее. Забытая локальная история про Селиксу, где были лагеря для подготовки солдат к фронту, поможет разобраться с глобальной историей».

Ю. Слезкин заметил, что ответственность предполагает покаяние: «Даже если речь идет о далеком, нам важно это знать, чтобы лучше себя понимать. Это как будто кто-то околичным способом рассказывает о тебе. Важно – какой взят регистр, какой жанр при этом используется. Музеи, пантеоны и герои – это все о гражданской ответственности, но она по-разному понимается».

Б. Куприянов подытожил, что в результате разговора они вряд ли приблизились к точному определению «локальной истории». Но зато определили – какие интересы входят в это понятие, почему локальная история так важна в России и интересна многим людям.

«Где происходит локальная история? Как живут регионы?»

В следующей дискуссии **«Где происходит локальная история? Как живут регионы?»** приняли участие: Е. Болтунова, руководитель Международной лаборатории региональной истории Росии НИУ ВШЭ; Г.Юдин, профессор МВШСЭН (Шанинка), научный руководитель программы «Политическая философия»; Даце Дзеновска, профессор факультета антропологии Оксфорда. Модератором снова выступил Б. Куприянов, соучредитель книжного магазина «Фаланстер», директор сайта о книгах и чтении Gorky.

Когда говорят о предмете изучения локальной истории, важно подчеркнуть, что речь идет не об административном региональном делении, но о социокультурных единицах деления. Независимо от способа территориального деления, участники разговора сфокусировались на том, как устроена сегодня жизнь провинций

Г. Юдин рассказал, что при работе над исследовательским проектом о российских малых городах он пытался понять – как был сформирован как туристический объект город Мышкин. Сейчас он является одним из ориентиров для российских городов, желающих развивать у себя туризм. Многие малые города находятся в тяжелом положении, испытывают экономические трудности. Бывая в них, он часто слышал от местных чиновников одно и то же: «производства больше нет, ничего не получается, но зато земля замечательная, сюда валом повалят туристы, это должна быть Мекка для туризма». Люди уверены, что у них замечательная природа и достопримечательности, а значит, обязательно будет процветать туризм.

Мышкин научился работать со своей локальной историей, которая была сконструирована демонстративным образом. В начале 90-х годов прошлого века возникла идея – заменить реальную, но ничем особенным не выделяющуюся историю города на выдуманную. Здесь было принято решение выдумать историю с нуля и для этого воспользоваться названием города. Сейчас Мышкин – музеефицированный город и точка развлечений. Он находится на Волге, время от времени сюда пристают корабли, из которых выходят туристы и ходят по «городу мышей». Здесь два музея мыши, мыши повсюду, идет торговля поделками, и весь нарратив складывается вокруг мыши. Например, рассказывают легенду о том, какую роль сыграла мышь в спасении одного из русских князей от ядовитой змеи, пробежав по его лицу, когда он спал. Возникло множество музеев: музей соли, музей топора и т.д., и все это притягивает большое количество туристов. Это отличный пример того, как локальная история начинает возникать снизу. Но всего этого не было бы без местных краеведов. Всегда за локальной историей стоят подвижники-краеведы, которые стараются сохранить или создавать какую-то традицию. Именно краеведам город обязан сохранением своей самобытности.

Е. Болтунова высказала мнение, что Мышкин, помимо выдуманной истории, использовал и свое выгодное месторасположение – он стоит по дороге в Углич и поэтому там останавливаются автобусы. Для локального оживления многое дают интеллектуальные центры, которые хотят рассказать о себе. Например, когда Е. Болтунова с коллегами задумала сделать конференцию «Регионы Российской империи: идентичность, репрезентация, (на)значение (21-24 октября 2019), первоначально они планировали ее на 20-25 участников. Но когда послали призыв коллегам, получили 180 заявок из разных регионов. Они были вынуждены перекроить программу, найти новый бюджет и

т.д. Действительно, среди локальных академических комьюнити существует большой интерес к новым идеям в формировании локальной идентичности.

Д. Дзеновска рассказала о своем исследовании латвийского городка на границе Латвии и России. Она заметила, что туризм и его роль – признак того, что мы видим новое разделение пространства. Сначала идут глобальные города как командные центры, потом сжимающиеся города, потом деревни и то, что называется «захват земли», когда большие корпорации или даже государство покупают земли для сельскохозяйственной продукции, но потом не продают продукты, а экспортируют их.

Новое разделение ограничивает возможности на местном уровне, люди там не занимаются сельским хозяйством, единственный вид деятельности, который они могут представить – это туризм. Провинциальный город Мазциемс раньше был транспортным узлом Российской имерии и Советского Союза, первой железнодорожной станцией на Варшавско-Петербургской дороге. Здесь оставались здание станции и домики, и местные жители хотели бы сделать железнодорожный музей. Когда эти домики дешево продавались на аукционе дешево, кто-то их купил. Местные жители обрадовались, они надеялись, что новые владельцы будут развивать здесь туризм, но красивые домики разобрали на части. Местные жители испытали огромное разочарование.

Даце подвела итог, что «есть история местная, но не для местных жителей. Грустно смотреть, как люди надеются на туризм в местности, который не по пути каких-то глобальных туристических маршрутов».

Б.Куприянов выразил мнение, что невозможно рассчитывать на то, что большинство малых городов России смогут стать туристическими центрами. Но «как можно эксплуатировать свою локальную историю, как можно «вшивать» эту локальную историю в современную жизнь региона и города»? Он попросил спикеров привести пример удачных кейсов, которые наблюдаются в мире.

Г. Юдин ответил, что современная социология видит оппозицию между крепкой, локально укорененной общностью и современным рыночным коммерческим обществом, где каждый сам по себе. В рамках международного проекта вышла монография, посвященная малым городам в XX веке. В ней был описан опыт Мышкина, а также приведены примеры из разных стран (Чехии,

Германии и т.д.). Выяснилось, что везде одна и та же проблема: для того, чтобы закрепить локальность, нужно создать местное сообщество!

В Мышкине история была сконструирована с нуля, «на продажу» и этого никто не скрывает. Но за историей стоят местные краеведы, которые десятки лет скрепляли местное сообщество. И поэтому им удалось эту историю придумать и продать. А те, кто просто хочет что-то продавать, обычно проваливаются.

Мышкин – город небольшой, все музеи «можно пройти за три часа, поставить галочку и уехать. Но самое удивительное то, что повторный туризм там еще больше: некоторые приезжают сюда 4–5-й раз по профсоюзной путевке. Это уже не просто «место, чтобы посмотреть», это место для проведения времени, где человека выдергивают из повседневности, погружают в сказку. В Мышкине чуть меньше пяти тысяч населения, а по неофициальным подсчетам у них бывает 170 тысяч туристов, это колоссальная цифра».

Б. Куприянов предложил поговорить о том, где возникает локальность? Ведь все границы и города часто носят эфемерный характер. Границы региональные не связаны с историей города. Е. Болтунова считает, что имеет значение говорить про какие-то естественные историко-культурные позиции.

Д. Дзеновска определила локальность на почве отношений, существующих между центром локальности и границей. Она считает, что есть социальные или материальные отношения, которые определяют границы локальности. Есть культурно-ментальные традиции, диалект. Если люди говорят по-другому, их приписывают к другой локальности. Есть некоторые сообщества, где люди разделяют себя на местных и приезжих, тех, кто не родился здесь.

По мнению Г. Юдина, минимальная единица – это одно локальное сообщество, где оно может чувствовать себя скрепленным связями.

Б. Куприянов констатировал, что «пока нет определения локальной единицы, атомарной локальности. Мы не сильно приблизились к четкому пониманию, но движемся в эту сторону».

Марафон «НЕМОСКВА»

Во второй день работы ярмарки был предпринят интенсивный четырехчасовой «мозгоштурм» – марафон под общим названием «**НЕМОСКВА**» под кураторством директора по региональному развитию ГЦСИ-РОСИЗО Алисы Прудниковой.

«НЕМОСКВА» – это платформа по развитию современной культуры в регионах, которая помогает осмыслить локальную идентичность территории в глобальном контексте. Проект нацелен на продвижение региональных художников и кураторов, исследование современной ситуации на местах через профессиональный диалог, создание возможностей для международного сотрудничества.

Часть 1. Локальность: уникальное или универсальное

В первой части марафона – «**Локальность: уникальное или универсальное?» –** эксперты рассказали о своем опыте проектной работы по актуализации локальных явлений, об интеграции социокультурных проектов в развитие экономического и творческого потенциала города или региона.

Участниками дискуссии были: Надежда Пантюлина, автор и куратор путешествующих выставок «Засушенному – верить», «17 черепов и зуб, или Измерение человека во времени» и экспозиции «Как пройти в люди» (Государственный биологический музей имени К. А. Тимирязева, Москва); Оксана Турская, заместитель директора по развитию платформы izi.TRAVEL; Михаил Гнедовский, кандидат исторических наук, ведущий аналитик ГАУК «МОСГОРТУР», автор курса «Культурная политика» в Московской высшей школе социальных и экономических наук, член Постоянного комитета по этике ИКОМ, член жюри конкурса «Лучший европейский музей года»; Томислав Шола, ученый, специалист в области музеологии, профессор кафедры музеологии и управления наследием Загребского университета. Модератором выступил Сергей Каменский, директор музея истории Екатеринбурга.

Надежда Пантюлина рассказала о своем проекте – выставке «**Засушенному – верить**» (https://zasushennye.ru). На основе гербария, научных описаний, фотографий и документов здесь представлено свидетельство насильственного и массового перемещения людей во времена ГУЛАГа. Заключенные случайно уносили с собой из родных мест обитания на подошвах, в карманах и котомках семена местных растений, а они прорастали в новых, не

характерных для них местах расположения лагерей. Трагическая история лагерей сохранилась не только в архивах. Хрупкие травинки рассказывают о том, что когда-то происходило на том или ином участке земли. Они заставляют нас задуматься и поразмышлять о человеческой жизни и памяти.

Сотрудники музейно-выставочного комплекса «Музей Норильска» поддержали проект Н. Пантюлиной. Через собранные ими образцы флоры территории отделения Норильлага стала понятна география невольных переселенцев. Гербарий из растений, собранный научными сотрудниками Музея Норильска на склоне горы Шмидта рассказывает трагическую историю женского лагерного пункта «Нагорного» (отделения Норильлага). С центральной площади города видно зеленое пятно на горе, повторяющее периметр лагеря. Летом здесь можно видеть густые заросли хвоща, иван-чая, ромашки. Живой ковер из трав удивительно точно повторяет границы лагерных бараков. Норильск «славится» жутким холодом и сильным ветром, а лагерный забор защищал от ветра, и поэтому там проросли и сохранились, несмотря на прошедшее время и суровый климат, растения-свидетельства. Лагеря давно нет, а зеленое пятно на склоне горы напоминает о тех страшных и трагических событиях норильской истории 1930-50-х годов.

Символические и трогательные истории связаны с желтыми маками и незабудками. Незабудка – удивительный цветок, символ памяти о каком-то близком человеке. Про желтые маки написал изумительный рассказ венгр Йожеф Лендел, отсидевший срок в этом норильском лагере. Он был напечатан в советское время еще до «Одного дня Ивана Денисовича» А. Солженицына. Красные маки давно связаны с памятью об убитых людях, а желтые маки стали символом сокрытия советской системой убийств заключенных.

Н. Пантюлина отметила, что «иногда можно слышать расхожую фразу «Былым поросло» и «Быльем поросло». Она означает, что природа уничтожает все следы, точно так же, как и мы отодвигаем из памяти все трудное. Но выясняется, что былинки и травинки – метафорическое свидетельство времени, а гербарный лист оказывается конкретным документом, подтверждающим событие. Проект «Засушенному – верить» – это способ через метафоры, символы и поэтические приемы войти в сложную тему репрессий, чтобы понять её и поставить на соответствующее место в нашей памяти».

Выставка сделана как путешествующая. В каждом новом городе она будет начинаться с листов гербария этого города и с историй этого города, которые

не обязательно будут связаны с чем-то трагическим, а иногда просто с отдельной человеческой жизнью. Можно сказать, что здесь найден универсальный ход, рамка разговора о сложной теме. Выставка не обязательно должна быть связана с Соловками, здесь мог быть Магадан или Томск. Просто Соловецкий лагерь особого назначения – самый известный, могучий символ начала этого времени, государственного террора. Такой ход может быть моделью, которой можно воспользоваться, его можно транслировать.

Далее модератор предоставил слово О. Турской и предложил представить следующую ситуацию. Поскольку она для аудиогидов собирает устные живые истории, нет ли здесь определенной проблемы их повторяемости? Можно взять любой из наших городов, где во время прогулки прозвучат воспоминания о кафе-мороженом, парках и садах советского времени. Насколько эти истории универсальны? Можно представить путешественника, который прослушает десять таких историй, и насколько же разными будут у него впечатления?

О. Турская согласилась, что, с одной стороны, локальная история про мороженое или квас повторяется в каждом городе. Но с другой стороны, слушатель аудиогида находится именно в том месте, где стояла будочка с квасом. Он слушает историю в окружении зданий, проходящих мимо людей и проезжающих машин. И в каждом городе, несмотря на похожесть истории, будет разное окружение. Технология платформы izi.TRAVEL позволяет стать мостиком между рассказчиком и слушателем. Она дает возможность в конкретном месте послушать уникальную историю, которая происходила с конкретным человеком именно в этом месте, поэтому каждая история уникальна.

Есть отличные примеры собранных локальных историй в Смоленске, Великом Новгороде, Иваново, Рязани, когда записывались истории местных жителей и люди рассказывали просто о своей школе или почтамте, где получили неожиданную посылку и т.д. Конечно, интересно знать, когда стоишь перед зданием – кто архитектор, какой это стиль, но услышав личную историю, можно по-другому прочувствовать место, открыть его особенную грань.

С. Каменский напомнил, что Музей истории Екатеринбурга делал историю про машиностроительный завод Уралмаш – путеводитель «Уралмаш: улицы, истории, лица»: рассказ про площадь Первой пятилетки, шесть маршрутов по центральным улицам соцгорода и т.д. Отличительной

особенностью этого издания стало внушительное собрание частных историй и интервью жителей района. Сергей предположил, что можно поменять местами города, и от этого не очень многое изменится. Везде будет завод, инженер, клуб и т.д. Насколько эта история вообще уникальна? Ведь уникальность – это то, что выпадает из ряда. Значит, в этом смысле она не уникальна, а является фреймом, типовой повторяющейся единицей. Что же делает историю по-настоящему уникальной? приземляет ее к какому-то месту? Ведь все универсальные истории расскажут скорее про время, чем про место.

О. Турская заметила, что здесь существует различие в задачах. У музея стоит задача – как-то обобщить, то есть представить типовые, характерные для этого места вещи. В этом случае действительно важно иметь какие-то критерии отбора историй, выбирать из них те, которые действительно характеризуют это место. А платформа izi.TRAVEL дает возможность высказаться всем, и отбор здесь осуществляется только в плане «нравится» или «не нравится». Но возможность изучить историю даётся всем: «В сервисе izi.TRAVEL все устроено так, что истории «ловят нас», когда мы идем по конкретному городу. А когда мы идем по городу, мы еще видим окружение: где это находится, что за здание, что за люди и вот это очень сильно делает эту историю уникальной для этого места».

С. Каменский напомнил о своем проекте «Искусство путешествий» (http://museum-of-travel.ru/) в Екатеринбурге, когда была создана некая рамка: «Множество историй разделялось на пять этапов, которые проходит каждый человек как путешественник в жизни. И потом мы уже как помещали каждую историю в коробочку экспозиционного пространства, так и собирали потом под эту рамку». Интересна логика построения музейного пространства, та универсальная структура, которую можно предложить разным музеям. Условно говоря, можно представить проект «Старухи о любви» в 52 регионах как некий фрейм. Или проект Н. Пантюлиной, как музейная франшиза, может стать успешным способом препарирования материала разных времен и тем. С одной стороны, каждая такая найденная универсальная рамка действительно позволяет проявлять местную уникальность, но с другой стороны, не убивает ли она что-то вообще, насколько такие франшизы могут стать успешными или не успешными?

М. Гнедовский высказал свое мнение, что «в музеях существует ограниченное число типов-нарративов и какие-то нарративы сегодня преобладают. Экспозиция создается с помощью определенной методологии,

которая дает результаты, если она ясно описана. Нарративы путешествуют из музея в музей, и внутри профессионального сообщества происходит обмен методологией. Какие-то методы устаревают, какие-то методы надоедают, какие-то методы выходят из употребления по разным причинам, а на их месте появляются и создаются новые. Кажется, что эти новые яркие нарративы возникают по месту, а на самом деле после знакомства с проектом Н. Пантюлиной возникает вопрос: проект возник, потому что был Соловецкий лагерь или потому, что она в наше время сделала то, чего до нее не сделал никто другой? Во-первых, у нее есть очень ясное научное содержание и это не только ботаника и геоботаника, а еще ряд вещей. Например, проанализирована немецкая аэрофотосъемка 1943 года этой местности и на основании этого анализа сделаны научные выводы о вырубках».

С другой стороны, там есть потрясающие находки и этот метафорический, символический слой, вот это выражение – «Быльем поросло». Это означает, что прошло достаточно много времени, чтобы мы могли уже достаточно спокойно и взвешенно говорить об этих вещах. Но кто сможет воспроизводить эту методологию, повторить это в ближайший год или два в какой-нибудь области? В музее ГУЛАГа или в некоторых краеведческих музеях, где есть экспозиции про репрессии, могли бы задуматься над повторением этой методологии. На самом деле сложились некоторые стереотипы и музей, создающий экспозицию про ГУЛАГ, прежде всего запасается несколькими мотками колючей проволоки. Но ведь в проекте Надежды нет колючей проволоки вообще…»

С. Каменский согласился с тем, что «появился новый способ разговаривать на эту тему, изобретена некая рамка. Но что лучше – чтобы каждый малый музей что-то изобретал, или лучше масштабировать уже найденное и успешное?»

С точки зрения М.Гнедовского, «это зависит от таланта тех, кто вдохновится этим примером, потому что вдохновиться примером можно путем деталей, а можно, вдохновившись, получить что-то совершенно другое».

С. Каменский вспомнил, что его музейная биография началась с того, что он посмотрел Музей разорванных отношений в Загребе (Хорватия). И этот способ проговаривать тему любви через тему того, как она заканчивается, достаточно сильно его впечатлил и вдохновил. Музей разорванных отношений заставил задуматься над многими вопросами, можно сказать, что он поменял

отношение к семейной жизни. Модератор обратился с вопросом к Томиславу Шоле, чтобы узнать его мнение – должна ли дублироваться удачно найденная рамка, например, такой подход, как в Музее разорванных отношений?

Томислав Шола сначала поприветствовал всех «из юга Славянского мира» и потом ответил на вопрос. Он сказал, что не верит в мультиплицирование моделей, но верит в мультиплицирование технологий, управленческих приемов. «Мир поменялся в том, что изначально, традиционно музеи базировались на науке. Если вы будете рассматривать традиционный музей, то вы тут же почувствуете научные приемы, методы, научные подходы. Музеи изначально были музеями о покорении других народов и стран. Сегодня музеи отражают жизнь в её бесконечном разнообразии и поэтому модели невозможны. Музей разорванных отношений – это не в чистом виде музей, это скорее художественное высказывание, хотя это очень интересный и хороший проект».

Томислав обратил внимание на факт, который имеет отношение к любым локальным музеям, какими бы маленькими или большими они не были. «Если вы не будете придерживаться строгой научной рамки, строгой научной корректности, которая присутствует в любом музее, хотя это и довольно скучный научный мир, который постигает все красоты и прелести очень богатого мира с помощью технологий, инструментов и приборов. Тогда вы можете впасть в другую крайность – это самолюбование и самопрославление («какие мы великие, какие мы старые, какие мы древние, какие замечательные, как мы все правы» и т.д.).

Вся история будущего, если оно состоится, будет как греческая драма, и нам надо достичь какого-то катарсиса, а катарсис – это та правда, которая существует, правда о нас самих. Любой великий философ, который писал книжки, с первой же страницы начинает с одной вещи – познай самого себя, свою идентичность, кто ты есть на самом деле. Эта простая вещь мне кажется самой важной и самой полезной для любого современного или будущего музея. Много ли музеев говорят о том, что наследие – это общая ценность, что мы разделяем общее наследие? Культура – это очень сложное явление, принадлежащее разным людям. Наследие является мостиком между всеми нами, и оно призвано не строить стены, не рыть окопы и рвы, а соединять людей».

Еще об одном явлении сказал Т. Шола – об экомузеях, не имеющих отношения к экологии. «Это те музеи, которые честно и напрямую говорят с местными людьми об их собственной местной истории вместе с ними и для них. В этих экомузеях посетители участвуют в жизни музея». Томислав убежден, что помещение музеев в коммерческую сферу является ложным и непродуктивным: «Музеи по определению – это не коммерческая сфера, хотя они могут зарабатывать, если они станут коммерческими. Такими примерами являются многие блокбастерные выставки, на которые нужно ходить, потому что ты должен сходить. Обычно их коммерческий успех довольно высок, но толку от них мало».

В завершение дискуссии Н. Пантюлина сказала, что универсальное в выставке «Засушенному – верить» заключается в том, что «она не рассказывает в музее о том, как устроена жизнь, не предлагает сделать вывод: кто прав, а кто виноват, где жертвы и где палачи. Там нет ни одной мысли о споре, там есть невероятно тонкое сплетение ощущений, и уважение к чувствам людей. С помощью чувств человек может понять себя и другого, уважать себя и других. Это универсальное частично сплетается с тем, что сказал Томислав».

М. Гнедовский подчеркнул, что в музейном мире происходит соревнование, каждый музей выбирает какой-то нарратив. «Различные нарративы по-разному резонируют в обществе. И побеждают те из них, которые окажутся релевантными современному состоянию общества, отвечают на актуальные вопросы.

Раньше музеи формировали национальную идентичность, консолидировали нацию. Сейчас они перестали быть связующим средством, потеряли монополию на воспроизводство национальной идентичности из-за появления телевидения, интернета, прочих средств коммуникации. Сейчас в документах говорят не о национальных ценностях, которые якобы нас соединяют, а о групповых ценностях и ценностях сообществ и даже, как сформулировано в международных документах ЮНЕСКО, индивидуальных ценностях. И это смещение от национального, всеобщего и мирового наследия – к наследию отдельных сообществ и групп, это сейчас главный тренд».

Завершая дискуссию, С. Каменский сделал вывод: «Мы говорили об отношении к наследию и о том, как оно может транслироваться. Это не описательная модель, но была сделана попытка поговорить о том, что есть универсальное и уникальное. Главное, чтобы у нас было много нарративов».

Часть 2. Локальность и искусство

Марафон продолжился обсуждением темы **«Локальность и искусство»**. В культурной политике происходит процесс децентрализации, обретающий проектные формы. Тренд «на регионы» очевиден во многих сферах. Федеральные музеи один за другим открывают филиалы, а институции современного искусства в регионах объединяются вокруг интересных тем или проблем. Локальные культурные идентичности становятся поводом для глобального диалога, а территория современного искусства становится платформой для продвижения регионального опыта.

В обсуждении темы участвовали: Екатерина Кирсанова, историк искусства, градозащитник, директор музея «Профессорская квартира»; Юлия Вронская, заведующая отделом международных проектов музея-усадьбы Л. Н. Толстого «Ясная Поляна», куратор театрального фестиваля «Толстой», координатор литературной премии «Ясная Поляна», автор идеи и куратор проекта Tolstoy & Twain Teens; Сергей Каменский, директор музея истории Екатеринбурга; Павел Отдельнов, художник, номинант премии Кандинского (2015, 2017, 2019); Сергей Ковалевский, куратор, дизайнер, арт-директор музейного центра «Площадь Мира»; Анна Банасюкевич, театральный критик, заведующая литературной частью театра «Практика». Модератором выступила Алиса Прудникова.

С. Каменский начал с рассуждения о том, как спроектировать и сделать эффективным Музей частных историй Екатеринбурга, чтобы «маленькие частные истории на самом деле сделать видимыми. Есть понимание про экскурсионный формат, про аудиогиды izi.TRAVEL, но нет ощущения публичного дискурса. Мы пытаемся текстами, интервью и на стыке двух миров искать что-то новое, в этом контенте важна взаимосвязь с искусством. Как историки, мы просто что-то демонстрируем, ставим экспозиции про большие истории, а художник может найти интересную форму для выражения истории. Иногда мы транслируем, но не осмысляем, а художник может сделать мир. Мы сделали два арт-маршрута по Екатеринбургу, разыскиваем устные истории. Но сегодня надо больше думать о связи с искусством, придумывать заметные метафоры. Искусство актуально во все времена, и оно может вывести на новый уровень проговаривания проблемы».

А. Прудникова предложила обратить внимание на пример Павла Отдельного, который действительно сделал проблему видимой. Он создал

проект, посвященный своему родному городу Дзержинску в Нижегородской области. «Промзона» – тотальная художественная история, которая неожиданно стала частью официального ресурса властей. Проект художника подви́г нижегородского губернатора к решению экологической проблемы города и проведению экологической биеннале современного искусства.

Павел Отдельнов рассказал свою историю. Он родился и прожил до 20 лет в городе Дзержинске – столице советской химической промышленности. Из трудовой династии химиков он стал первым, кто покинул город и увидел его со стороны. Приезжая домой, Павел часто слушал эмоциональные воспоминания родителей о заводском прошлом. Но когда вместе с отцом он пришел на завод, чтобы увидеть цех, оказалось, что его снесли (как и половину завода). Павел понял, что прошлое быстро исчезает, что пройдет еще несколько лет и ничего нельзя будет узнать и расспросить старших. Тогда появилась его «точка входа в историю». Он стал чаще приезжать, ходить по заводам, расспрашивать людей, заниматься в архивах. События большой истории увидел из истории своей семьи, и все это стало приобретать для него глобальный характер. На основе собранного материала Павел сделал фильм, в котором панорамные снимки, сделанные с помощью квадрокоптера, сопровождаются рассказами родственников. Значительное внимание он уделил теме экологии – тому, что осталось после исчезновения завода (шлаконакопителям, объектам экологического ущерба и др.).

После показа проекта в Московском музее современного искусства он получил много откликов, но самый необычный был от губергатора. Губернатор сам позвонил ему и сказал, что сейчас займется ликвидацией накопленных объектов экологического ущерба, а в будущем предлагает устроить экологическую биеннале.

Для Павла было удивительным ощущение того, «как можно из ничего, из камней под ногами сделать большую историю, которая будет интересной не только мне, но и всем». О его проекте писали многие мировые издания, она получила широкий общественный резонанс.

По мнению С.Ковалевского, это – лучший художественный проект последнего времени. Он отметил, что художник рассказал такую прекрасную и удивительную историю, что посетителей выставки охватывало состояние аффекта. А историческая, локальная составляющая были на третьем плане. Всегда искусство разрывалось между эстетикой и этикой, и как считает С.

Ковалевский, «эстетика для художника важнее. И если он честен в служении языку искусства, то он прорывается как через дыру в космосе и хаосе – к красоте».

С. Ковалевский высказал интересное рассуждение. «Музейный центр «Площадь Мира» географически располагается на Площади Мира, 1. Адрес и миссия музея – открывать современное искусство со всего мира в центре Сибири – имеют одно и то же название. Эти два понятия – мир и площадь – можно воспринимать как прекрасную метафору, где соединяются городское и не городское понятия.

Он сделал предложение, что каждому городу нужен такой экстерриториальный анклав внутри города. Площадь мира может быть нарицательным понятием для всех институций, которые стараются мыслить глобально, а действовать локально. Ковалевский высказал следующий тезис: «у искусства главная миссия в локусе – разорвать локальность, вывернуть ее наизнанку, но при этом не отказываться от нее. Художник, как чувственное существо, воспринимает реальность и мир на кончиках пальцев. И, конечно, он зависит от контекста языка и номинального пространства. Есть понятие места (и это символ локуса, локальности), а химический завод в проекте П. Отдельнова – пример дичайшего анти-места, жить там невозможно. С высоты полета квадрокоптера прекрасно видны химические озера с истоками, и у тебя возникает ощущение, как у губернатора, что все это надо срочно зарыть. Но получилось искусство такой феноменальной красоты, в сочетании с меланхолией, которое не хочется зарывать. Мы научились смотреть на мир по-разному, не с точки зрения уютного человечества, а с парадоксального взгляда современного художника. В сегодняшнем мире все подвижно, все перетекает и современное искусство помогает нам настраиваться на восприятие мира».

Юлия Вронская рассказала об опыт проведения международных театральных фестивалей под открытым небом «Толстой» (https://tolstoyfestival.ru). Одной из задач фестиваля является стремление показать, что кроме центральной части усадьбы существуют прекрасные территории вокруг. Театральные режиссеры сделали несколько прогулок с элементами театра во все уголки усадьбы. Одна из таких прогулок – аудиоспектакль-путешествие режссера Евгения Маленчева, который основан на дневниках, письмах, воспоминаниях Льва Толстого и его жены Софьи Андреевны. В тексте использовались и фрагменты романа «Война и мир». Это было сделано для того, чтобы «приблизить Толстого, дать посетителю

возможность остаться наедине с текстами, по-новому увидеть усадьбу и что-то понять о себе и жизни вокруг. Возможно, человеку не хватает именно индивидуального эмоционального опыта восприятия такого места, поэтому его «закрыли» наушниками, чтобы он один погулял и посмотрел».

Четыре года назад фестиваль начинался с гастролей московских, региональных, зарубежных театров. Потом этого стало мало, и решили в самой Ясной Поляне «выращивать» новые театральные и литературные вещи. Оказалось, что это был правильный путь, и теперь каждый год здесь делают 1–2 спецпроекта с помощью режиссеров, и это уже остается навсегда в усадьбе.

Е. Кирсанова затронула проблему идентичности. Слушая интересные выступления предыдущих спикеров, она параллельно думала о двух сибирских городах. У родного города Кемерово остро стоит проблема идентичности. «Раньше была большая эпоха, люди испытывали гордость осознания, что они – рабочий класс и создают мощную промышленность. Теперь город болезненно ищет – о чем он, кто его жители? И ощущение от художника пока не появляется». А с другой стороны, есть удивительный сибирский город Новосибирск, в котором есть не менее удивительное пространство – Академгородок, где попытались разорвать локальность. В 2017 году молодые художники провели в Академгородке первый фестиваль научного стрит-арта «Графит науки», посвященный последним научным открытиям.

Часть сообщества Академгородка восприняла созданные граффити в штыки, как нечто не нужное и негативное. К завершению фестиваля было нарисовано несколько красивых научных муралов, рассказывающих о научных достижениях Академгородка. Их приехали посмотреть «дамы в возрасте, местное сообщество кандидатов наук и профессорш на пенсии. Последовало бурное обсуждение – нужны или не нужны в уютном локальном мирке современные картинки на домах. И произошел показательный момент – одна из профессорш зачитала резолюцию, что их коллектив поддерживает проект «Графит Науки», потому что в идентичности Академгородка заложены поиск и молодежное движение и мы хотим дать молодежи возможность говорить их языком. Потому что это и их пространство тоже.

Поиск локального в себе – как движение вперед – все равно прорывает глобальность. Поэтому зацикливаться на своей консервации сложно. Если мы видим в своей истории что-то бóльшее, то это бóльшее затрагивает всех. И если

это хорошо рассказанная человеческая история, она всегда будет трогать в независимости от контекста».

А. Прудникова в завершение обсуждения сказала, что «мы находимся в ситуации постоянного ощущения происходящей децентрализации. И одновременно огромного количества ограничений, мешающих реализовывать. «При всех замечательных историях и проектах мы все равно находимся в какой-то локальной повестке.

В первой части марафона шел разговор о музеях, которые в предыдущую эпоху формировали универсальные ценности, несли в себе то, что называется базами национальной идентичности. Сейчас каждый отдельный музей рассказывает свою отдельную историю, и нет общей картины, представления о культурной ситуации. Можно сказать, что есть государственная культурная политика, а региональной политики нет».

Часть 3. Локальность и человек

В третьей части марафона **«Локальность и человек»** шел разговор о гуманизации истории, когда источником информации и героем нарратива становится обычный человек. Может ли этот путь стать основным ресурсом для изучения и интерпретации локальной истории?

В дискуссии участвовали: Елена Наумова, директор НЧУК «Учемский музей», автор и куратор экспозиций «Старухи о любви; Анна Наринская, журналист, куратор, общественный деятель; Виктор Кладов, кандидат исторических наук, заместитель директора МУК «Музейно-выставочный центр» г. Заречного Пензенской области по научной работе. Модератором выступила Мария Шубина, журналист, продюсер, руководитель Музейной программы «Гений места. Новое краеведение» Российского фонда культуры».

М. Шубина начала дискуссию с замечания о том, что «один из признаков локальной истории – ее гуманистическое внимание к человеку, меньший масштаб позволяет внимательнее отнестись к человеку. Как считает нобелевский лауреат по литературе Орхан Памук, история обычных людей интереснее, чем история всех народов мира. Он написал манифест о том, какими на самом деле должны быть музеи. «Мой скромный манифест для всех музеев»: музеи должны исследовать мир современного человека, его

человеческую природу и рассказывать об этом… На примере отдельного человека легче показать духовную высоту человечества. И мы осознаем, что истории обычных людей будут намного богаче, важнее и подарят нам больше радости, чем истории всех народов, вместе взятых. Задача музеев – рассказывать не о государстве, а о человеке. Будущее музеев – в наших домах».

А. Наринская вспомнила роман Л. Н. Толстого «Война и мир», где огромная история показана через конкретных людей: «Мы читаем про Платона Каратаева или даже Долохова, а перед нами проходит огромная героическая эпоха. Так устроено искусство, и это не новая вещь. Но когда мы читаем манифест Памука, нам кажется, что мы читаем что-то радикальное. В последнее время мы уже приучились к мысли, что главное – это гуманистические ценности, человек – это мера всего и т.д. Но на самом деле это остается словами, а на практике нам дают понять, что самое важное то, что мы великая страна, а маленький человек и его жизнь может быть принесена в жертву каким-то большим великим целям. Главное – надо делать великую державу, а какие у людей пенсии и на каком уровне медицинское обслуживание – это не важно. Надо сказать, что это выражено не только в России. В США и других странах мы видим, что некое абстрактное величие страны, истории, идеи противопоставляется жизни маленького человека».

Она продолжила рассуждение о манифесте О. Памука: «Мы привыкли, что музей – это огромный дворец, где картины, скульптуры, перед нами что-то бóльшее, чем мы. Когда мы говорим: «нет, центром этого музея является человек», – это важное гуманистическое высказывание. Идея перефокусирования музейного, научного взгляда на человека, его жизнь, страдания и нужды – это важное гуманистическое высказывание».

В. Кладов уточнил, что участвует в дискуссии в двух ипостасях: как музейщик и как педагог. Он считает, что «знание истории – это не самоцель, наша главная функция – воспитательная. И когда мы делаем экспозиции, мы делаем их не для того, чтобы информировать человека о чем-то, связанном с историей, а для того, чтобы с помощью истории сделать его лучше».

Он занимается темами, которыми так или иначе связаны с войной, репрессиями, и в то же время гуманистическими, очень трудными вопросами. «Эти темы невозможно переживать коллективно, их можно переживать только в одиночку. И поэтому «Возвращение в Селиксу» это экспозиция для одиночного посетителя. По выражению И. Н. Данилевского, история – это

попытка поставить себя на место конкретного человека в ситуацию выбора, в которой он находился, и постараться честно ответить себе на вопрос – какой выбор сделал бы ты в этой ситуации? Мы стараемся ставить человека в ситуацию выбора именно гуманистического.

Как научный сотрудник, я считаю, что воспоминания как источник сейчас недооценены. С одной стороны, очень трудно работать с воспоминаниями – они всегда субъективны и противоречивы. Возвращаясь к теме Селиксы: спрашиваешь медсестру войскового лазарета или повара, который готовил еду для новобранцев, спрашиваешь самих новобранцев – это три совершенно разных взгляда на одно и то же место и время. Ребенок, который рос рядом с этим лагерем, запомнил его исключительно с хорошей стороны: его приглашали посмотреть кино, подкармливали и одевали. Он не помнит, чтобы были умирающие от голода или еще что-то ужасное. Работавшая в лазарете медсестра более осведомлена, она вспоминала, что была высокая заболеваемость и прочее, но к ней не поступали дистрофики. Конечно, она этого не знает, потому что их отправляли в эвакогоспиталь в Пензу, где велась своя статистика. Человек, который прошел через эти лагеря и оставил воспоминания, говорит, что всего за две-три недели можно было довести новобранца до такого состояния, что он просто чем-то заболевал, и все заканчивалось печально».

Действительно, воспоминания противоречивы. Но с другой стороны, документ – такой же ненадежный источник, субъективный и противоречивый. Достаточно вспомнить статистику, которая велась по учету убывших в ГУЛАГе, когда в разные инстанции отправлялись совершенно разные цифры.

Задача добросовестного исследователя – после перекрестного сравнения сделать обоснованные выводы. В отношении многих вопросов воспоминания особенно ценны, потому что документы о погибших в Селиксе не сохранились, они были целенаправленно уничтожены. В изучении вопросов преступности, дезертирства и других нелицеприятных моментов, связанных с войной, на помощь придут воспоминания очевидцев. При всей субъективности, они рассказывают о том, что было и от них можно оттолкнуться. Воспоминания можно воспринимать как материал для размышлений мировоззренческого характера. Нет ни одного документа, ни одного воспоминания, которые не кричали бы о том, что война – это отвратительно, это плохо. Нужно концентрироваться на том, что экспозиция – не просто информация, а постановка проблемы.

М. Шубина задала вопрос: насколько с точки зрения исторической науки можно опираться на субъективные воспоминания, дневники, мемуары?

По мнению Е. Наумовой, правда – это тоже некое субъективное понятие, особенно, если она касается прошлого. Даже историки – Ключевский, Соловьев и др. – описывали одно и то же событие, трактуя его по-разному. «Работая с воспоминаниями людей, нужно помнить, что люди зависимы от ситуации, в которой оказались. В зависимости от этого, они могут делать совершенно противоположные выводы, и именно совокупность выводов делает историю.

Учемский музей – это субъективная и противоречивая устная история. Интервью одних людей несколько противоречат воспоминаниям других людей и, тем не менее, это как раз то самое многогранное представление о жизни, которое формирует представление об эпохе. Для посетителей одни услышанные мысли близки, другие – далеки, в зависимости от того, что они сами считают. Некоторые испытывают ностальгические чувства к Советскому Союзу, вспоминают, как они проводили детство у бабушки. Другие говорят: «Какое счастье, что мы в это уже никогда не войдем, дети никогда не увидят этого ужаса и кошмара». Но ведь они слышат одни воспоминания, и выхватывают для себя свою правду».

А. Наринская напомнила, что даже в больших художественных музеях существует ситуация, когда не знаешь – правда, подлинник там или подделка. В Париже проходит беспрецедентная выставка Леонардо да Винчи, однако на нее привезли недавно проданное за рекордные деньги полотно – изображение Христа, про которое почти доподлинно известно, что это подделка, а не подлинник Леонардо, и все-таки его привезли. Сам термин «подлинник» – это невероятно конфликтное суждение. Что считается подлинником у художественного перформанса – первая фотография, вторая фотография? Кроме того, как литературный критик Наринская читает много мемуаров, и для нее вопрос о правдивости мемуаров – это вопрос не существующий, потому что человек рассказывает свой эмоциональный вариант событий.

При создании экспозиции всегда стоит проблема выбора – что правда, а что – нет. Но в экспозиции «Последний адрес/5 лет» – стопроцентная эмоциональная правда. Люди рассказывают о том, что они пережили, когда стали знакомиться с историей репрессированного человека, жившего в доме, на котором теперь хотят установить табличку. Когда получается это сделать – это

слезы, переживания и радость этих людей. На выставке представлен стенд с Марком Гринбергом, который поставил табличку китайцу Ван Си Сяну, гладильщику из китайской прачечной, ни слова не говорившему по-русски. Он просто приехал на заработки из Китая, и в какой-то момент его как иностранца увели и расстреляли. Удивительно, но сохранились протоколы допроса, где следователь говорит с ним по-русски, а он ничего не понимает. И москвич Марк Гринберг, решив поставить табличку этому бедному человеку, сказал: «Я знаю, что больше никто никогда не поставит ему табличку, никто о нем не вспомнит. Я услышал про него, эта история меня абсолютно тронула». Он все изучил, знает все про Ван Си Сяна и его китайскую деревню, за два года добился установки таблички, и теперь, Ван Си Сян стал ему «как брат». Это и есть эмоциональная правда М. Гринберга.

По мнению А. Наринской, локальная история важна потому, что она гораздо меньше поддается подтасовке. В первую очередь, здесь идет разговор о чувствах. И проект «Старухи о любви» – это история чувств, и это музей о происходивших тогда событиях, история, которую нужно пережить. Поэтому при попытке изучить всю палитру эмоций и воспоминаний, вопрос о правде или неправде не должен стоять.

М. Шубина согласилась, что эмоции – это «довольно сильное оружие, и оно смело нами используется. Какова же степень ответственности перед посетителями выставки, насколько мы думаем о том, какие эмоции вызываем, рассказывая истории?»

А. Наринская считает, что это важнейший вопрос. «Поскольку мы рассказываем о трагедиях, а это легко манипулируемая вещь. Абсолютно гениальный еврейский музей построил в Берлине Даниэль Либескинд. Это музей без экспонатов, место, где ты идешь и ощущаешь перепады света, темноты, высоты, низкости потолка, освещения и т.д. Все это повергает тебя в такое настроение, что ты в некотором смысле внутренне приближаешься к пониманию того, что было с человеком, который смотрел из окна и понимал, что сейчас его арестуют. Считать ли это манипуляцией или честнее было бы выставить документы с описью имущества этих евреев, которых уводили в тюрьму?»

Для выставки «Последний адрес/5лет» была проведена важная исследовательская работа. Но больше всего посетителей впечатлила большая кинопроекция, где показывались фотографии в фас из дел репрессированных.

Фотографии специально были сделаны так, чтобы глаза арестованного человека оказывались на уровне глаз посетителя. Фотографии бесконечно менялись и при этом назывались имена людей. «И вот помимо очень интересного исторического исследования, мы все стояли перед этой кинопроекцией и плакали. Была ли это манипуляция? Мы думали про это, но я считаю, что именно такое воздействие на человеческую душу в этом контексте было полезно. Но это открытый вопрос. Если кто-то подойдет ко мне и упрекнет, что я знаю, на какие кнопочки нажимать и я этим пользуюсь», то я приму обвинение, но не перестану этим пользоваться. Я приветствую разворот музейного дела в сторону сопереживания в очень прямом смысле, когда у человека стискивает сердце».

По словам Е. Наумовой, любая вещь (кино, книга, музейная экспозиция, картина) каким-то образом заставляет человека задуматься о себе. Искренние истории людей приводят к сильнейшим внутренним переживаниям.

Когда выставка «Старухи о любви» экспонировалась в Литве, произошли противоположные истории. Одна женщина посмотрела, послушала монологи и сказала: «Если бы я это увидела десять лет назад, я незамедлительно развелась бы. Потому что пришлось мучительно прожить два года в нелюбви, а вот после услышанного я решилась бы сразу». Когда посмотрела семейная пара, женщина сказала: «Да, я понимаю, что теперь делать, мы должны абсолютно поменять наши взаимоотношения, если мы хотим жить дальше вместе». Они потом сообщили мне, что пересмотрели свои отношения и остались вместе. Но, по крайней мере, они пошли на какой-то другой виток отношений. Они именно подчеркнули – что хотят перестроить свои отношения, а если не будет получаться, тогда им придется расстаться. И заставили их об этом подумать обычные пожилые деревенские женщины за 85 лет. Я думаю, что наши старушки точно не собирались никем манипулировать».

М Шубина задала В. Кладову вопрос о новом проекте, над которым он сейчас работает. Проект про феномен закрытого города, основанный на воспоминаниях его жителей. Многие воспоминания прекрасные, потому что они о детстве, юности, о чем-то хорошем из личной жизни. Но тем сложнее построить на таких радужных историях серьезный разговор.

В. Кладов ответил, что при планировании проекта «Конец прекрасной эпохи» он размышлял: «С момента распада Советского Союза прошло 30 лет, и несколько поколений тогдашних детей стали взрослыми. Они живут в плену

каких-то иллюзий, мифологических представлений о том, что собой представляла жизнь в Советском союзе».

Показателен пример анимационного фильма Екатерины Муромцевой «В этой стране». Она собрала цитаты из сочинений современных московских шести- и восьмиклассников. Школьникам предложили честно ответить на вопрос, что это была за страна такая – Советский Союз. И всё, о чем ребята искренне написали, она оформила в виде девятиминутной короткометражки.

Уже в начале работы над проектом стало понятно, что люди живут сегодняшним днем, забыв о проблемах прошлого. Но через какой-то предмет или провокационный вопрос «можно раскрутить колесико воспоминаний и тогда они совершенно другие вещи говорят. Пока непонятно, что получится на выходе из недр коллективного сознания. У нас была гипотеза, что 60-70-е годы – это период, когда в закрытом городе было построено счастливое будущее, ради которого они жили. Подробнее разговаривая с ними, мы понимаем, что никакого счастливого будущего на самом деле тогда не было, что люди стараются забыть многие негативные моменты. Образ рая, счастливого времени возник у них только по сравнению с катастрофой 1990-х годов.

Было поколение совершенно феноменальных людей, которые вытащили страну из послевоенной разрухи, построили великую державу, реализовали атомный проект, и на этом Советский Союз окончился. Потому что потребности и минимальные запросы этих людей он еще мог «переварить». Как только появилось следующее поколение, претендующее на что-то бóльшее, Союз был обречен. Как только начинаешь это раскручивать, возникают другие вещи. Здесь главный инструмент – провокация, нам нужно зацепить, спровоцировать человека на что-то».

Экспозиция из фотографий, предметов быта и одежды посвящена последним двум десятилетиям Советского Союза в городе Заречном. Она предполагает два контура: внешний – собственно рассказ о жизни в ту эпоху, о разных ее аспектах, и внутренний – пространство воспоминаний, которое запускается с помощью предметов.

А. Наринская вспомнила рассказ своей бабушки, когда она назвала самым счастливым годом 1937 год, потому что «она была влюблена и танцевала с любимым под патефон. И с этим не поспоришь. Ложная память – это суперважно и мегаинтересно. Все книжки предпоследнего нобелевского лауреата по литературе Кадзуо Исигуро посвящены ложной памяти, а в Японии

эффект ложных воспоминаний – это мейнстрим. Как эта память о счастье, о танцах под патефон, о поливальных машинах соотносится с той страшной трагедий, которая тогда происходила? Эти моменты тем и интересны, что можно соединить в локальной истории одно с другим».

М. Шубина отметила, что есть локальная история и конкретное место. Но человеческая эмоция универсальна. Говорит ли только об Учме местный музей и проект «Старухи о любви»?

По мнению Е. Наумовой, собранный материал – это устные рассказы, фотографии и вещи людей из окрестных деревень. Но на самом деле, это «глобальный разговор о феномене русской деревни, которая на наших глазах исчезает. В одной только Ярославской области по статистике 70 % деревень перестали существовать. И мы расспрашивали последних местных колхозников, рыбаков, ремесленников, но это и повсеместная история». Но в ближайшее время она собирается исследовать, чем в эмоциональном плане «наши женщины отличались от женщин Дальнего Востока, или южных женщин, северных и даже от женщин соседней деревни».

В. Кладов озвучил мысль о том, что «Россия – страна, укорененная в прошлое. Типовой музей – та институция, которая помогает развитию этого отношения. Мы изо всех сил подчеркиваем, что музей – это про прошлое. Те экспозиции, о которых мы сегодня говорили – они не про прошлое, а про настоящее. Мы подходим разными путями и думаем о новых проектах с тем, чтобы показать посетителям альтернативу: мы можем вспоминать о прошлом, а можем переосмысливать его для будущего. Радостное чувство от понимания того, что независимо друг от друга, в разных частях страны люди приходят к одному выводу. И тогда становится понятно, что мы все на правильном пути. Я убедился, что наше дело правое и мы не одиноки».

Завершая дискуссию о человеке и локальности, М Шубина сказала, что ее участники «сами являют собой замечательный пример людей, которые не только заняты локальной историей, не только внимательны к человеческим судьбам, но и сами озабочены вопросами будущего, которое будет прекрасно».

Часть 4. Локальность: как развивать сообщества

Приоритет любого проекта, работающего с локальной идентичностью, – работа с местными сообществами и их развитие. Здесь можно работать со спецификой сообщества, а можно формировать запрос и сплачивать вокруг него сообщества в новом формате. С какими вызовами сталкиваются организаторы? Что даёт устойчивость в создании сетей поддержки и продуктивности партнёрств? Эти темы обсудили участники завершающей части марафона **«Локальность: как развивать сообщества?»**

Участники: Григорий Юдин, кандидат философских наук, профессор МВШСЭН (Шанинка), научный руководитель программы «Политическая философия»; Михаил Гнедовский, кандидат исторических наук, ведущий аналитик ГАУК «МОСГОРТУР», автор курса «Культурная политика» в Московской высшей школе социальных и экономических наук, член Постоянного комитета по этике ИКОМ (ETHCOM), член Президиума Российского национального комитета ИКОМ, член жюри конкурса «Лучший европейский музей года» (EMYA); Святослав Перехожев, директор Томского областного краеведческого музея, руководитель проектов «Сибиряки вольные и невольные» и «Чаинское крестьянское восстание» (опыт документального театра в музее). Учредитель фонда управления целевым капиталом Томского областного краеведческого музея «Сибиряков»; Сергей Каменский, директор музея истории Екатеринбурга; Екатерина Ойнас, Master of Arts, директор по развитию АНО «Коломенский Посад», директор музея-резиденции «Арт-коммуналка. Ерофеев и другие», куратор и продюсер Международного яблочно-книжного фестиваля «Антоновские яблоки». Модератором выступила Галина Козлова, куратор выставочных и музейных проектов.

Для вовлечения в тему Г. Козлова предложила каждому участнику определить и озвучить, к какому сообществу он себя причисляет, потому что «сегодняшнее время замечательно тем, что каждый человек принадлежит к очень многим сообществам». Сама она принадлежит к сообществу своей семьи и сообществу людей, работающих с культурными проектами.

М. Гнедовский видит себя коммуникатором, человеком, связывающим музейное сообщество с другими сообществами, а также сообщества российских музейных профессионалов с зарубежными.

С. Каменский причислил себя к сообществу любителей истории, «испытывающих восторг от новой вещи и факта, к сообществу археологов,

исследователей. А также к сообществу «делателей», неравнодушных екатеринбуржцев».

Е. Ойнас как проектный менеджер относит себя к профессиональному музейному сообществу, к сообществу «шанинцев» – образовательной группировке выпускников московской социально-экономической школы, и к сообществу коломенского творческого кластера.

С. Перехожев в первую очередь причислил себя к сообществу сибиряков вольных – « потомков тех людей, которые по столыпинской реформе взяли на себя ответственность и рискнули, чтобы улучшить жизнь, поехали в Сибирь и остались здесь». И поскольку он является директором музея, то «по логике я все-таки проектный менеджер, поэтому принадлежу к музейному сообществу».

Г. Козлова попросила его подробнее остановиться на музейной практике и рассказать, каким сообществам музейная деятельность придала дополнительный импульс в развитии.

С. Перехожев говорил о том, что благодаря главному проекту музея – «Сибиряки вольные и невольные», появилось еще около десятка проектов. Самый последний стратегический проект – создание фонда целевого капитала по развитию томского музея сибиряков. По его словам, «мы начинаем развивать наших посетителей тогда, когда перестаем быть менторами по отношению к ним. Потому что нельзя развивать людей насильно, у них должно быть желание. После проектов, посвященных семейной истории, мы видим, что люди начинают по-другому относиться к своей истории».

Благодаря Фонду Михаила Прохорова, в 2019 году был создан Центр прикладной истории «Со-Действие», который помогает заниматься поисками сведений для создания генеалогического древа. Изданы два методических пособия, которые помогают любому человеку понять – с чего начинать поиски. Путеводитель по генеалогическому поиску доступен в электронном виде на сайте проекта «Сибиряки вольные и невольные» ТОКМ им. М. Б. Шатилова (https://tomskmuseum.ru/about_mus/news/Putevoditel_genealogiya/), а полную версию «Азов методического поиска» можно скачать на сайте проекта сибиряки.онлайн (https://сибиряки.онлайн/documents/azy-genealogicheskogo-poiska/) .

Г. Козлова обратилась с конкретным вопросом к Е. Ойнас по поводу последнего большого события – открытия коворкинга «Шёлковая фабрика»:

где там локальность и где коломенскость, почему так важен был приезд вьетнамских мастеров?

Е. Ойнас напомнила, что она представляет музейно-творческий кластер «Коломенский Посад», который располагается на исторической территории подмосковной Коломны и состоит из нескольких небольших музеев и туристической инфраструктуры вокруг них. Она сказала: «Мы исследуем забытое коломенское наследие, сохраняем и презентуем его разными формами и средствами. Готовясь к дискуссии, я попыталась сформулировать – как мы влияем на сообщество, которое сладывается под нашим воздействием.

Это те люди, которые живут на исторической территории, и с ними мы в процессе своей деятельности и в масштабе территории определенным образом взаимодействуем. У нас есть не просто наблюдатели, но и те, кто генерируют собственные творческие проекты. Это люди со своими интересами и представлениями о том, как это должно быть. И есть сообщества людей, которые уже включились в наше объединение: порядка 100 человек, живущих на этой территории и приезжающих из округи. Это сообщество в хорошем смысле заражено ценностями наследия Коломны. Люди желают развивать город, опираясь на свои знания, они формируют базу знаний и верят в стратегию. Сообщество объединено этими ценностями, и с этими людьми мы работаем в ежедневном режиме. Есть сообщество, которое объединяется по интересам, и примером может быть открытие творческого коворкинга музея-лаборатории «Шелковая фабрика».

Мы хотим возродить искусство коломенских узорных тканей, которыми славилась Коломна, она поставляла ткани в Ватикан, города Азию и др. Эта часть богатого культурного наследия сейчас забыта и даже в местном краеведческом музее не обнаружилось ни одного отреза коломенской ткани, ни одного изделия.

Мы нашли место, где можем разворачивать этот проект (218 квадратных метров в арт-пространстве «Патефонка»). Коворкинг будет включать в себя экспериментальную лабораторию, арт-резиденцию, открытое производство с демонтрацией старых и новых технологий и музейно-выставочное пространство. Примером для авторов проекта стал Музей текстиля в Тилбурге в Нидерландах.

Занимаясь концепцией музея, мы уже на стартапе нарастили серьезный международный контекст. На открытие пригласили знаменитого вьетнамского

дизайнера – госпожу Данг Тхи Минь Хань, которая 10 лет возглавляла Институт дизайна одежды в Хошимине и занимается возрождением традиций вьетнамского шелкоткачества. Вьетнамские мастера произвели невероятный фурор. И я думаю, что часть положительного резонанса открытия творческого коворкинга принадлежит их участию. Поскольку это сразу заявило о международном масштабе проекта, и визуализировало наше стремление создавать этот музей.

Проект привлек внимание местных жителей, на которых произвела впечатление техника возрождения коломенских узорных тканей и возможность практического участия. Форму коворкинга выбрали потому, что нам хочется создать ту критическую массу людей, с которой мы будем развивать большой масштабный проект».

Г Козлова отметила, что пример участия вьетнамцев показывает, что «развитие локальных сообществ сегодня никак не связано с локальностью как с закрытостью, укорененностью только в себя. Развитие сообществ реально возможно в том случае, если это локальное может быть частью глобального».

По мнению С. Каменского, создавать сообщества гораздо сложнее, чем развивать. Этот процесс должен быть естественным, а не моделируемым. Рассуждая о создании сообщества, он сказал, что «сейчас появляется все больше людей, которые хотят что-то разглядеть в своем городе, изучать и всматриваться в него. Мы наблюдаем зарождающиеся инициативы, черты формализованных сообществ».

В Екатеринбурге проходит целый ряд лабораторий, например, в «Школе городских маршрутов» люди самостоятельно выбирают тему и делают авторскую экскурсию по городу. В «Лаборатории воспоминаний» они занимаются маршрутом, пишут и публикуют исследование, сочетая при этом воспоминания и архивные материалы. Это совместный проект Музея истории и издательского сервиса Rideró.

С. Каменский отметил, что «сейчас много разных «Школ», когда неравнодушные горожане выбирают какое-то здание, глубоко его изучают, работают с бизнесом. И есть лаборатории, которые объединяют людей вокруг темы вглядывания в город, исследования смыслов и дальнейшей презентации. В этом поле интереса люди начинают видеть друг друга, потом они коммуницируют независимо от нас, формируют между собой связи. Так

формируются сообщества людей, которые сами делают проекты, взаимодействуют и периодически встречаются».

Он привел два примера про развитие сообщества. В Музее истории Екатеринбурга, как и в томском краеведческом музее, занимаются семейной историей. Совместно с Уральским генеалогическим обществом делают проект «Корневая система». В год проходит 3-4 выставки, каждая из которых посвящена истории одной семьи. Проект посвящен «исследованиям семей, которые уходят корнями в XIX век и проживают в городе больше 100 лет.

Семья – большое сообщество, там куча родственников, всякие ветви, троюродные, шестиюродные. Мы уже второй год наблюдаем картину, когда на открытие выставки (выставка одной семьи проходит конкретно раз в два месяца) приходит по 40-50 человек, они пьют чай и разговаривают. Когда на них смотрят другие люди, они думают: «а у нас тоже есть семья, такое сообщество» и вот эта идея объединения вокруг семейной истории – тоже важная тема. Она, с одной стороны – про прошлое, но с другой стороны и про будущее, потому что часто возникают совместные проекты, продолжается активное общение.

Второй пример – про культуру, связанную с творческим предпринимательством. Есть Дом Метенкова – отдельный филиал Музея истории города, где мы поддерживаем разные городские сообщества. Разные группы приходят со своими проектами, получают какие-то ресурсы от бизнеса, муниципалитета, неравнодушных горожан.

Мы им помогаем разным образом: поддерживаем своими ресурсами, учим, как их получать, а самое главное, что мы можем для них делать – перезнакомить эти сообщества между собой. Функция музея как такого редуктора – очень важная, когда сообщества знакомятся, а дальше всё запускается само».

Завершая обсуждение, Г. Козлова поблагодарила всех за активное участие, интересный и полезный рассказ про сообщества, которые «можно и нужно поддерживать, помогая людям узнавать себя».

Александра Архипова. Говорящие и горюющие города: что такое городская антропология?

Много интересной информации узнали слушатели из лекции **«Говорящие и горюющие города: что такое городская антропология?»** Александры Архиповой, кандидата филологических наук, доцента Центра типологии и семиотики РГГУ и т.д.

Она сообщила о том, что городские антропологи изучают и пытаются сохранить личную историческую память горожан. Этому посвящен проект «**Историческая память города: общедоступный портал устных рассказов о городах России**». Если зайти на сайт проекта по ссылке www.pastandnow.ru и «кликнуть» на улицу и дом, можно прочитать воспоминания людей про то, в какие игры они играли во дворах, про магазины, одноклассников, друзей, соседей и т.д. В основе проекта лежит концепция «непубличной памяти», которая необходима для создания полного портрета города. Участники собирают и обрабатывают устные рассказы жителей Москвы и других городов (Иваново, Рязани, Нижнего Новгорода и др.). В тексте выделяются фрагменты о значимых объектах, легендах, персонажах, ключевые слова. При этом фиксируется место и время разговора, а на электронную карту наносятся точки. Для проекта важен каждый голос, поэтому записываются истории местных и приезжих, молодых людей и пенсионеров, бизнесменов и бездомных и пр.

А. Архипова отметила, что во время биографического интервью стоит непростая задача – «вытянуть из человека его неофициальную биографию с привязкой к разным точкам. Поэтому мы вместе с информантом рисуем ментальные карты: улицы и тропинки, по которым он ходил в школу и детский сад, дома, которые боялся посещать в детстве» и т.д.». Участники проекта расспрашивают и про уже несуществующие объекты. Этой информацией может воспользоваться историк, краевед или экскурсовод при подготовке рассказа о прошлом города. Например, многим было интересно узнать про «огородный пояс Москвы» 30-х годов. Когда еще не появились холодильники, существовала практика ездить в ближайшие к Москве деревни и покупать там свежие овощи, фрукты и другие продукты. Сейчас на месте этих деревень спальные районы, а о былом напоминают только остатки яблоневых садов.

Александра привела примеры некоторых воспоминаний. Главный московский сюжет о том, что «взорвали храм, а его колокола использовали, чтобы созывать людей в баню, давать сигнал о пересменке». Вариантов этого

рассказа о страшном, оскорбляющем чувства верующих людей, действии встретилось много, но в официальных источниках такая информация не зафиксирована. Это пример городского фольклора, когда произошла типизация какого-то реального факта. Возможно, колокола действительно использовались так, но гораздо реже, чем это представлено в городской памяти. Прозвучали также некоторые городские легенды о проступавших на революционных портретах ликах икон, о дрезине-убийце, которая «охотилась» на непослушных мальчиков и т.д. Различным городским легендам посвящен первый номер журнала «Фольклор и антропология города».

Город в воспоминаниях жителей – важнейший информационный ресурс. Уже собрано более 400 интервью по 70 районам Москвы, и более 80 интервью по другим городам, включенным в географию проекта. Новости проекта оперативно выкладываются в группах социальных сетей – на facebook.com «Историческая память городов» и vk.com «Историческая память городов». Если у кого-то возникнет желание принять участие в проекте – собрать воспоминания знакомых, родственников или рассказать о своем районе, городе, семье – он может написать координаторам проекта по адресу: pastandnow@protonmail.com

Но города не только помнят, но и активно горюют. И антропологи активно работают с драматической темой. А. Архипова напомнила, как возникали стихийные мемориалы в память о страшной трагедии в городе Кемерово и предложила обсудить, о чем мемориалы «говорили» на самом деле.

Страшная трагедия произошла в торговом центре «Зимняя вишня» 26 марта 2018 года, но официальная информация шла с опозданием, траур был объявлен только вечером следующего дня. К этому моменту всплеск эмоций в социальных сетях достиг пика. Люди больше не могли сдерживать чувства горя, стресса и желания как-то выразить свою сопричастность пострадавшим жителям. Они стали создавать стихийные мемориалы, приносили на знаковые места цветы, игрушки, фотографии.

По мнению А. Архиповой, это не просто акт памяти. Это акт высказывания о том, что мы имеем право помнить. Существует закономерность, подтвержденная многочисленными примерами, – чем больше люди чувствуют недовольство в ситуации с какой-то трагедией, тем чаще возникают спонтанные мемориалы.

После совершившихся событий антропологи начали собирать информацию о том, в каких городах возникли стихийные мемориалы. Они зафиксировали точные данные о 335 мемориалах в 246 городах, хотя на самом деле их было больше. Эти мемориалы антропологи разделили на 2 группы: возникшие до и после официального объявления траура.

Стихийные мемориалы первой группы создавались людьми сразу, без привлечения административного ресурса и участия властей. Они создавались на центральной площади или улице, в максимально заметном месте и как будто говорили: «Смотрите, произошла страшная трагедия, поэтому мы размещаем память об этом в самое центральное место нашего города, чтобы все могли видеть». Или у таблички, какого-то знака (улицы, остановки), связанного с Кемерово («Смотрите, это произошло в Кемерово, поэтому рядом знак Кемерово»). Спонтанные мемориалы возникали у памятников, связанных с семьей, матерью, детьми как напоминание о том, что произошла страшная семейная трагедия.

Но после официального объявления траура мемориалы создавались при активной поддержке местных властей, которые влияли на место выбора траура и выражения чувств. Официальные лица выбирали другие места – памятники, связанные с самыми различными военными конфликтами (Великой Отечественной войной, иногда Гражданской войной, реже – с Афганистаном и т.д.), а также памятники советским деятелям.

А. Архипова обратила внимание слушателей на следующий момент. Когда люди конструируют свою память о только что произошедшей трагедии, они скорбят у мест, вызывающих максимальные ассоциации с трагедией. Как только в дело вмешивается административный ресурс, то память конструируется по-другому. В официальной идеологии главная память в стране – это память о войне. Поэтому память о современной трагедии, о пожаре, в котором погибли дети, все равно устроится как память о войне. В некоторых городах возникали конфликты. Например, в Архангельске люди несли цветы к памятнику Поморским женам-берегиням, а угрожавшие репрессиями власти заставляли идти к стеле военной славы.

На стихийных мемориалах люди не просто стояли, но и говорили. В речах участников несанкционированных мемориалов, например, в Бийске, звучали следующие мотивы: неприятие действий служб спасения и властей после трагедии, ощущение незащищенности и страха находиться в публичном месте,

ощущение бессмысленности и трагической случайности происшедшего, «власть не спасла детей», призыв к протесту. Что говорили официальные лица, которые выступали на санкционированных мероприятиях? Они выражали благодарность властям и службам спасения, отчитывались о предпринятых мерах по обеспечению безопасности, вписывали жертв трагедии в историческую парадигму и говорили о жертвах как о сакральных жертвах войны. А также приводили разные примеры спасения детей во время войны.

Речи на санкционированных и несанкционированных мемориалах существенно отличаются, это разница между стихийной памятью и памятью, которую пытаются как-то организовать, направить в то или иное русло. Это происходит потому, что единственная память, которая у нас санкционирована – это военная память. Поэтому мы должны помнить о трагедии как о сакральной жертве, вписывать погибших в ряд жертв войны и нести цветы к военным памятникам или памятникам советским деятелям.

Память, которая не управляется административным ресурсом и не ограничивается им, выстраивается по ассоциации. Люди несут свечи и цветы в те места, которые максимально ассоциируются с трагедией. Потому что смысл спонтанного мемориала – максимально расширить и передать сообщение: произошло ужасное горе.

А. Архипова рекомендовала также познакомиться со статьями про Бессмертный полк и Холокост, напечатанными в журнале «Память в городе. Память города» в 2019 году.

У заинтересованной аудитории возникли дополнительные вопросы: какими способами и методами отбираются информанты (методом «снежного кома»), как работают антропологи с людьми во время выездных экспедиций, какова результативность выбора и др. Относительно второй части лекции, А. Архипова отметила, что «здесь информантами были памятники и города. И, конечно, люди, рассказывавшие о создании и посещении стихийных мемориалов. Знать и изучать места, на которые люди несут цветы – это очень важно для понимания того, как горюют города. Чем сильнее в обществе недовольство тем, что предпринимают власти по поводу трагедии, тем больше и сильнее будут создаваться эти мемориалы. Это такой способ выразиться: «Смотрите, случилось страшное – люди погибли, а реакции на эту трагедию недостаточно, и вот я пойду и сделаю свое высказывание». Акт принесения свечки – это акт высказывания. И об этом много написано английскими,

американскими, ирландскими учеными-антропологами. До Кемерова эта зависимость для России не работала. Но когда там случилась трагедия, мы увидели невероятно сильную реакцию людей по большому количеству горюющих городов».

Ирина Щербакова. Нужна ли наша история молодым?

Значительным событием для посетителей ярмарки стала лекция «**Нужна ли наша история молодым?**» Ирины Щербаковой, историка-германиста, руководителя молодежных и образовательных программ Международного правозащитного общества «Мемориал».

В последние годы в школьном преподавании истории становится заметной тенденция, направленная на вытеснение трагических страниц. Фактически нет места углубленному изучению террора и политических репрессий. Откровенно провозглашается цель «создания для молодежи счастливой идентичности», иначе «граждане России могут вырасти антипатриотами». Данные социологических опросов, проведенных среди современных школьников, показывают высокий «рейтинг» Сталина на фоне других фигур российской истории. Чем станет история XX века с уходом свидетелей: трагедией страны, заплатившей страшную цену за коммунистический эксперимент или историей сильной власти, которая может послужить основанием для легитимации авторитарного режима?

Этот проблемный вопрос затронула лектор, рассказавшая о результатах многолетнего конкурса школьных исторических работ «Человек в истории. Россия XX век».

С 1999 года общество Международный Мемориал проводит ежегодный конкурс среди учащихся 14–18 лет. Его цель – побудить школьников заняться самостоятельными исследованиями российской истории минувшего века, пробудить в них интерес к судьбам обычных людей, к их повседневной жизни, ко всему тому, из чего складывается «большая история» страны.

Известно, что в 1991 году был отменен конкурсный экзамен по истории. В этот сложный период изменился взгляд на историю, не было ясного представления о том, какие вопросы должны стоять в билете, что должны изучать школьники. Прошло время и в 1999 году организаторы конкурса захотели узнать отношение молодого поколения к историческим событиям.

Широкое название дали специально, чтобы избежать дидактической и политической нагрузки.

За 20 лет собрался огромный архив – почти 50 тысяч работ, которые представляют большой интерес для исследователей. И. Щербакова отметила изменения, прошедшие за годы проведения конкурса: «В 1999 – 2000 годы, когда были компьютеризированы только большие города, мы получали написанные от руки работы, с приклеенными фотографиями, изъятыми из семейных альбомов. Это вызывало у нас священный ужас, мы обращались с просьбой этого не делать, никогда не приклеивать фотографии, не брать их без разрешения. Ксерокопии были плохого качества, о сканах не было и речи. Материалы нужно было искать в местных библиотеках, долго переписываться с архивами, хотя архивная политика была более открыта, чем сегодня, и местные архивы были гораздо доступнее учителям и школьникам».

Организаторы рассчитывали на активное участие школьников из крупных городов, но в действительности гораздо больше работ приходило из далеких маленьких мест. Наверное, «чем меньше пространство, в котором живет человек, тем больше его интересует история. Потому что в большом городе это все гораздо больше размывается, очень трудно добраться до настоящих корней».

В конце 90-х годов еще действовали вещи, сейчас уже ушедшие. Историческое знание традиционно было связано с литературой, благодаря которой в значительной степени формировался взгляд на историю. Кто бы так хорошо помнил Отечественную войну 1812 года, если бы не роман Л. Н. Толстого «Война и мир»?

Ирина Лазаревна вспомнила, какое огромное впечатление произвела в свое время повесть «Один день Ивана Денисовича» А. И. Солженицына: «Ее воздействие было несравнимо с трудами историков. Сквозь долгие годы в подцензурном пространстве она была единственным доступным источником. Правдивый образ истории тогда искали по крупицам, по абзацам, по деталям, по каким-то эпизодам в кино, потому что прочитать по этому поводу какой-то исторический труд было совершенно невозможно. Историки не могут работать без архивных документов, а документов не было. Что могло открыться нам до 1990-х годов, до начавшейся архивной революции?»

В начале 90-х годов прошлого века в школы хлынул поток новой литературы. Так, были включены в программу произведения В. Шаламова.

Новая литература школьникам очень помогала, «они все начинали с каких-то цитат. Это создавало глубокий фон восприятия прошлого».

К 2000 году через учебники и литературу начал складываться нарратив – общий образ прошлого, который разделяли многие люди. Эта картина была довольно упрощенная, мифологизированная и заключалась в следующем: была прекрасная царская Россия, в которой было так много всего прекрасного, но мы ее потеряли.

В общем сознании не было ясно представлено: почему произошли революции 1917 года? Причины Гражданской войны «смутно объяснялись какими-то заговорами и демоническими большевиками. Причем совершенно не было деления на красных и белых – кто прав и кто виноват». Интересно было посмотреть по регионам, где прошли восстания казаков вокруг Дона, как там разделились семьи («один брат белый, другой – красный, и как этой семье доставалось»).

Можно долго изучать то, как передавалась память семьи через подростков. Например, короткое время НЭПа (1921-1929 гг.) осталось в памяти деревенских жителей как годы «золотого века». В работах описывались воспоминания о том, «как семья поднялась, как построились, сколько было скота». Из короткого времени, «когда чуть-чуть отпустили, дали вздохнуть», возник миф о хорошей жизни.

И. Щербакова призналась, что раньше никогда не осознавала так сильно, насколько сильны крестьянские корни. «Как и все прилежные студенты, я читала, что к 1917 году 80 % населения российской империи было из крестьян. Но одно дело это читать и вдруг ты видишь через этих школьников, хотя прошло уже столько лет, что главная память – крестьянская». Казалось бы, корни были утрачены, но когда дети занялись историей своей семьи, возникла память.

Существует миф, что раньше люди были духовнее. И только с новым временем, когда деньги и вещи стали играть такую роль, они стали материальными и прагматичными. Но И. Щербакова просто поражалась, что передавали участники конкурса из устных рассказов – какой дом они построили, сколько окон в нем было, какая была скотина, как звали корову и лошадь, какие юбки были у прабабки и т.д. Такая «цепкость» памяти даже показалась странной. Но дело в том, что крестьянская память с опорой на вещный мир – не свидетельство бездуховности и стяжательства. Она была

связана с очень важной вещью – с крестьянским трудом. Были годы свободного крестьянского труда, когда людям впервые можно было работать на себя, можно было сделать что-то своими руками, это стало элементом созидательного свободного труда. И стало понятно, что во время раскулачивания, когда «сломали хребет деревне», была утрачена самая важная вещь. Дом, двор, скот – это символы созданного свободным и достойным трудом, а затем утраченные. Потому что почти в каждой работе есть воспоминания, как «они работали с утра до зари», но зато они и многое сделали».

Важная часть памяти – репрессии, связанные с раскулачиванием. Фраза «сломали становой хребет» – во время террора воплощена в сотнях и тысячах судеб. Наглядно открылись и страшные демографические проблемы, когда в депортированных семьях выживали один-два ребенка из пяти, или никто не выживал.

Когда конкурс только начинался, еще были живы исторические свидетели катаклизмов XX века. Судя по работам школьников, главный человек в истории – российская бабушка. Потому что мужчины почти у всех погибли по разным причинам. Поэтому история передавалась через женский взгляд, чем отчасти объясняется эмоциональность рассказа и внимание к деталям. С уходом свидетелей возникают большие сложности передачи прошлого.

За словами «свидетель эпохи» мы видим человека, который умеет передать суть этой эпохи. Известный литературовед В. Шкловский, считал, что есть синхронисты и современники. Синхронисты «живут с тобой синхронно, но они как будто не жили в этой стране, никогда не стояли в очередях, не читали советских газет и не обращались ни в какие инстанции. Они жили своей маленькой жизнью и ничего не могут передать. Но есть современники, которые не литературно-художественным языком рассказывают так, что складывается образ эпохи. Если говорить о XX веке, то этих современников для наших школьников становится все меньше и меньше».

Второе место в тотальной памяти – это память о войне, потому что нет ни одной семьи, которую не задела бы война. По мнению Щербаковой, властные идеологи – и это стало очевидным в брежневскую эпоху – почувствовали, что именно вокруг войны можно создавать пространство идеологических манипуляций. Почему война стала играть в брежневскую эпоху такую роль? Потому что все остальные скрепы перестали действовать: в программу

построения коммунизма, как и в дружбу народов уже никто не верил. Но война оставалась тем «клеем», который многое скреплял. Большую роль сыграло возникновение статуса ветерана. И ветеранская память стала сильно вытеснять пространство реальной народной памяти, которая в оттепельное время выросла на художественной литературе.

И. Щербакова привела пример из работы одного школьника, который написал, что его дед был награжден всеми возможными наградами, и рассказывал ему о войне так, что было интересно его слушать. Но как только ему нужно было выступать в школе или на митинге, дед произносил какие-то одинаковые слова, которые никакого впечатления не производили.

Одно из достижений собранной памяти – то, что школьники, прикоснувшиеся 15-20 лет назад к настоящей памяти, уже никогда этого не забудут. Потому что передача памяти напрямую производит совершенно другое впечатление.

Но к 2000-ным годам по разным причинам все сильно изменилось. Во-первых, ушли свидетели сильной степени. У «детей войны» рассказы правдивые и тяжелые, но это специфический взгляд и другая история. Во-вторых, стала побеждать ностальгия по советской эпохе, потому что окрашенная в мрачные тона память о 1990-х годах все стерла. В семьях была тяжелая обстановка, сплошь и рядом у родителей не было работы, они занимались ее поисками.

В памяти произошла мифологизация брежневской эпохи, многие вспоминали пионерские организации, трогательный быт. Что работает против этого? Например, одна девочка нашла переписку своего деда в 1970-е годы, когда он написал в «Известия» жалобу о том, что не может купить себе носки. А газета ему ответила, что в министерстве легкой промышленности посчитали: производится 6,5 пар носок в год на человека – и этого должно быть достаточно. Пораженная перепиской девочка начала раскручивать историю советского дефицита и поняла «дух эпохи».

В нулевых годах уход свидетелей, давление идеологии привели к тому, что война стала превращаться в национальный миф, где не нет места черным пятнам, а должно быть только славное героическое прошлое. Дети «заметались», почувствовав фальшь: думаем одно, говорим другое, делаем третье.

В 2009-2010 гг. возник пик популярности Сталина. Как объяснить этот феномен, ведь нет ни одной большой семьи, которую не затронули бы репрессии? В 2010 г. в дискуссии с Г. Явлинским, когда зашел разговор о войне, одна девочка назвала И. Сталина «эффективным менеджером». Эта формулировка воплотила ощущение времени.

На вопрос «Нужно ли сегодня нам наше прошлое?» Ирина Лазаревна ответила: «Хотя я историк, но я была бы счастлива, если бы могла вам сказать, что вот уже прошло больше ста лет, давайте все успокоимся по этому поводу, пусть это не будет такой горячкой, из которой все время пытаются выстраивать идеологию. Но, к сожалению, это не получится и наши школьники – заложники этой истории.

У историков есть такое понятие, как «опыт трех поколений», то есть через три поколения живая память о каком-то событии прерывается. И это автоматически уходит в прошлое. Но вместо спокойного, взвешенного взгляда возникает идеологическое противостояние, пространство искажения, драка за историю. «Идет ли речь о начале или окончании войны, о репрессиях, – это становится живым горячим тестом, из которого все время пытаются выпекать какие-то малосъедобные пирожки. Что может быть ответом? И почему у меня оптимистическое к этому отношение?

Те, кто вообще интересуются историей, очень интересуется своими корнями. И таких людей сейчас стало гораздо больше. Они не боятся что-то узнать о своем прошлом. С другой стороны, есть сильная потребность на что-то опереться. Если общественное пространство сужается, а политическая активность ограничена, и будущее не совсем понятно, то прошлое начинает играть большую важную роль как опора. Часто эта опора носит простой, примитивный характер. Нам говорят – чему вы учите детей? Они узнают страшное, им будет еще хуже. А наша работа подтверждает обратную вещь. Когда девочка узнаёт из истории семьи, что ее прабабушка в 16 лет трое суток бежала через тайгу из ссылки, и она добежала, выучилась, и вырастила детей, – то девочка думает: «а я бы так смогла?» Происходит перенесение одного опыта на другой. И в этом смысле обращение к семейной памяти, желание узнать о своих корнях – откуда я такой и почему –этого становится не меньше, а больше».

Александр Гаврилов. Что говорят бабушки о локальной истории?

Тему семейной истории продолжил **А. Гаврилов**, литературный критик, редактор, журналист, телеведущий, сооснователь электронной издательской системы Ridero. В презентации «**Что говорят бабушки о локальной истории? Опыт конкурса детского рассказа о семье в Архангельской области**» он поделился впечатлениями от конкурса «Живая Летопись».

Конкурс творческих работ проводился в Архангельской области среди учащихся 6–11-х классов в 2017 г. Каждому участнику предлагалось создать творческую работу на тему «Судьба семьи в истории страны». По выражению Александра Феликсовича, «организаторам страшно повезло с регионом, потому что на конкурс пришли необыкновенно интересные истории. Не последнюю роль здесь сыграла поморская идентичность. Архангелогородчина оказалась в удачном культурном и транспортном тупике, потому что помора и сослать некуда, и выслать некуда. В результате мы имели возможность прикоснуться к этой культуре в очень глубоком исследовании. И эта культура – эксклюзив поморов».

В разных сюжетах имела место героика одинокого подвига. Например, участница конкурса описала жизнь своей прабабушки, которая родилась в далекой поморской рыбацкой деревне, мечтала стать учительницей. Чтобы получить специальное образование, она ушла в город и возвращалась домой только на каникулы. Дорога из деревни в город занимала 2-3 дня, которые она проходила пешком.

К началу Великой Отечественной войны бабушка уже преподавала в начальных классах, и в работе есть отдельное описание ситуации опускающегося на русский Север голода. Единственным спасением людей был тюлений жир. Не случайно на набережной города поставили памятник тюленю – спасителю поморов от голода. «Однако тюлений жир горек, невозможно невкусен и не слишком питателен» – процитировал Александр Феликсович фразу из работы, которая, по его признанию, запала в его голову своей поэтической интонацией.

Тюлений жир не помог бабушке, она попала в больницу с истощением. Потом ее перевели поближе к городу, она продолжила работу и больше 40 лет преподавала в школе. Но дальнейшая жизнь была изложена кратко, а обстоятельства преодоления невероятных препятствий современный поморский ребенок воспроизводил охотно и подробно.

В работах школьников были описаны настоящие одинокие герои, которые вполне сгодились бы для вестерна. Героика одинокого вызова миру нашла место в потрясающей работе одной из участниц конкурса. Её бабушка и дедушка познакомились благодаря увлечению парусным спортом. Договорившись с местной администрацией, они построили в 70-х годах XX века яхтенную базу на одном из островов в Белом море, где жили с четырьмя детьми и многочисленными учениками. Периодически у них что-нибудь случалось, но один из самых героических моментов произошел, когда они всей семьей плыли с острова на материк, чтобы отдавать детей учиться в школу. В днище яхты обнаружилась течь, и пока дедушка разбирался с мотором, бабушка вместе с детьми вычерпывала воду консервными банками и черпаками, чтобы яхта не ушла на дно.

Какое-то количество историй было связано со спецификой места. Северодвинск – большой индустриальный город, база ядерных подводных лодок, вся информация об этом закрыта. И особое впечатление произвело сочинение девочки, которая рассказала о жизни своего деда. Он работал на заводе ядерных подводных лодок и никогда ничего не рассказывал о своей работе. В семье помнят, что в молодом возрасте он был очень компанейским, любил играть на гитаре и петь песни. Потом он замкнулся и перестал что-либо рассказывать. Дедушка был необыкновенно скрытным, возможно потому, что секретность не позволяла ему ничего говорить о том важном, чем он жил – о работе. Даже с внучкой он говорил меньше, чем ей хотелось. Три года назад он умер, и девочка пишет, что очень его любит и не забудет.

В некоторых историях описана не только далекая история, но и современная. Школьники находили яркие способы сращивания исторической памяти через живую семейную историю с сегодняшним днем. Например, симпатичная девушка, морской кадет описала героическую историю воевавшего дедушки. Но потом добавила, что считает и свою маму героем, потому что после обрушения балкона с углом дома, мама вернулась в разрушенную квартиру за верхней одеждой детей.

В конкурсных работах ощущалась органическая и безусловная любовь младших к старшим, а с другой стороны, чувствовалась поддержка семьей участников конкурса. Интересно, что дети спокойно, без внутреннего напряжения, без попытки кого-то оправдать или обвинить, говорили о проблемах. Укорененность в живую семейную историю сделала взгляд детей на

исторические обстоятельства совершенно удивительным, они гораздо лучше живут с историей.

Школьники описывали также трагические события ближайшей истории. Это, например, история про папу-гаишника, который задержал стрелявших в него нарушителей правил дорожного движения. Подвиг папы не был четко прописан, но у семейной памяти есть характерная черта – она не ищет предельную истину.

А. Гаврилову пришлось прочитать несколько сотен сочинений, чтобы подготовить короткий список для голосования членов жюри. Он признался, что в какой-то момент обнаружил себя плачущим над страницами сочинений. Ему трудно вспомнить, чтобы какой-то текст оказывал на него такое воздействие с детских лет. Но еще больше его потрясло то, что от всех этих текстов о трагических обстоятельствах, о жестокой несправедливости, о невыносимых условиях жизни – не было «никакого ощущения безнадеги, которое обычно охватывает любого читателя исторического повествования жизни россиянина или европейца в XX веке».

Он высказал свою гипотезу о том, почему сочинения не оставляют душевного надрыва. «В какой-то момент, дочитывая двести какую-то работу, я догадался, почему от этих работ не остается ощущение отчаяния, даже когда все очень страшно. Именно то, что это рассказывают школьникам старшие в семье, делает истории некоторым образом историями о победе. «Нас пытались извести холодом, голодом, войной, раскулачиванием, предательством, авариями. Нас пытались извести и не справились, но зато мы выжили». Тот факт, что рассказывает о семейной истории ученик 6 или 7 класса, любимый в семье и любящий своих родных, накладывает на эту историю своеобразную «рамку победы».

По словам Гаврилова, он понял, что это именно та рамка, которую государственная пропаганда и государственные фонды памяти пытаются присвоить. «Война была ужасной катастрофой, но зато мы выжили». Но насколько «пусто и демагогично она звучит в исполнении машины госпропаганды, настолько полно, искренне и с совершенным биением крови внутри она звучит, когда исполняется в рассказе об истории семьи».

По некоторым организационно-политическим причинам проект не был продолжен, но есть надежда, что организаторы еще вернутся к этой работе в каком-то другом регионе, возможно, в Ростовской области.

От литературного конкурса у Гаврилова осталось «ощущение удивительной эмоциональной и духовной полноты непрерывно движущейся памяти. Он сказал: «Конечно, это был типичный проект с инструментарием микроистории. Мы не придумали какой-то новый ход. Но этот способ разрешить семье говорить через своего младшего представителя, передать ему историческую память в той форме, в которой семья готова и согласна передать ему память, оказался необыкновенно мощным».

Всех участников конкурса собрали в Архангельске, что потребовало больших усилий. Но А. Гаврилова очень тронуло, «с каким необыкновенным человеческим достоинством эти молодые писатели выходили получать призы из рук губернатора, потому что было видно, что они не просто были сами по себе, какие-то учащиеся средней школы № 1. Каждый из них принимал приз как наследник, как принц живого и властного рода».

В завершение встречи Александр Феликсович добавил следующее. Для работы с текстами организаторам пришлось привлечь много разных специалистов, лингвистов, технических сотрудников. «Интересно, что работы производили на всех одинаковый эффект. Прочитав 10-15 работ, человек тут же с вытаращенными глазами говорил: «Ой, а у нас-то что было…» и семейная история начинала течь из каждого крана».

В результате проведения проекта сформировалась библиотечка из книг, потому что многие школы представили такие обильные работы, что их собрали и напечатали небольшой тираж книг. Книги есть в электронном виде на сайте проекта «Живая летопись: судьба семьи в истории страны» (www.ridero.ru/letopis), а также в школьных библиотеках и в собрании губернатора области.

После интересной лекции А. Гаврилова благодарили за Pidero как сооснователя этой электронной издательский системы. Pidero – издательский сервис, где каждый человек, написавший книгу, может получить готовую бумажную и электронную версии книг за 5 минут. Для этого достаточно загрузить текст и изображения. После этого книга пройдет модерацию и в течение 10 дней поступит в электронные магазины. Сегодня в сервисе Pidero работает более 250 000 авторов, более 270 000 книг загружено. Pidero – модель будущего в издательском бизнесе. Новости сервиса, интервью с авторами, советы тем, кто уже публикует свои книги или только хочет начать это делать, все можно узнать в блоге Pidero (https://ridero.ru/blog/).

Открытые дебаты премии «НОС» (Новая словесность)

На Красноярской ярмарке книжной культуры прошли традиционные **открытые дебаты премии «НОС» (Новая словесность**)», по итогам которых был объявлен шорт-лист премии за 2019 год.

«НОС» Новая словесность» – ежегодная литературная премия, основанная Фондом Михаила Прохорова для выявления и поддержки новых трендов в современной художественной литературе на русском языке. Премию считают одной из трех главных российских премий, отражающий свежий взгляд на литературу.

В дебатах участвовали: Анна Наринская, председатель жюри; члены жюри: Агнешка Любомира Пиотровска, куратор театральных программ; Кирилл Богданов, доктор филологических наук, историк культуры; Татьяна Венедиктова, профессор МГУ, зав. кафедрой, автор книг и статей по истории литературы США и Западной Европы. Пятый член жюри, Юрий Сапрыкин, журналист и руководитель проекта «Полка», отсутствовал, но прислал свои предпочтения.

В качестве экспертов выступили: Лев Оборин, поэт, критик, редактор проекта «Полка»; Олег Лекманов, доктор филологических наук; Александр Архангельский, журналист, писатель, телеведущий, профессор Высшей школы экономики. Модератором выступила Ирина Прохорова, соучредитель Фонда Михаила Прохорова, главный редактор издательства «Новое литературное обозрение».

Обсуждение происходило следующим образом: каждый член жюри выдвигал двух кандидатов, которых он считал достойными войти в шорт-лист, при этом обосновывал свой выбор. Между членами жюри происходил спор, в котором участвовали эксперты. Общими усилиями составился шорт-лист, включивший восемь произведений. В ходе дебатов можно было слышать следующие рассуждения.

По мнению А. Наринской, книги, представленные в полном списке, представляют важные тенденции в литературе: столкновение фикшн и нонфикш, перетекание художественного в документальное, документального в художественное. Это попытки описать реальность словами художественного текста, сочетание документа и художественной литературы как мира вымысла. «Тяга литературы к вхождению литературы в зону документального – новый

признак, эскапизма все меньше, все больше необходимости посмотреть прямо реальности в глаза».

К. Богданов отметил, что любить литературу и судить о литературе – это разные вещи. Для того, чтобы дать оценку достойной книге как важной и нужной для литературного процесса, не обязательно в нее влюбляться и спать с книгой под подушкой. Он назвал две книги, которые помимо премии не стать бы читать. Первая из них «**Нью-Йоркский обход**» Александра Стесина. Автор – онколог из Нью-Йорка, описывает свой медицинский опыт работы в американских клиниках. По мнению К. Богданова, мы все живем в каких-то реальных ландшафтах и пространствах (для кого-то это Красноярск, для кого-то Питер), но также мы живем и пространстве воображаемом – между любовью и смертью. Книгу А. Стесина можно охарактеризовать как «пространство между смертью и Нью-Йорком. Далекий опыт человека-врача – это некоторое переживания того, что пространство моего передвижения и воображаемых путешествий каким-то образом коррелирует с его путем».

Вторая книга, по признанию Богданова, сначала ужаснула его своим названием – «**Мироныч, дырник и жеможаха**». Книга Софии Синицкой состоит из трех текстов, они не похожи в литературном отношении. Это удивительная вещь – «языком полусказки, языком полуфантастики говорить о том, что всегда с нами – о прошлом нашей страны. Это опыт, где соотносится страшное прошлое с прошлым наших детских воспоминаний – воспоминаний о сказке. Например, здесь один из поразительных текстов о кукольнике, который находится в концентрационном сталинском лагере. Мы знаем книги А. Солженицына, когда он говорит потому, что не может не сказать о том, что он хочет сказать. Это некоторая программа, манифест. Книга С. Синицкой написана не потому, что автор хочет манифестировать, а потому, что так она понимает отечественную и внутреннюю историю.

А. Пиотровски предложила две книги, с которыми будет приятно провести время: «**Про папу**» Евгения Никитина – сборник коротких автобиографических рассказов про жизнь эмигранта из Молдавии, и «**Вторжение. Краткая история русских хакеров**» Даниила Туровского. Тема русских хакеров обсуждается во всех странах. Автор рассказал историю о том, как молодые люди, в 90-е годы только учившиеся обращаться с компьютером, сейчас работают на большую политику и экономику. Здесь рассказывается о том, как вся эта индустрия развивалась и как эти люди сегодня влияют на жизнь

народов. В короткий список с рекомендацией «в дорогу» А. Пиотровски выдвинула книги Д. Туровского и А. Стесина.

Т. Венедиктова обратила внимание на три книги, в которых подспудно созревает большая, современная и малокультивируемая в русской литературе тема: «**Собиратель рая**» Евгения Чижова, «**Если есть рай**» Марии Рыбаковой и «**Поднебесный экспресс**» Кирилла Кобрина.

В первых двух произведениях речь идет о рае земном, «как бы надкусанном скепсисом и в то же время скомпроментированном сентиментальностью. И за этим маячит огромная тема – как нам всем жить в очень конфликтном, разнообразном, секуляризованном мире, где нет надежды на универсальную объективную истину, на коллективный прорыв к будущему, где все изменится и будет другим. Надежда только на индивидуальное воображение, на творческий ресурс, с которым работают эти авторы».

Для Т. Венедиктовой чтение книги М. Рыбаковой было очень странным опытом, потому что «сюжет обескураживает: это мелодрама и пародия на мелодраму одновременно. История бывшей советской женщины неопределенного возраста и занятий, с явно неустроенной судьбой. На улице Будапешта она знакомится с индийцем – бывшим семинаристом, коммунистом, социологом. Между ними происходит скоропалительная любовь, потом на его поиски она едет в Индию и там знакомится с неким соотечественником, пожилым и отталкивающего вида человеком, испытывающим чувство вины из-за того, что «стучал» на своих товарищей. Две уродливые души смотрятся друг в друга как в зеркало. В эпилоге выясняется, что героиня обрела рай, поскольку вышла замуж за соотечественника. Удивительно и странно, но то, как это написано, несмотря на внутреннее сопротивление, побуждает к сочувствию».

Психологический роман Ильи Чижова – о пожилой женщине, которая теряет память, о ее сыне, который «помнит все, что было не с ним. На самом деле это роман о невозможности свободы от времени, потому что все мы, как говорит герой, «влипаем в свое время», и оказываемся там не свободными. Всем нам необходима какая-то мера свободы от времени для того, чтобы творчески себя проявлять. О том, насколько это возможно, рассказывает роман.

«**Поднебесный экспресс**» К. Кобрина сначала воспринимается как хороший этнографический очерк об академической жизни в Китае. Чем дальше его читала Т. Венедиктова, тем отчетливее понимала, что это про бóльшее. В

некотором смысле «Кобрин пишет про ад, в котором мы обретаемся – когда нет другого, нет новизны. К этому аду легко привыкнуть, что мы и делаем, когда у нас срабатывает готовность к невниманию. То, что предлагает Кобрин – это очень пронзительная внимательность к мелочам плюс размышления историка, скептика и философа истории». Выбор Т. Венедиктовой: И. Чижов и К. Кобрин.

А. Наринская назвала авторов, книги которых не привели жюри к согласию при обсуждении в кулуарах. Роман Линор Горалик «**Все, способные дышать дыхание**», показался ей важным своей общемировой повесткой, а не только потому, что это «некое условное повествование о непонятном фантастическом мире, где заговорили животные. Это роман об отношении к другому. Что произойдет, если все люди, приезжающие сюда из среднеазиатских республик, из Сирии – в Европу, из Северной Африки – в Израиль и т.д., когда все эти люди в одно мгновение перестанут быть людьми, которых мы не замечаем, а обретут абсолютное равенство голоса вместе с нами? Как перестроится наша жизнь в этой некоей волшебной ситуации нового равенства? Образ, который предлагает Л. Горалик – настоящая глубокая художественная метафора по поводу того, что считается самым важным в мире».

Как считает А. Наринская, у книги Николая Кононова «**Восстание**» есть много недоброжелателей «в том смысле, как литература принимает в себя реальное событие. Это документальное исследование, на которое автор потратил много времени. Книга написана от лица одного из героев норильского восстания, который недавно умер, и от которого практически ничего не осталось. Это действительно полная попытка абсолютной эмпатии к реально жившему человеку без досочинения». Прочитавшая большое количество мемуаров, А. Наринская считает, что не бывает абсолютно правдивых воспоминаний. Однако книга Н. Кононова – это важная попытка создания воспоминаний за этого человека при максимальном уважении к этому человеку, без манипуляции им.

Последнее, что назвала А. Наринская – огромный том Александра Долинина «**Комментарий к роману Владимира Набокова «Дар**». Название премии позволяет говорить о новой словесности. «Комментарий» – не роман, но «его читаешь, не отрываясь, от начала до конца, не имея сам роман Набокова. «Комментарий» работает как самостоятельное произведение».

Когда А. Долинин говорит об источниках и загадках «Дара» – это не сор (вспомним строки А. Ахматовой: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи…»). Долинин приводит объявления в газетах, афиши спектаклей, повлиявшие на Набокова. Но он создает новый огромный гипертекст нашей любви к тексту Набокова. «Комментарий» – где-то в середине между текстом «Дара» и читателями. Там, где существует наша любовь к этому произведению. Задуманный как академический, «Комментарий» оказался произведением, демонстрирующем нечто гораздо высшее, чем комментирование непонятных мест из произведений Набокова».

Выбор «Комментария к роману «Дар» А. Наринской вызвал у жюри и экспертов оживленную дискуссию, перешедшую в горячий спор. При этом вспомнили и комментарии к «Евгению Онегину» Ю. Лотмана и Комментарии Р. Тименчика к произведениям Анны Ахматовой.

Выбор «Комментария» (как и «Восстания») поддержал О. Ликманов, отметив, что «сейчас другое время, не все сейчас читают комментарии (как это было с трудом Ю. Лотмана). Если мы эту книгу продвинем в короткий список, это все прочтут, и это будет справедливо для замечательной книги».

К. Богданов высказался против размещения «Комментария» в короткий список, сказав: «Зачем сравнивать зеленое с резиновым? Эта книга из другой оперы. Если бы она попала в любую филологическую среду, книга – фаворит. Но что делает она среди этих книг?»

И. Прохорова отметила важность разговора о сдвигающейся границе между художественным и академическим текстом. «Можем ли мы считать, что этот классический комментарий неожиданно переходит в сторону новой словесности, что произошла трансформация академического знания. «Комментарий» становится любопытным текстом почти художественного характера».

А. Наринская зачитала список предпочтений отсутствовавшего члена жюри Ю. Сапрыкина, куда вошли книги: «Комментарий к роману Набокова «Дар» А. Долинина, «Все, способные дышать дыхание» Линор Горалик и «Обитатели потешного кладбища» Андрея Иванова.

А. Архангельский высказал сожаление, что «проглядели книги «Центр тяжести» А. Поляринова и «Опосредованно» А. Сальникова. И. Прохорова также отметила, что «ни слова не сказано о книге современного художника

«Тайна нашего времени» П. Пеперштейна. А. Наринская напомнила, что вначале было 380 номинантов на премию и после большой работы члены жюри выбрали 16 книг, «важных для обсуждения, которые должны были оказаться в поле зрения читающей публики».

В сформированный шорт-лист вошли авторы: Н.В. Кононов, А. Долинин, К. Кобрин, А. Стесин, Л. Горалик, Д. Туровский, Е. Чижов, С. Синицкая. В конце января – начале февраля 2020 года состоится финал премии и награждение победителей. На сайте фонда Михаила Прохорова можно подробно познакомиться со всей информацией про премию НОС (www.prokhorovfund.ru/projects)

В завершение открытых дебатов И. Прохорова призвала всех следить за литературной премией «НОС», а главное – читать книги и формировать свое собственное мнение.

Презентация книги Дмитрия Захарова «Средняя Эдда»

На ярмарке традиционно прошли презентации книг отечественных и зарубежных авторов. Большая аудитория собралась, чтобы послушать автора романа «**Средняя Эдда**» Д. Захарова – писателя, сценариста, исследователя истории «закрытых» городов.

Роман-антиутопию можно воспринимать как манифест культурного сопротивления. Это история появления «русского Бэнкси», загадочного художника Хиропрактика, граффити которого напрямую касаются высших государственных чиновников – персонажей его рисунков. Помимо того, что это может быть оскорбительно для господ начальников, дело еще и в том, что после изображения персонаж граффити погибает каким-нибудь удивительным способом. Это становится тенденцией – если ты нарисован, то тебе уже не скрыться. Но пока одни с ужасом шарахаются от рисунков, как от «чёрной метки», другие уже готовы разместить у художника «заказ» на конкурентов.

Взбудораженная Москва ждёт новых жертв, а по следу Хиропрактика идут сотрудники «Конюшни» – первоклассного пиар-агентства для особых поручений. Среди них и главный герой, от имени которого ведется повествование. Когда-то он сам был связан с художественным подпольем, в прошлом имел отношение к различным культурным акциям. Он знает, что

двенадцатое граффити Хиропрактика принесёт «гибель богов», потерю главных людей государства. Но вот догадываются ли об этом сами московские «боги»?

По мнению модератора встречи А. Гаврилова, автор романа странным образом объединяет жанры арт-детектива и политического детектива, «говорит об арт через политику, а про политику – через арт».

Д. Захаров отметил очевидное явление, что «сейчас энергия (какой раньше обладал, например, русский рок) находится в другом виде. Мы видим, что арт-акционизм становится важной историей, важным высказыванием поколения. Здесь можно назвать художников арт-группы «Война», Покраса Лампаса, А. Лоскутова – создателя «Монстрации» и др. Эта новая форма говорения на важные социальные и политические темы. Поэтому мне кажется, что это не я выбрал эти темы, а они объединились сами собой, а я немножко про это написал».

Большое оживление в зале вызвали вопросы о смелости и бескомпромиссности автора, а уже прочитавшие роман пророчили ему в будущем всяческие премии.

Презентация книг Алекса Капю «13 правдивых историй», «Жизнь прекрасна»

Из зарубежных авторов больше всего запомнились презентации книг современного швейцарского писателя **А. Капю** «13 правдивых историй» и «Жизнь прекрасна»

Алекс Капю родился в 1961 году в Нормандии, его отец – француз, а мать – швейцарка. В 1966 году он вместе с матерью переехал в швейцарский город Ольтен, где живет сейчас. Алекс прекрасно владеет немецким, швейцарским, французским, итальянским, английским языками. В Базельском университете он изучал историю, философию и этнологию, а по окончании учебы работал журналистом и редактором. С 1994 года пишет романы и рассказы на немецком языке, которые удостаивались разных литературных премий.

Реальные истории у него переплетаются с вымыслом, Капю любит «раскапывать» истории людей, стоящих как будто на обочине всемирной истории, но сыгравших в ней немаловажную роль или ставших свидетелями чего-то необыкновенного. Свидетельства, биографии и характеры делают этих

людей интересными для писателя. Он тщательно сопоставляет скупые факты и реконструирует историю жизни. Историческое образование дает себя знать – Алекс никогда не обманывает читателя в фактах, которые имели свое место в реальной жизни.

Например, на презентации книги «13 правдивых историй» Алекс рассказал свою любимую историю про Хорхе «Гео» Чавеса (1887-1910) – летчика, который первым совершил перелет через Альпы и вошел в историю авиации.

Выходец из богатой семьи, денди и прожигатель жизни в Париже, Гео Чавес не видел смысла в своей жизни. Но когда началась эпоха самолетостроения, он увлекся самолетами. Неоднократные аварии не охладили молодого человека, пионер летного движения постоянно стремился к рекордам дальности и высоты. Однажды он решил перелететь через высокие горы. Ради этой цели оставил всех влюбленных в него прекрасных актрис и танцовщиц, всех своих друзей и поехал в Швейцарию. Альпы в то время представляли непреодолимый барьер, полет над ними был большим вызовом и дерзостью. Никто еще не летал над этими горами из-за неблагоприятных факторов: турбулентности и опасных ветров. Чавес неделями ждал подходящего ветра, а в это время среди представителей местной религиозной общины росло недовольство и протест против летчика, потому что его полет считали святотатством.

В конце концов, Гео Чавес дождался подходящего ветра, взлетел под аплодисменты тысяч зрителей и перелетел через Альпы в сторону Италии, закладывая в воздухе прекрасные виражи. Конечно, это был очень опасный полет, ведь самолет был хлипкой конструкцией из дерева и ткани. Летчик удачно перелетел через Альпы, но незадолго перед приземлением на итальянской стороне допустил какую-то мельчайшую ошибку. В результате Чавес упал с высоты восьми метров. Самолет разбился, сломавшего ногу летчика увезли в больницу. Травма была не опасной для жизни, но в больнице он впал в кому и умер. Как считает автор книги, умер от страха Божьей кары, от понимания того, что совершил святотатство. Потому что, хотя говорил о своем атеизме, но все-таки он вырос в католической среде и это не так просто вытравить.

Алекс Капю объяснил различие подхода историка и писателя. При описании жизни Гео Чавеса с позиции историка, он был бы привязан к датам и фактам, мог только показать свидетельство о рождении Чавеса, приложить

билет на пароход, с которым он прибыл во Францию, а также газетные статьи о том, как Уго жил в Париже и как разбился около итальянского городка. К этому ему больше нечего было бы добавить. К тому же историку всегда необходимо определенное смирение, «нужно исходить из того, что ты никогда не будешь в состоянии достигнуть какой-то окончательной версии, окончательной правды».

Как писатель, он смог позволить себе некоторые вольности и подробности, «сказать: «возможно, было так, а может быть, иначе». Но без частных подробностей нельзя рассказать интересную историю, на этом базируется сторителлинг. Писатель может привести причинно-следственную связь, показать, в чем заключается человеческая драма, а ведь только это и вызывает интерес. Допустим, версия про католицизм, из-за которого так сильно было потрясение Уго Чавеса и его страх перед Божьей карой – это предположение Алекса Капю («Гео Чавес про это ничего не сказал, он умер и ничего не сказал»).

Действительно, чтобы рассказать хорошую историю, нельзя обойтись без утверждения чего-то от себя, со своей точки зрения. Возможно, в этом и заключается причина того, что история постоянно переписывается: каждое поколение переписывает историю под себя, свой взгляд и точку зрения. По словам Алекса, «правда в этом случае в глазах смотрящего, и любой другой писатель на моем месте на основе этого же материала написал бы совершенно другую историю».

Дальше разговор зашел о рассказе Алекса Капю «Злосчастный карнавал в Базеле». Как сказал ведущий встречи, Станислав Городецкий, на этом рассказе нужно остановиться по двум причинам: во-первых, на презентации присутствовала переводчик рассказа Анна Торгашина, а во-вторых, встреча с Алексом на КРЯККе стала возможной, благодаря базельскому культурно-образовательному центру «Философикум» (Philosophicum.ch).

«Злосчастный карнавал» – это история о том, как во время карнавала 1376 г. жители Базеля «поколотили свиту герцога Леопольда из династии Габсбургов, и как гордый город в излучине Рейна чуть не превратился в захудалую австрийскую провинцию». В конце XIV века Базель был не культурно-образовательным центром и университетской столицей как сегодня, а был «Содомом и Гоморрой». В общественной полиции состояли 10 человек (на 10 000 жителей). И однажды габсбургский герцог Леопольд III решил

вместе с сотней своих рыцарей приехать и устроить рыцарский турнир. Но ничего хорошего из этой идеи не получилось. Сам Леопольд едва спасся, в отличие от своих рыцарей. Что же там произошло и чем закончилось, можно узнать, прочитав книгу «13 правдивых историй».

В другой день Алекс Капю представил свои романы «Королевские дети» и «Жизнь прекрасна». Первый роман – о двух парах влюбленных, разделенных несколькими столетиями. Когда главные герои – Макс и Тина застревают в своей машине на заснеженном альпийском перевале, Макс начинает рассказывать историю, случившуюся на том же месте во времена Французской революции. Приключения бедного пастуха Якоба и богатой крестьянской дочери Мари писатель мастерски переплетает с историей пары, застрявшей в горах.

Рамочная конструкция романа не случайна. Алекс хотел добиться особого звучания, чтобы роман воспринимался так, как будто кто-то рассказывает историю. Но важно и то, что помимо рассказчика здесь есть другое лицо, и между ними происходит диалог – Тина сомневается в правдивости рассказа, задает какие-то вопросы, таким образом создается некая диалектика. Автор пользуется этим способом, чтобы продекларировать неопределенность, говорит, что «наверняка мы знаем очень немногое». Кроме того, трудно представить в жизни такую ситуацию, когда кто-то рассказывает историю шесть часов подряд, а другой человек его с удовольствием слушает. Вот поэтому он поставил героев в особенную ситуацию изоляции на занесенном снегом перевале.

В романе «Жизнь прекрасна» Алекс Капю описывает современную повседневность. Повествование ведется от лица Макса, который управляет баром, «пишет книгу ни о чем» и испытывает сомнение – нужно ли это делать, ведь уже написано много прекрасных книг и даже жизни не хватит, чтобы их перечислить. Во время телефонного разговора с женой Тиной он признается, что балансирует между «обыденностью малозначимого» и «простотой прекрасного». Может быть, не надо украшать жизнь искусством как рождественскую ёлку, а просто наблюдать простые истины, будничную красоту жизни.

Алекс Капю признался, что причина, по которой он сам руководит баром в Ольтене в том, что ему хочется делать «что-то осязаемое, что-то реальное, результаты которого видны сразу. И, раздумывая о своей писательской

деятельности, в периоды сомнений я часто прихожу к выводу о том, что надо стремиться делать повседневную жизнь в самых обычных бытовых проявлениях прекрасной, вместо того, чтобы жить ужасной жизнью во имя чего-то эфемерно прекрасного. Но с другой стороны, красота искусства заключается именно в его бесцельности и непрактичности».

Интересно было узнать его впечатление о встречах с читателями на Красноярской книжной ярмарке. Действительно, поскольку книги Алекса переведены на 30 языков, он побывал во многих странах и заметил разницу в читательской аудитории разных стран. Например, в российских читателях он отмечает гораздо больше интереса и внимания к его книгам, чем в Германии. Там тоже проводятся читательские встречи и конференции, но «уже через 10 минут всем нужно куда-то бежать по делам или за покупками». По его мнению, в России «выше внимательность, оригинальнее вопросы (в Германии и Швейцарии все время одно и то же спрашивают), интеллектуальный климат более волнующий». После встречи у стенда швейцарской литературы выстроилась длинная очередь из желающих приобрести книги Алекса Капю, взять автограф у доброжелательно настроенного автора, сфотографироваться с ним на память.

Детская программа

Многочисленные презентации и занятия прошли в рамках детской программы ярмарки.

Андрей Черкасов. Занятие по книге О. Сотникова «Дрейф на льдине

Занятие по книге Олега Сотникова «**Дрейф на льдине: папанинцы**» издательства «Настя и Никита» провел А. Черкасов, выпускник Литературного института имени А. М. Горького, участник Лаборатории медиапоэзии. За экспедицией папанинцев на Северный полюс следил весь мир, ведь до этого освоение Арктики считалось невозможным. За десять месяцев зимовки на дрейфующей льдине (с 21 мая 1937 по 19 февраля 1938 года) четверым отважным героям удалось сделать для науки столько, сколько не снилось ни одному научному институту.

На занятии ребята прослушали рассказ о том, какое снаряжение использовали папанинцы, какие научные эксперименты они проводили и чем все закончилось. Например, проверяя перед экспедицией палатку, исследователи неделю жили в подмосковном лесу и выявили её серьезный недостаток – ветром в палатку задувало снег. Папанин поменял чертежи и сделал тамбур, задерживающий снег. Сама палатка была сделана из прорезиненной двухслойной ткани, между слоями которой был толстый пласт удерживающего тепло гагачьего пуха. Неслучайно палатка была черного цвета, именно этот цвет поглощает тепло солнечных лучей. Чтобы уберечь полярников от замерзания на льду, палатка стояла на надувной подушке-прокладке.

А. Черкасов рассказал, что у папанинцев было много самых разных вещей и оборудования. Они предусмотрели и взяли с собой все необходимое для экспедиции: теплую одежду на гагачьем пуху, фотокамеру для фиксирования наблюдений, микроскоп, сани для передвижения груза и многое другое.

Одной из самых важных вещей была лебедка. Исследователи Арктики пробурили буром 4-х метровый лед и установили лебедку для того, чтобы сеткой поднимать обитателей океанских глубин. Раньше считалось, что Северный Ледовитый океан настолько холодный, что там никто не может жить. Но когда вытащили сетку, исследователи увидели в ней рыб, ракообразных и разных других мелких животных.

Еще одной проблемой была еда, потому что подвоза продовольствия на дрейфующую льдину быть не могло. К тому же никто не представлял – сколько может продлиться дрейф. Поэтому Папанин заказал запас продовольствия на два года. Основу питания составили концентраты (бульонные кубики). При разведении сухого концентрата водой получался суп или каша. Также они взяли с собой готовые, но долго непортящиеся продукты – сало, шоколад, черную икру. Об этом и многом другом рассказывает книга О. Сотникова «Папанинцы. Дрейф на льдине», посвященная дрейфующей экспедиции «Северный полюс – 1».

Алла Белова. Занятие по книге «Все делают ЭТО!»

Интересная встреча состоялась с автором и иллюстратором необычной энциклопедии «**Все делают ЭТО**!» **А. Беловой**. Она рассказала о том, как возник замысел смелой книги, в которой сочетаются реальные научные факты о метеоризме, смешные истории и яркие иллюстрации.

Алла родилась в семье художников в г. Ярославле. С раннего детства она много рисовала, а повзрослев, несколько лет занималась в ярославской художественной школе. С гуманитарными науками у нее всегда были сложные отношения, а вот математика давалась легко. Благодаря бабушке – кандидату технических наук – она научилась умножать и делить раньше, чем читать. После школы закончила с красным дипломом математический факультет университета. Обожая математику, Алла считает ее «творчеством в высшей степени». Но потом в качестве подработки ей пришлось заниматься восстановлением фотографий С. М. Прокудина-Горского и с этого началось её возвращение в искусство. Алла провела несколько месяцев в Лондоне, где общалась с художниками и иллюстраторами, занималась дизайном.

После возвращения в Ярославль она часто посещала мастер-классы и интенсивы в Москве, считая, что главное для иллюстратора – «найти то, что ты умеешь рисовать с любовью и передавать эту любовь другим». Детскую иллюстрацию она воспринимает как «возможность творить волшебство, используя все навыки и умения».

Приняв решение стать иллюстратором-иллюстратором детских книг, Алла училась на курсе «Иллюстрация» в «Британке» (Британской высшей школе дизайна) у Виктора Меламеда. Задачей курса было придумать детскую развивающую книгу. Алла захотела сделать книгу про пищеварение, и уже на первой картинке нарисовала волка, съевшего Красную Шапочку. Но когда стала изучать пищеварение основательно, случайно наткнулась на 10 интересных фактов про газообмен и эта тема ее захватила: «Я так много смеялась и удивлялась, что было решено, что об этом должен знать мир». Далее был период набора информации, раскадровки в цвете и др. С момента начала до выхода книги прошло 11 месяцев. За это время была проделана колоссальная работа Аллы и издательства «Самокат», арт-директору которого сразу же понравилась идея и смешные иллюстрации художницы. Так из дипломного проекта получилась провокационная книга «Все делают ЭТО!», где деликатная тема представлена с большим тактом и тонким юмором. На финальных этапах в

жизнь книги вошел Борис Войцеховский и придумал легкий, веселый и научный текст в виде беседы ученого с принцессой.

Научный редактор книги Дарья Саркисян проверила все факты, внесла исправления. Если факт научно не подтверждался, уже нарисованные развороты безжалостно удалялись и добавлялись новые. Позже на ресурсе «Медуза» Дарья выпустила очень смешной тест на знание биологических особенностей живых организмов, от которого хочется улыбнуться, но ничего неприятного или противного в этой информации нет.

Алла рассказала несколько поразительных историй. Например, такое насекомое как личинка бисерной златоглазки питается термитами, превышающими ее по размеру в несколько раз. Причем сначала она парализует их токсичным газом, а когда они засыпают, она их съедает. От других хищников защищается, выделяя неприятный запах, стоит только к ней притронуться.

Ленивый ламантин в состоянии всплыть и нырнуть даже без заметного движения ластами. Оказывается, он регулирует свою плавучесть с помощью распределения кишечных газов: задерживает их, когда надо всплыть и выпускает, когда пришло время нырнуть. Сделать это помогает расположенная ближе к легким диафрагма ламантина, которая гораздо больше и сильнее, чем у других животных. На YouTube есть видео того, как он это делает.

Алла заинтересовалась сложным биологическим механизмом газообмена, интересными фактами – почему это так происходит, какие способы есть у животных и т.д. Она нарисовала книгу, потому что у нее прекрасно выходит комическая иллюстрация, а кроме того, «тут есть где развернуться, делают ЭТО и правда все, от принцесс – до насекомых».

Сейчас Алла заканчивает еще одну научную детскую книгу и в ближайшее время отправляет ее в печать. Содержание уже проверено специалистами, сделаны все эскизы с уточненными сведениями. «Все млекопитающие делают это» рассказывает об эволюции млекопитающих, о том, как появилось молоко и как матери кормят своих детенышей. Всего издательством «Самокат» задумано выпустить шесть научных книг для детей. После книги о млекопитающих будет написана и нарисована книга про волосяной покров – почему цвет шерсти и волос такие, какие они есть. А на прощание Алла подарила рисунок читающего львенка, делающего ЭТО.

Театральная программа

Большой блок мероприятий состоялся в рамках **театральной программы** ярмарки.

Спектакль «Пушкин и деньги»

С большим успехом прошел спектакль с артистами TEATP.DOC. Спектакли этого московского театра документальной пьесы созданы на основе подлинных свидетельств реальных людей.

«**Пушкин и деньги**» – первая серия образовательного театрального сериала-проекта «Слово и вещь». Это попытка представить жизнь поэта в материальном мире, понять эпоху и человека через быт и материальную культуру. Впервые «Пушкин и деньги» (режиссер Анастасия Патлай, драматург Нана Гринштейн) был показан на Ночи Музеев в 2015 году.

Спектакль построен в виде интерактивной театрализованной лекции-беседы. На первый взгляд, здесь все сделано максимально просто: актеры разговаривают друг с другом, легко общаются с залом, задают зрителям вопросы и шутят. Но при этом с каждым словом, осмыслением какой-то жизненной ситуации зрителям становится понятнее быт и нравы пушкинского времени.

В начале действия все маленькие зрители с уверенностью сказали, что Пушкин – великий русский писатель, успешный и знаменитый. Но потом им предложили представить, что в 2019 году «среди нас живет современный модный писатель Алекс Пушкин, по каким показателям вы определите его успешность?» Школьники уверенно ответили, что у него должен быть «миллион подписчиков, тысячи просмотров и лайков, арт-хаус» и чтобы непременно «он был другом Путина». А самый главный показатель успешности – деньги в большом количестве.

Разговор перешел на подробное изучение условий пушкинского времени, например, стоимости разбитой его младшим братом Лёвушкой рюмки с мадерой. Артисты задавали зрителям вопросы о предполагаемой стоимости лимона, килограмма чая, крепостного мальчика. Сколько стоило доехать на извозчике от Аничкова моста до лицея в Царском селе, и почему юный Пушкин преодолевал это расстояние в 27 км пешком? Чем бережливость отличается от скупости и можно ли считать прототипом «скупого рыцаря» отца поэта, Сергея

Львовича? Особая тема – история женитьбы Пушкина, его согласие оплатить приданое своей красавицы-невесты, а также полученная молодоженами в подарок статуя Екатерины II и многое другое.

В результате интересного разговора-исследования, прозвучавших стихов и фрагментов писем Пушкина к родным и друзьям, зрители все больше видели в нем живого человека с его проблемами и заботами. Отсутствие денег, долги, необходимость литературным трудом зарабатывать средства для семьи, «беспокойство о существовании» – все эти вопросы приблизили зрителей к пониманию жизни Пушкина-человека и творца.

Судя по активной реакции зала, многие после увлекательного спектакля захотели перечитать произведения А. С. Пушкина, книги о нем и той эпохе. Меня своеобразное путешествие в материальный мир XIX века побудило к изучению альбома-каталога выставки «Деньги – Пушкин – Деньги», которая прошла в Государственном музее А. С. Пушкина к 210-летию со дня рождения великого поэта в 2009 году.

Во время ярмарки в локации «Занавес» самые маленькие гости могли посмотреть несколько увлекательных спектаклей: «**Очень голодная гусеница**» по книге американского детского писателя и художника Эрика Карла, «**Ёжик-иголка**» по сказкам Сергея Козлова и другие.

Во время представления «**В мире сказок**» артисты в ярких национальных костюмах с помощью кукол различных конструкций продемонстрировали сказки Шотландии, а также африканские, индийские и японские сказки.

Искусство на КРЯККЕ

Катя Гущина. Трэвел-буки – искусство реального и воображаемого путешествия

Интересно было познакомиться с творчеством художницы и мастера трэвел-буков Кати Гущиной. Она делает подробные зарисовки во всех путешествиях, фиксирует наблюдения, впечатления и эмоции. Она – автор скетчбука «Москва-Владивосток» про Транссибирскую магистраль, и во время встречи «**Трэвел-буки – искусство реального и воображаемого путешествия**» с удовольствием поделилась своим опытом скетчинга и историями, которые случались в пути.

Оказывается, воображаемые путешествия начались у Кати с детства, когда она приходила в гости к дедушке – знаменитому археологу, у которого в разных местах квартиры хранились коробки с наконечниками стрел, каменными изваяниями и другими интересными мелкими вещами. Бабушка заваривала им в походном термосе чай, делала бутерброды с колбасой и они «отправлялись в путешествие» – ходили из комнаты в комнату, как будто от одних раскопок к другим, доставали из коробочек предметы и дедушка рассказывал – где и что они откопали. Пили чай и ели бутерброды у очередного «раскопа», и так путешествие затягивалось иногда на несколько часов. От дедушки Кате досталась «некая страсть к преподаванию, и очень долгая тяга, которая ведет меня на Дальний Восток». А от бабушки – архитектора передалось умение хорошо и с удовольствием рисовать.

В семнадцать лет Катя переехала в Москву, став студенткой Школы дизайна в Высшей школе экономики. Когда на первом курсе получила задание – целый год вести блокнот-скетчбук на какую-то конкретную тему – она выбрала тему путешествий и решила нарисовать дневник человека, проезжающего по Транссибу. Главным подспорьем стал интернет: статьи и фотографии топ-блогера ЖЖ Сергея Сигачёва (http://periskop.su), веб-энциклопедия «Транссибирская магистраль» (https://transsib.ru), а также воспоминания друзей и знакомых и др.

В дневнике Катя рассказывала о населенных пунктах по пути следования, давала советы, что из еды или местных сувениров купить на станции, какие достопримечательности посмотреть во время стоянки поезда. Особое внимание

она уделила жизни в поезде и атмосфере плацкарта. Скетчбук быстро стал популярным в интернете и, по выражению Кати, «доходило до смешного: блогер выложил его на своем сайте с вопросами, что какая-то станция появилась позднее, а эта уже была снесена, не понятно, в каком году она путешествовала. И все сидели и гадали, потому что не могли по картинкам догадаться, что я все срисовала с его блога».

Самое огромное эстетическое влияние в процессе рисования на нее оказал фильм «Moonrise Kingdom» («Королевство полной луны»). Если посмотреть фильм и послушать саундтрек к нему, можно понять настроение книги «Москва-Владивосток». Лучше всего вдумчиво пролистать скетчбук под музыкальные фрагменты, «а самый кайф было под это все рисовать». Удивительно, что для нее эстетика фильма, его пастельные тона, оттенки желтого цвета и красивые мелодии настолько ассоциировались с Владивостоком, что когда она прилетела в город, то подумала: «Если с первых шагов трапа самолета не начнет играть Бенджамен Бриттен, я развернусь и полечу обратно. Иначе это будет не Владивосток».

Книгу можно перелистывать и при этом вести пальцем по нарисованным железнодорожным путям. Когда в Центре Мейерхольда впервые были выставлены все зеркальные развороты книги в одну линию, получилась «извилистая дорога» двенадцатиметровой длины. Книга стала популярной в интернете, многие захотели ее приобрести. Но никаких предложений от издательств в тот момент художница не получала. Потом выяснилось, ее просто не могли найти, потому что «я не светилась нигде, мне было комфортно в своей неведомой раковине-скорлупе». Однажды православное издательство предложило напечатать книгу в «безалкогольном варианте», с условием, что она уберет из книги все бутылки, сигареты, карточные игры и т.д. Это было неприемлемо, потому что слишком многое в замысле пришлось бы поменять. Один известный бар предложил купить у нее несколько разворотов и столько же раз вкусно покормить. Прошло полтора года, проект так и не становился книгой, а Катя продолжала учиться и в то же время занялась картографией.

В один прекрасный день она познакомилась с известным фотохудожником Антоном Ланге, автором фото-проекта «Россия из окна поезда». В течение трех лет он путешествовал в выделенном РЖД вагоне-лаборатории везде, где только есть железная дорога, и фотографировал все по пути следования. Десятки тысяч фотографий и уникальный киноматериал стали основой для

серий одноименного фильма и выставок. А. Ланге предложил Кате помощь, дал полезные советы, поддержал морально как единомышленник.

В конце концов, книгу «Москва-Владивосток» выпустило издательство «Комильфо» – один из самых крупных комикс-печатников. Но еще раньше вышла её автобиографическая книга «Сумасшедший год» (издательство «Эксмо-Пресс»), в которую вошли описания самых ярких событий за год, в том числе – путешествие в Иран. В эту страну она попала в составе экспедиции студентов и преподавателей, организованной Школой культурологии. Художницу пригласили для того, чтобы она рисовала в тех местах, где запрещено фотографировать. Для культурологов было необходимо зафиксировать особенно важные моменты.

Путешествие было непростым: на границе чуть не отобрали спиртовые фломастеры (в Иране алкоголь запрещен), девушкам нельзя было ходить без хиджаба («всем пришлось в какой-то момент слиться с платком») и т.д. Но из поездки она привезла около 60 замечательных рисунков. Это было «настоящее некое продолжение идеи рисования в путешествиях, я хотела нарисовать путешествие, и в итоге отправилась в самое настоящее, странное и страшное путешествие». Чтобы лучше понять ситуацию в Иране, Катя посоветовала всем прочитать потрясающую графическую книгу «Персеполис» Сатрапи Маржан.

Она рассказала про поездки с культурологами в Дагестан, где на нее произвел огромное впечатление старейший город Дербент (он впервые упоминается в VI в. до н.э.), про встречи с интересными людьми, полеты на параплане над горами. Самое удивительное, невероятное и далекое путешествие случилось в начале мая 2019 года, когда она снова поехала с культурологами в Магадан. Это путешествие было «крышесносное и оно очень сильно подготовило меня к Владивостоку своим простором и силой ветра. Потому что в Магадане очень ветрено и холодно». Со временем Катя поняла, что быть только экспедиционным иллюстратором недостаточно, она научилась брать интервью, работала с личными историями новых знакомых.

Уже довольно продолжительное время Катя занимается картографией. Считая себя настоящей нижегородкой, она сделала скетч-карту центра Нижнего Новгорода. На выполненной в черно-белой графике карте изображено несколько церквей, укромные городские закоулки, дворы и дома. А главное – это тоже «история про меня: про маршруты в школу, когда разными путями

можно дойти за 3-10-15 минут, бегом через гаражи или по нормальной дороге. Каждое здание здесь подписано, и это истории про нижегородское детство».

Еще одна нарисованная карта принесла Кате особенную известность – выполненная в синих оттенках алкогольная карта «Москва синяя». Карта появилась как результат работы над университетским проектом, посвященным бренду Москвы. Художница нарисовала карту района Китай-город, где отметила все бары, рестораны и рюмочные, а также записала советы опытных алкоголиков. Здесь прорисованы три маршрута: «Дешевый», «Дорогой» и «Напиться быстро». На обратной стороне карты – гид по удобным скамейкам, на которых можно поспать до открытия метро.

После интересного рассказа про скетчбуки, карты и путешествия Катя провела для всех желающих мастер-класс «Рисуем карты», на котором помогала создавать авторские карты. Собственная карта – лучший способ исследовать город! Можно рисовать карту двора, улицы, района или исторического центра или детской площадки. А потом на свой выбор нанести на неё важные места и объекты. Двух одинаковых карт на занятии быть не могло.

На обычном листочке альбомного формата нужно было за пять секунд произвольно и стремительно нарисовать извилистую линию – воображаемый путь к стенду Кати. Потом мы сделали маленькую книжечку: трижды сложили лист пополам, хитрым образом надорвали сгиб, согнули, перевернули, немного волшебства… и получилась книжка с тремя разворотами: откуда мы идем, наш путь и про то, куда мы пойдем. При перелистывании страниц можно было видеть линию – запутанный, но непрекращающийся «маршрут».

Катя посоветовала обратить внимание на сайт Пинтерест (Pinterest) – всемирный каталог идей, онлайн сервис визуальных закладок, социальную сеть для творческих людей. С его помощью пользователи могут добавлять в режиме онлайн изображения, помещать их в тематические коллекции, делиться с другими пользователями. Пинтерест «сохраняет все картинки, которые вам нравятся, а потом он подкидывает все больше новые картинок, исходя из сохраненных». Здесь можно найти и воплощать в жизнь интересные идеи.

Место на пересечении линий нужно было обозначить как «дом», а затем выбрать и нарисовать фломастером другого цвета три какие-либо объекта: большое здание, зоопарк или вывеску. На развороте «наш путь» нужно было нарисовать три вещи, которые «вы встретили в пути» (я нарисовала

привокзального льва, башенные часы «Биг Бен» и очень примерно – здание выставочно-делового центра «Сибирь»), то есть я «пришла» с железнодорожного вокзала на красноярскую ярмарку книжной культуры.

По словам Кати, «сейчас на картах изменился масштаб: сначала мы смотрели на путь сверху, потом стали смотреть чуть поближе, а сейчас будем смотреть совсем-совсем близко». Мы «пришли» к воображаемому «дому» Кати и услышали его описание. Последний разворот нужно было наполнить тем, что есть возле дома. Например, она рассказала, что возле ее дома много доставщиков еды в желтых и зеленых плащах. Их нужно было рисовать как паттерн – «они могут быть просто как такие шарики с ручками и ножками, главное, чтобы их было много» (паттерн – набор элементов в дизайне, повторяющихся в определенном порядке). Идем дальше мимо дома. Следующее задание – нарисовать два дерева: одно повыше, другое – пониже. Катя продолжает: «Около моего дома живет большая воображаемая лошадь, она поменьше дерева. И, наконец, у моего дома живет привидение. Где точно, я не знаю, оно может появиться в самом неожиданном месте, например, из-под копыт лошади или из-за доставщиков».

Наконец, нужно было нарисовать что-то такое, без чего не отправляются в гости. Катя попросили «принести» ей что-нибудь красноярское, сибирское».

Итак, что узнали участники мастер-класса? Что самое главное – это не место, куда мы попадаем, а путь, который проходим. После занятия все отправились к ее стенду «Мой дом», на котором она разрешила дорисовать все, что кому хотелось. Катя показала свои блокноты с интересными зарисовками. Особенное внимание привлек блокнот с путешествием в Магадан. В экспедиции Катя вела соцсети, много рисовала и брала интервью у министра молодежной политики и у студентов. Она также вспомнила отдельные эпизоды путешествия в Иран, сказала, что «страна потрясающе интересная и гостеприимная, каждый встречный готов тебе помочь, но существуют очень жесткие определенные законы».

На прощание она дала всем участникам автограф на созданных авторских картах – нарисовала свой силуэт с приветственно поднятой рукой и поставила буквы «К. Г.». Любопытное совпадение, но Катины мама и бабушка какое-то время назад жили в 100-квартирном доме. Ее бабушка была главным архитектором Новосибирской области, а потом семья переехала в Нижний Новгород. Катя сказала, что мечтает побывать в Новосибирске летом, потому

что очень тяжело переносит морозы. Будем надеяться, что эти планы осуществятся и, возможно, ее следующий увлекательный скетчбук будет посвящен Новосибирску и его достопримечательностям.

Анна Десницкая, Александра Литвинова. Транссибирский экспресс

Огромный интерес у гостей ярмарки вызывали баннеры с разворотами новой детской книги «**Транссиб. Поезд отправляется**», в которой рассказывается о 38 населенных пунктах. Книга вышла в издательстве «Самокат», работали над ней художница Анна Десницкая и писательница Александра Литвина. Она основана на рассказах местных жителей, в основном детей. 76 человек из 36 городов и посёлков откликнулись на пост в социальных сетях, прислали ответы и фотографии, ставшие основой для рисунков А. Десницкой. На ярмарке яркий разворот с пространством плацкартного купе постоянно притягивал и взрослых, и детей. Все стремились сфотографироваться за столиком, посматривая в экран «окна» или разглядывая с улыбкой колоритных нарисованных соседей.

Дмитрий Цветков. Локальные истории Красноярского края
Арт-проект «На районе. Локальные истории»

В холле традиционно разместился арт-проект московского художника Дмитрия Цветкова «**Локальные истории Красноярского края**», в котором автор хотел показать, что любая локальная история превращается в глобальную. Разглядывая баннеры можно было видеть, что маленькое поселение выросло в огромный современный город Красноярск, старинный завод развился в новейший промышленный комплекс, а одежда северных красавиц стала востребованной на подиумах законодателей мод. Традиционно на обороте баннеров все желающие выражали впечатления от ярмарки, записывая отзывы.

Еше один арт-проект художника носил название «**На районе. Локальные истории**». На больших плакатах была изображена шуточная мозаика из достопримечательностей, сцен из городской жизни и гигантских нот со словами народных песен. Целый ряд печатных машинок разных времен и фирм-изготовителей был постоянно занят посетителями ярмарки, которые печатали

свои истории, шутки, рассказы и прикрепляли их потом на стенде. Разглядывая рисунки и тексты, многие не могли удержаться от улыбки, оценивая грмотность и юмор в этих произведениях краткого жанра. Особенно увлеченно занимались машинками дети, они впервые столкнулись с такими техническими раритетами, внимательно слушали объяснения родителей и следили за процессом заправки печатной ленты.

Выставка «Размышления о городе»

Обязательно нужно рассказать о необычной выставке, на которую активно отреагировали многие посетители. Выставка **«Размышления о городе»** была создана красноярскими подростками под руководством кураторов из Музея современного искусства ПЕРММ (г. Пермь). Неделю они обсуждали и пытались сформулировать то, какие чувства испытывают подростки к городу, что думают о нем, видят ли себя здесь в будущем или мечтают поскорее уехать в столицы или заграницу. В результате встреч получилась выставка-высказывание об отношении к городу. Каждый подросток создал арт-объект, попробовал себя в качестве современного художника и экскурсовода, когда проводил экскурсию для друзей и посетителей КРЯККа.

Одну из подробнейших экскурсий провела Мария Игнатова. Ее работа «Скука/Интерес» представляла собой карту города в черном цвете, процарапанную в некоторых местах. Мария объяснила, что каждый день ходит по одному и тому же маршруту из дома в школу и обратно. Этот надоевший путь затерт до дыр, и город как будто состоит из одной привычной серой дороги. Но с другой стороны, она любит исследовать город и идти новыми дорогами, гулять в новых парках. На её карте еще много темных пятен, где может быть что-то интересное.

Арт-объект Вероники Староверовой «Запутанность» состоит из клубков белого и черного цвета, запутавшихся нитками. Белые нитки – это все её хорошие воспоминания, добрые люди и все плюсы города, из-за которых она не хочет никуда уезжать. Клубок с черными нитками олицетворяет все плохое, это все ограничения Красноярска, из-за них она не хочет оставаться в городе. Все сплетается, запутывается и пока нет ответа на вопрос – уехать или остаться.

Работа Алены Матлай называется «Тепло и холод». В вертикальной коробке сделаны два круглых отверстия, одно из них устлано внутри ватой,

другое – колючей мочалкой. В отверстие нужно просунуть руку и испытать разные ощущения, с которыми девушка ассоциирует Красноярск – душевное тепло от родного дома, заботы близких людей и холод, исходящий от некоторых грубых и злых горожан.

Особенно привлекал посетителей выставки арт-объект Ангелины Богдан «Неизвестность». За стеклом внутри куба была размещена фотография девушки, но разглядеть ее лицо было невозможно. Так она представила проблему выбора профессии и жизненного пути. Ангелина еще не знает – кем она будет через некоторое время, сможет ли достичь всего, чего хочет. Пока она не видит себя в будущем…

Поскольку на встречах с пермским куратором ребята много говорили о городе, в результате коллективного обсуждения возникло два объекта «Огни» и «Черное небо». Идея первого состоит в том, что подросткам нравятся праздничные фейерверки и вечерняя городская иллюминация. Свет огоньков (внутри куба загоралась и мигала гирлянда) делает Красноярск уютным и радостным, собирает на праздники многих жителей.

Вторая коллективная работа была посвящена городской экологии. Внутри куба, затянутого пленкой, была различима только чернота. «Черным небом» в Красноярске называют состояние, когда город погружается в смог из-за вредных выбросов в атмосферу. Жители города остро переживают это состояние, они волнуются за здоровье свое и близких людей. Также этот объект – отсылка к тем масштабным лесным пожарам, что случились в Сибири прошлым летом. Небо в те долгие дни было затянуто дымом, а в воздухе ощущался запах горелого.

На черных стенах выставки можно было видеть тексты, которые появились во время обсуждения концепции выставки. Мария сказала, что они представили Красноярск в виде дома, населенного жильцами, и описали, как выглядит этот дом, какие там звуки, запахи, жильцы. Все свои предположения ребята написали на стенах. Здесь же, под заголовком «Город, который я чувствую» каждый желающий описывал на листке бумаги чувства, которые у него вызывает Красноярск. На некоторых листочках можно было прочитать: «Радость», «Разочарование, тоска, обида, нереализованные мечты», «Замкнутость и запутанность», «Свободу, счастье, вдохновение», «Отсутствие экзистенциального кризиса», «Для меня Красноярск как Мальдивы», «Красноярск – вещь в себе».

Игры

Игра «74. Настольная игра по советской истории»

На ярмарке отдельная зона была отдана любителям настольных игр от HobbyGames. Многие посетители ярмарки весело проводили здесь время.

Но в другой локации было не так оживленно, там царило другое настроение, потому что участники играли в очень необычную настольную игру, созданную сотрудниками музея Международный Мемориал.

Игра «**74. Настольная игра по советской истории**» (сайт https://74game.ru/) рассказывает о жизни людей на протяжении 74-х лет существования СССР. Идея игры и ее первый прототип появились в диссидентской среде еще в 80-х годах прошлого века. От тех времен осталось игровое поле, на котором не без черного юмора была представлена история XX века. В начале 2000-х годов игра попала в музей Международный Мемориал. Но поскольку никто не знал, кто ее придумал и каковы правила игры, возникла идея создать современную игру как повод для разговора об истории нашей страны.

Каковы правила игры? Игроки начинают свой путь в 1917 году и завершают в 1991 г. (но возможен и сокращенный вариант игры – с 1917 по 1953 гг.). Перемещение по игровому полю происходит по двум линиям: истории и личной жизни.

После броска кубика разноцветные пуговицы-фишки перемещаются по полю, игроки получают карточки и «собирают» события личной жизни (женитьба, холера, несчастная любовь, рождение ребенка, покупка автомобиля и т.д.). Все это происходит на фоне важнейших событий страны. 148 карточек-событий (например, высылка Троцкого, образование Соловецкого лагеря и др.) рисуют картину жизни страны, и на каждой из карточек есть комментарий «очевидца», извлечённый из реальных дневников и архивных документов.

В игре присутствуют песонажи восьми классов. Участие в исторических событиях влияет на их положение в обществе. Персонаж может оказаться маргиналом: «**Бывший**» (представители аристократии, духовенства, интеллигенции), «**Неформал**» или «**Враг народа**»); обнаружить себя среди элиты советского общества («**Военный**», «**Чекист**» или «**Специалист**»), или сохранить связь с деревней или заводом («**Крестьянин**», «**Рабочий**»).

Отдельные круги на игровом поле – «отсидки» и «командировки». «Лагеря» – это отдельный мир, судьба персонажа определяется 40 карточками отсидки (сотрудничество с лагерной администрацией или блатарями, посылки от родственников, досрочное освобождение («По рогам»), попытки побега и др.).

Наша группа из 4-х человек выбрала сокращенный вариант игры. В первую очередь каждый придумал своего персонажа: его класс, пол и возраст (от 18 до 77 лет). Как сказала ведущая: «Чем персонаж моложе, тем больше шансов, что он проживет полностью всю игру. Не придется кого-то заново создавать».

Но то и дело приходилось «создавать заново», потому что после получения карточек звучали слова: «1918 год – начало Гражданской войны, Вас убивают, придумайте нового персонажа», «1919 год – высадка красных в Крыму, Вас убивают», «1934 год – убийство Кирова, Вы арестованы, получили новый класс – «Враг народа», погибаете в лагере, «1941 год – начало Великой Отечественной войны, Вы попадаете на фронт и погибаете» и т.д. С того года, когда умирал персонаж, в игру вступал его родственник. Для него также выбиралось имя, возраст, социальное происхождение.

Когда один из игроков по линии истории дошел до 1953 года (или до 1991 года – в полном варианте игры), остальные игроки сделали по последнему ходу, игра закончилась, но здесь не было выигравших или проигравших.

После завершения началась самая важная часть игры: используя собранные карточки, каждый игрок рассказывал биографию своего персонажа, стараясь увязать случайно выпавшие карты между собой, а судьбу персонажа – с жизнью страны.

Настольная игра по советской истории, «74» – это способ поговорить о нашем общем прошлом — понять какие явления и события сохранились в памяти, а о чем хочется забыть, но делать этого нельзя.

«История в предметах: тайны канцелярии»

На стенде #«Культура Красноярья» большим успехом у школьников пользовалась интерактивная познавательная игра **«История в предметах: тайны канцелярии»**. Сначала ребята слушали истории про изобретение обычных предметов: ручки, карандаша, циркуля, точилки. Потом сами сочиняли рассказы, главными героями которых были предметы канцелярии.

Но на самом деле с этой игрой все обстоит гораздо интереснее! Первоначально она проходила в рамках проекта Красноярской краевой детской библиотеки «Тайны канцелярии», поддержанного Фондом Михаила Прохорова. Суть в том, чтобы дети через предметы канцелярии попытались узнать семейную историю, больше узнали о жизни своих родных. Каждая встреча-занятие посвящалась какому-то предмету, «узнаванию» – как он появился в семье. Например, одна девочка принесла циркуль и с удивлением рассказала, что ее бабушка была известным конструктором, блестяще выполняла чертежи. А раньше об этом никогда не говорили, для девочки профессия бабушки стала большим открытием. Циркули, которые принесли ребята из дома, составили целую экспозицию, и у многих из них оказалась своя история. Интересную коллекцию старинных чернильниц принесла в библиотеку семья Тимофеевых. В другой семье бережно хранятся точилки, одна из которых была давным-давно привезена из Англии.

Но самое главное – с помощью этих обычных предметов дети узнали семейные истории, выяснили – кем были их бабушки и дедушки, кто в семье выточил самодельную деревянную ручку и выжег на ней рисунок, кто использовал в чертежной работе большую старинную готовальню и т.д. Семейные истории послужат основой для двухсерийного фильма. Ребята из съемочной группы самостоятельно берут интервью, занимаются видеосъемкой. Чтобы научиться этому, они участвуют в мастер-классах известных журналистов, получают консультации операторов и видеоинженеров. Возможно, скоро мы увидим фильм, в котором предметы канцелярии раскрывают семейные тайны.

Сотрудники краевой детской библиотеки вместе с ребятами мечтают собрать как можно больше интересных историй. Они запланировали поездки в разные музеи: музей-усадьбу Г. В. Юдина, мемориальный комплекс В. П. Астафьева, городской литературный музей и др. Конечно, при виде ручки писателя Астафьева или чернильного прибора купца и знаменитого

библиофила Г. В. Юдина в душе возникают особые чувства. Будем ждать результатов проекта «Тайны канцелярии» на страничке краевой детской библиотеки ВКонтакте.

Квилтинговая мастерская

На стенде #Культура Красноярья можно было сочинить историю необычным способом – «сшить» ее из разных «лоскутков» в квилтинговой мастерской под руководством ведущего методиста Красноярской краевой специальной библиотеки Анны Вильдановой.

В определенном порядке на столе лежали мешочки, в каждом из них были свои «лоскутки» – предметы или карточки, обозначающие героя истории (мальчик или девочка), его возраст (карточки с цифрами), время года и суток, цвет, действие и т.д. Каждый мог пройти вокруг стола, набрать разных «лоскутков», за несколько минут придумать свою историю и рассказать ее перед камерой. После записи каждому автору квилтинговой истории вручалась закладка с адресом и указанием сайта библиотеки, где он мог посмотреть свой ролик.

Здесь же любой любознательный посетитель ярмарки мог погрузиться в историю города и его достопримечательностей. Участники такого «погружения» составляли пазл-карту «**Красноярска XVIII-XIX веков**» с его окрестностями, слушая при этом увлекательный рассказ главного библиографа краевой молодежной библиотеки о самых интересных исторических фактах.

Творческое знакомство с достопримечательностями Красноярска проходило через раскрашивание рисунков из книжки «**Мой Красноярск от А до Я**». Рисунок здания или памятника сопровождался интересным текстом, который дополняла увлекательным рассказом Ксения Похабова – заведующая отделом краеведческой информации Краевой научной библиотеки.

Заключение

Завершая рассказ про интеллектуальный и культурный праздник, можно подвести итог: XIII ярмарка книжной культуры традиционно состоялась с большим успехом! На интеллектуальном фестивале прошли встречи с отечественными и зарубежными писателями, учеными, деятелями культуры; все активные красноярцы и гости побывали на презентациях книг, прослушали лекции, поучаствовали в мастер-классах и дискуссиях.

Цифры статистики КРЯККа впечатляют: 45 тысяч посетителей и 283 участников культурной программы, 304 интересных события, книги от 250 издательств! Но не измерить цифрами тот импульс, который получили все посетители ярмарки. Взрослые и дети унесли с собой книги и яркие впечатления, а также эмоции и желание больше узнать об истории своей семьи и города, своего рода и края.

Л. Н. Толстой писал, что путешествия вдохновляют. После впечатляющего праздника книги хочется продолжить это высказывание классика: путешествия на КРЯКК вдохновляют! Вдохновляют на то, чтобы рассказать коллегам обо всем услышанном и применить в своей работе все лучшее, проявить инициативу и задумать новые проекты.

То, что мы услышали о локальных историях, новых форматах и технологиях работы с ними (с привлечением музеев и других партнеров), о создании аудиогидов – все это очень актуально. Очень важно через личное посмотреть на большую историю страны и государства, прочувствовать ее через жизнь конкретного человека.

Главное – думать об этом и творить, чтобы чувствовать сопричастность к общей истории страны не по сухим цифрам статистики или фактам из энциклопедии, а по той истории, которая живет в наших душах, сердцах, умах.

Благодарим Фонд Михаила Прохорова и всех организаторов и участников XIII выставки-ярмарки книжной культуры. Подробнее познакомиться с событиями КРЯККа и посмотреть видеоролики дискуссий и лекций можно на сайте Фонда Михаила Прохорова.

XIV Красноярская ярмарка книжной культуры пройдет с 3 по 7 ноября 2020 года. Эту возможность для открытий и обретения нового опыта непременно нужно использовать!

Приложение. Фото XIII КРЯКК

Приветственное слово И. Д. Прохоровой

Доклад А. Артамонова

Выступление Томислава Шолы

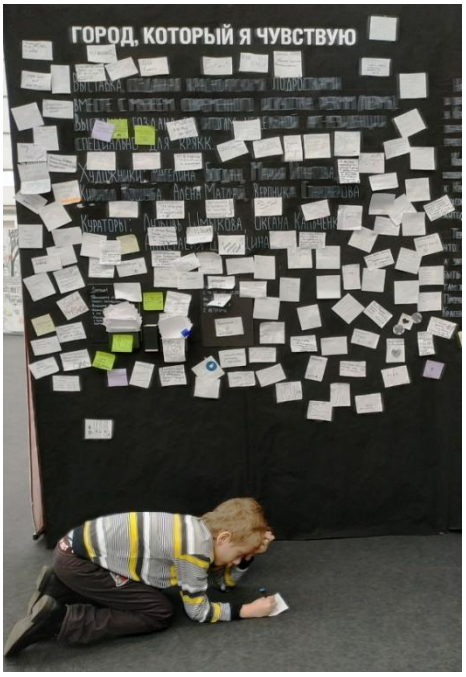
А. Шиндина с рассказом о библиотеках Юдина

Участники дискуссии Б. Куприянов, М. Шубина, Ю. Слезкин

Презентация книг Алекса Капю

У баннера книги «Транссиб. Поезд отправляется» **«74. Игра по советской истории»**

Печать личных историй идет полным ходом



Нелегко написать отзыв о выставке **«Засушенному – верить»**

Познавательные занятия в «Ньютон Парке»

Спектакль «Очень голодная гусеница» **У стенда Кати Гущиной**

Юные книгочеи

фото по ссылке https://yadi.sk/d/Y130sgPQTz54bA

Содержание DVD-диска:

- Фотографии XIII Красноярской Ярмарки Книжной Культуры
- Презентации участников мероприятий
- Электронный вариант сборника «КРЯКК вдохновляет»
- Презентация «Путешествие за локальными историями»
- Видео и др.